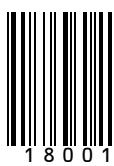

ISSN 2409-3793

ВЕСНИК

Магілёўскага дзяржаўнага
універсітэта
імя А. А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца с снежня 1998 года

Серыя Д. ЭКАНОМІКА, САЦЫЯЛОГІЯ, ПРАВА

Выходзіць два разы ў год

1 (51)
2018

Галоўная рэдакцыйная камегія:

д-р гіст. навук прафесар Д.С. Ляўрыновіч (галоўны рэдактар);
д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (нам. галоўнага рэдактара);
д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (нам. галоўнага рэдактара)
д-р экан. навук прафесар Н.У. Макоўская (старшыня рэдакцыйнага савета серыі D);
Л.І. Будкова (адказны сакратар)

Эканоміка:

д-р экан. навук прафесар Л.У. Пакуш (Горкі)
д-р экан. навук прафесар С.А. Канстанцінаў (Горкі)
канд. экан. навук дацэнт Т.Ф. Балашова (Магілёў)

Сацыялогія:

д-р сацыял. навук прафесар Ю.М. Бубнаў (Магілёў)
д-р сацыял. навук прафесар Н.М. Беляковіч (Мінск)
д-р сацыял. навук дацэнт М.Я. Ліхачоў (Магілёў)
канд. сацыял. навук дацэнт С.М. Ліхачова (Магілёў)

Права:

д-р юрыд. навук прафесар В.М. Бібіла (Мінск)
д-р юрыд. навук прафесар А.Г. Цікавенка (Мінск)
канд. юрыд. навук дацэнт Л.Ф. Лазуціна (Магілёў)
канд. юрыд. навук дацэнт А.І. Пліско (Магілёў)
канд. юрыд. навук дацэнт А.Ф. Свіб (Магілёў)

*Навукова-метадычны часопіс “Веснік Магілёўскага дзяржаўнага
універсітэта імя А.А. Куляшова” ўключаны ў РІНЦ
(Расійскі індэкс навуковага цытавання),
ліцэнзійны дагавор № 811-12/2014*

АДРАС РЭДАКЦЫИ:

212022, Магілёў, вул. Касманаўтаў, 1,
пакой 223, т. (8-0222) 28-31-51

ЗМЕСТ

ПАКУШ Л. В., БОСАК В. В. Применение СППР для оценки преференциальных режимов	4
МАКОВСКАЯ Н. В., ЧЕГЕРОВА Т. И. Использование ресурса рабочего времени в промышленности Беларуси	11
КОЛЕСНИКОВ С. Д., ДИКОВИЧ А. С. Концептуальные подходы к развитию экспортного потенциала региона (на примере Гомельской области)	24
СТЕПАНЕНКО Д. М. Метод социально-правового эксперимента в системе исследования эффективности инновационной функции государства	37
МУРАДЯН К. Б. Конкурентоспособность малых стран в условиях интеграционного сотрудничества: возможности и проблемы адаптации	46
ДИКОВИЧ А. С. Теоретические аспекты формирования и исследования экспортного потенциала региона	52
ПОСТАЛОВСКИЙ А. В. Технологии дестабилизации информационного поля средствами сетевой виртуальной медиакоммуникации	61
ЛИХАЧЕВА С. Н. Молодежная политика в оценках городской и сельской молодежи: социологический анализ	71
МИЦКЕВИЧ О. Н. Профессиональная адаптация молодых специалистов как инструмент успешной кадровой политики в сфере культуры Республики Беларусь	78
АНИСИМОВ А. П. Экологический правопорядок Российской Федерации как юридическая категория: вопросы теории	85
КАТЦОВА Т. М. Образование в исправительных колониях для лиц, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы: пути совершенствования	92
ОМЕЛЬЯНОВИЧ Е. Н. Актуальные вопросы о понятии брачного договора и лицах, его заключающих, по законодательству Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины	99
ДАНЬКОВА И. В., ПЕРУНОВ М. В. Особенности профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями из неблагополучных семей	105
ГОГОНОВА О. В. Проблема определения вещных прав на земельный участок юридических лиц	113

ЭКАНОМІКА, САЦЫЯЛОГІЯ, ПРАВА

УДК 336.71

ПРИМЕНЕНИЕ СППР ДЛЯ ОЦЕНКИ ПРЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ РЕЖИМОВ

Л. В. Пацуш,

д.э.н., профессор

Белорусская государственная сельскохозяйственная академия

В. В. Босак,

аспирант кафедры экономической теории

Белорусская государственная сельскохозяйственная академия

Горки, Республика Беларусь

За последние десятилетия произошло значительное углубление информатизации мирового сообщества, что обусловило необходимость в новых подходах и способах структурирования и обработки значительных объемов информации. Существенная роль в этом процессе отводится специализированному компьютерному программному обеспечению – системам поддержки принятия решений (СППР). На мировом рынке СППР имеется целый ряд продуктов, которые классифицируются по различным критериям: по взаимодействию с пользователем, по способу поддержки, по сфере использования, в зависимости от архитектуры.

Современные СППР могут сыграть непосредственную роль при принятии инвестиционных решений. Возможные направления применения СППР – помочь в принятии решения относительно выбора страны для осуществления инвестиций на основе сравнения преференциальных режимов стран, а также выбор среди преференциальных режимов конкретно взятой страны.

Ключевые слова: система поддержки принятия решений (СППР); преференциальный режим; инвестиционные решения.

Введение

Углубление информатизации мирового сообщества определяет необходимость в новых подходах и способах структурирования и обработки значительных объемов информации. Существенная роль в этом процессе отводится специализированному компьютерному программному обеспечению, призванному облегчить работу пользователя, повысить ее эффективность, ускорить процесс принятия решений.

Термин “система поддержки принятия решений (СППР)” появился в начале 70-х гг. ХХ ст. Первые реализации СППР за рубежом использовались в сфере бизнеса. В дальнейшем СППР начали применяться и в других сферах деятельности, где человеку или группе людей необходимо было проанализировать альтернативы, сравнить их, сделать выбор.

Системы поддержки принятия решений на современном этапе играют все большее и большее значение для людей, занятых в самых различных сферах

© Пацуш Л. В., 2018

© Босак В. В., 2018

деятельности. Инвестиционная деятельность не является исключением. Потенциальный иностранный инвестор, пришедший на незнакомый рынок, сталкивается с огромным объемом новой информации, которую необходимо систематизировать, обработать и принять определенное решение по итогам ее изучения.

Возможные направления применения СППР для потенциального инвестора – помочь в принятии решения относительно выбора страны для осуществления инвестиций на основе сравнения преференциальных режимов стран, а также выбор среди преференциальных режимов конкретно взятой страны [1; 2; 3; 4; 5].

Цель исследования – оценить возможность использования СППР для оценки преференциальных режимов при принятии инвестиционных решений на примере Республики Беларусь и Республики Казахстан.

Основная часть

Рассмотрим несколько моделей применения СППР при принятии инвестиционных решений, когда потенциальному иностранному инвестору, пришедшему на рынок Республики Беларусь, необходимо осуществить выбор между двумя преференциальными режимами, предлагаемыми для осуществления инвестиционной деятельности.

Первый преференциальный режим – свободные экономические зоны, второй – территория малых, средних городов и сельской местности. Представляемые в рамках обоих режимов льготы и преференции схожи, тем не менее существует и ряд отличий, которые могут сыграть определяющую роль при выборе того или иного режима.

Резиденты СЭЗ освобождаются от:

- налога на прибыль в течение 10 лет, по истечении 10 лет налог на прибыль – по ставке, уменьшенной на 50% от общеустановленной ставки;
- налога на недвижимость по всем капитальным строениям, расположенным на территории СЭЗ;
- государственной пошлины за выдачу иностранным гражданам и лицам без гражданства специальных разрешений на право занятия трудовой деятельностью в Республике Беларусь;
- налога на земельные участки, предоставленные резидентам СЭЗ, зарегистрированным с 1 января 2012 г., на период проектирования и строительства объектов недвижимости, но не более 5 лет с даты указанной регистрации;
- освобождение от уплаты НДС, взимаемого таможенными органами, при выпуске для внутреннего потребления товаров, изготовленных с использованием иностранных товаров, помещенных под таможенную процедуру СТЗ;
- ввозных таможенных пошлин на ряд товаров, сырья, комплектующих для реализации проекта;
- обязательной продажи выручки в иностранной валюте и др. [6; 7].

В свою очередь коммерческие организации, находящиеся на территории средних, малых городских поселений, сельской местности и осуществляющие на данных территориях деятельность освобождаются от:

- налога на прибыль, полученной от реализации товаров (работ, услуг) собственного производства (на 7 лет);
- налога на недвижимость со стоимости капитальных строений (зданий, сооружений) (на 7 лет);
- таможенных пошлин на ввозимое оборудование;
- обязательной продажи иностранной валюты;

– уплаты государственной пошлины за выдачу специального разрешения на осуществление юридическими и физическими лицами отдельных видов деятельности [8].

Для помощи в выборе одного из представленных выше преференциальных режимов используем одну из наиболее распространенных СППР – D-Sight.

Оценка преференциальных режимов будет производиться по следующим критериям, которые будут иметь равные веса:

- налог на прибыль;
- налог на недвижимость;
- земельный налог;
- таможенные пошлины;
- совокупность иных стимулов.

Выставленные оценки по вышеперечисленным критериям представлены на рисунке 1.

Project Wizard					
Evaluations (Step 5/5)					
Please evaluate each alternative, or import them from Excel.					
<input type="button" value="Import From Excel"/>					
	Иные стимулы	Таможенные пошлины	Земельный налог	Налог на недвижимость	Налог на прибыль
Малые и средние города	8	10	0	8	8
СЭЗ	5	7	7	10	8

Previous	<input type="button" value="Setup Project"/>
----------	--

Рисунок 1 – Окно оценки инвестиционных режимов по выбранным критериям

Результаты сравнения преференциальных режимов представлены на рисунке 2. В данном примере оба преференциальных режима будут иметь одинаковую привлекательность для иностранного инвестора.

Рисунок 2 – Результаты сравнения преференциальных режимов

Во второй модели рассмотрим процесс сравнения преференциальных режимов для иностранных инвесторов в разных странах мира, а именно Свободных экономических зон (СЭЗ) в Республике Беларусь и Республике Казахстан.

Как было отмечено выше, в Республике Беларусь зарубежные инвесторы получают ряд льгот и преференций при ведении бизнеса на территории СЭЗ: освобождение от налога на прибыль (по форуме 10+10), налога на недвижимость по всем капитальным строениям, государственной пошлины за выдачу иностранным гражданам и лицам без гражданства специальных разрешений на право занятия трудовой деятельностью в Республике Беларусь; налога на земельные участки, предоставленные резидентам СЭЗ, а также таможенные льготы [6; 7].

В Республике Казахстан также имеются соответствующие преференции для иностранных инвесторов. Так для участников всех СЭЗ предусмотрены следующие льготы:

- освобождение от корпоративного подоходного налога (КПН);
- освобождение от земельного налога;
- освобождение от налога на имущество;
- освобождение от налога на добавленную стоимость (НДС) при реализации на территорию СЭЗ товаров, полностью потребляемых в процессе производства;
- освобождение от таможенных пошлин на ввозимое оборудование;
- упрощенный порядок найма иностранной рабочей силы;
- предоставление бесплатного земельного участка на срок до 10 лет [9; 10].

Для целей данного примера предположим, что иностранный инвестор намерен осуществлять свою деятельность в свободной экономической зоне, однако ему необходимо принять решение, в СЭЗ какой страны он получит больший объем льгот и преференций для реализации своего инвестиционного проекта.

С помощью СППР D-Sight зададим следующие критерии, которые также будут иметь равные веса (рисунок 3):

- налог на прибыль/корпоративный налог;
- налог на недвижимость;
- земельный налог;
- таможенные пошлины;
- совокупность иных стимулов.

Use Interactive Survey		Set All Weights Equal	
Name			
Иные стимулы	20.0000	%	
Таможенные пошлины	20.0000	%	
Земельный налог	20.0000	%	
Налог на недвижимость	20.0000	%	
Налог на прибыль	20.0000	%	

Previous **Next**

Рисунок 3 – Окно определения весов используемых критериев

В соответствии с предоставляемыми льготами и преференциями для иностранных инвесторов в обеих СЭЗ оценим каждый из критериев по 10-балльной шкале (рисунок 4).

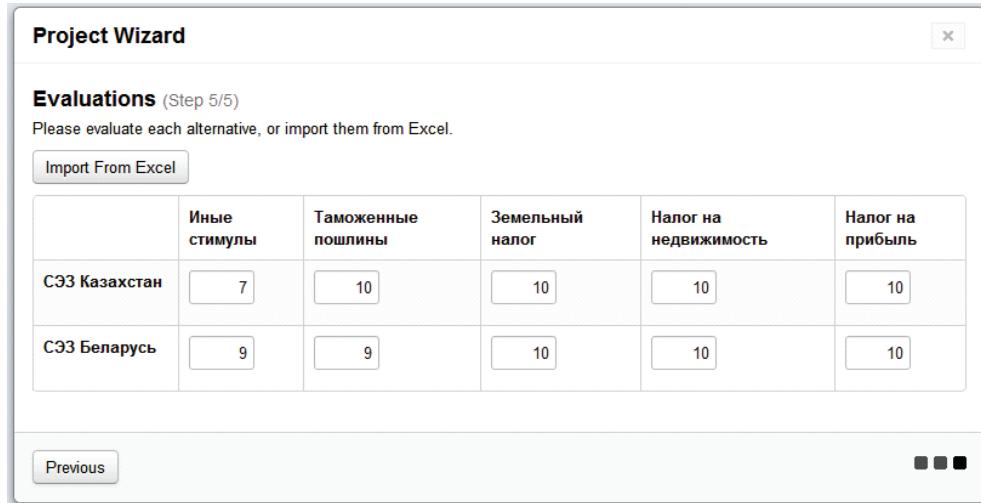

Рисунок 4 – Окно определения весов используемых критериев

Результаты сравнения СЭЗ Республики Беларусь и Республики Казахстан представлены на рисунке 5. Как видно, в данном примере более предпочтительным для иностранного инвестора было бы осуществление инвестиционной деятельности в СЭЗ Республики Беларусь.

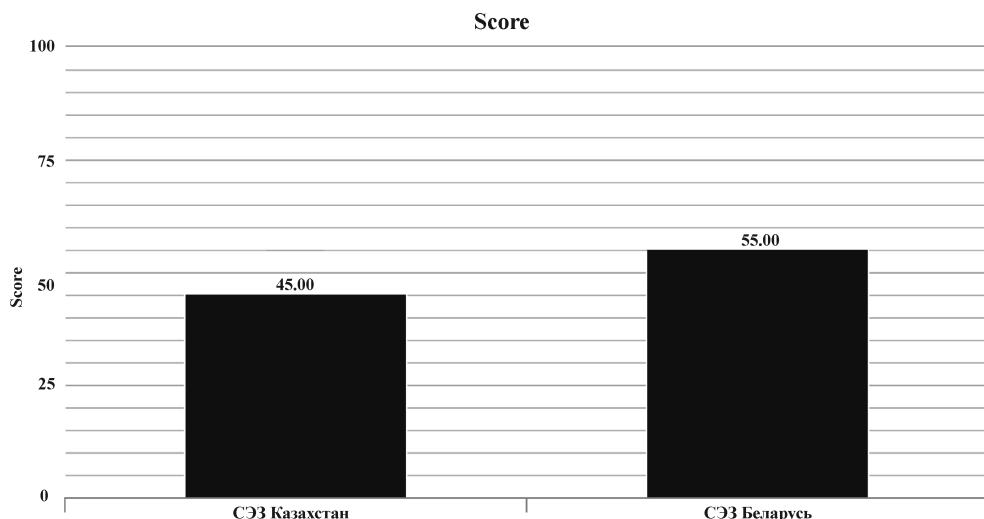

Рисунок 5 – Результаты сравнения СЭЗ Беларусь и Казахстана

Тем не менее стоит отметить, что рассмотренные примеры представляют собой лишь обобщенные модели выбора инвестиционного режима или страны без учета специфики конкретного проекта, предпочтений самого инвестора и других объективных и субъективных факторов. Однако он наглядно показывает,

что современные СППР при определенных условиях могут сыграть непосредственную роль при принятии инвестиционных решений.

Заключение

Углубление информатизации мирового сообщества на современном этапе создает острую потребность в новых подходах и способах структурирования и обработки значительных объемов информации. Существенная роль в этом процессе отводится специализированному компьютерному программному обеспечению (системам поддержки принятия решений – СППР), призванному облегчить работу пользователя, повысить ее эффективность, ускорить процесс принятия решений.

Современные СППР при определенных условиях могут сыграть непосредственную роль при принятии инвестиционных решений. Потенциальный зарубежный инвестор, прия на новый рынок, сталкивается с огромным объемом информации, касающейся условий ведения бизнеса в той или иной стране. Данную информацию необходимо систематизировать, обработать и, как итог, принять определенное решение относительно осуществления инвестиционной деятельности. Возможные направления применения СППР – помочь в принятии решения относительно выбора страны для осуществления инвестиций на основе сравнения преференциальных режимов стран, а также выбор среди преференциальных режимов конкретно взятой страны.

В то же время важно подчеркнуть, что роль систем поддержки принятия решений в процессе принятия любого решения является скорее вспомогательной, поскольку принятие конечного решения всегда остается за человеком с учетом ряда как объективных, так и субъективных факторов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Балдин, К. В.** Информационные системы в экономике / К. В. Балдин, В. Б. Уткин. – Москва : Дашков и К°, 2008. – 395 с.
2. **Босак, В. В.** Особенности принятия инвестиционных решений с использованием СППР / В. В. Босак, В. Н. Босак // Экономика и управление производством: тезисы докладов. – Минск : БГТУ, 2016. – С. 56.
3. **Терелянский, П. В.** Системы поддержки принятия решений. Опыт проектирования / П. В. Терелянский. – Волгоград : ВолгГТУ, 2009. – 127 с.
4. Investment Promotion Agencies as Policy Advocates. – New York : United Nations Conference on Trade and Development, 2008. – 112 р.
5. **Thomas, P. K.** Investment incentives: Growing use, uncertain benefits, uneven controls / P. K. Thomas // The Global Subsidies Initiative (GSI). – Geneva, 2007. – 84 р.
6. **Малыхин, Ю. Г.** Свободные экономические зоны Республики Беларусь: состояние и перспективы развития / Ю. Г. Малыхин, Э. В. Костромичева // Белорусский экономический журнал. – 2008. – № 3. – С. 45–53.
7. О свободных экономических зонах: Закон Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 213-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 30.11.2017.
8. О стимулировании предпринимательской деятельности на территории средних, малых городских поселений, сельской местности: Декрет Президента Республики Беларусь от 7 мая 2012 г. № 6 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 30.11.2017.
9. **Гахов, С.** Жизнь ПИИ в Казахстане / С. Гахов // Казахстан. – 2014. – № 2. – С. 3–7.

-
10. Invest in Kazakhstan // Национальное агентство по экспорту и инвестициям “KAZNEX INVEST” [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.invest.gov.kz/>. – Дата доступа: 30.11.2017.

Поступила в редакцию: 08.12.2017 г.

Контакты: pakush1943@mail.ru (Пакуш Лариса Владимировна)

rayovallecano@tut.by (Босак Виктор Викторович)

Pakush L., Bosak V. APPLICATION OF DSS FOR EVALUATION OF PREFERENTIAL REGIMES.

In recent decades, there has been a significant increase in informatization of the world community, which necessitated new approaches and ways of structuring and processing of significant volumes of information. An essential role in this process is assigned to specialized computer software – Decision Support Systems (DSS). In the world DSS market, there are a number of products classified according to various criteria: user interaction, support method, sphere of use, architecture.

Modern DSS can play a direct role in making investment decisions. Possible areas of DSS application include assistance in making decisions on the choice of a country for investment based on comparisons of preferential regimes of the corresponding countries, as well as the choice among preferential regimes of a particular country.

Keywords: decision support system (DSS); preferential regime; investment decisions.

УДК 331.5

ІСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕСУРСА РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ БЕЛАРУСИ

Н. В. Маковская,

доктор экономических наук, профессор

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Т. И. Чегерова

кандидат технических наук, доцент

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье представлены авторские оценки использования рабочего времени в промышленности Беларуси. Дан анализ основных параметров использования рабочего времени и механизмов его функционирования. Обоснованы причины неэффективности рабочего времени в национальной экономике Беларуси.

Ключевые слова: рабочее время, человеческий капитал, рынок труда, заработка плата, доход, производительность труда.

Введение

Значимость категории “рабочее время” одинакова как с экономической позиции, так и юридической, что обосновано идентичным ее пониманием как времени, в течение которого работник должен выполнять возложенные на него обязанности (трудовые функции).

Актуальность категории “рабочее время” связана и с тем, что само рабочее время и время отдыха связаны с такими институтами, как оплата и нормирование труда, трудовая нагрузка, дисциплина труда, охрана труда.

Возникает необходимость в экономическом и юридическом обосновании регулирования и формирования инструментов использования рабочего времени как со стороны работников, так и со стороны работодателей. Поэтому объектом научного исследования в изучении процессов рабочего времени являются социально-экономические и трудовые отношения по поводу формирования и использования рабочего времени.

Основная часть

Социально-экономическую и юридическую сущность рабочего времени целесообразно определять следующим образом:

Во-первых, с экономической точки зрения рабочее время это период участия работника в создании товаров (услуг), предназначенных для реализации. В этом случае – рабочее время показатель использования работодателем способности к труду, которая принадлежит работнику. Это время, когда труд является экономически выгодным.

Во-вторых, с социальной точки зрения, рабочее время это граница, которая не позволяет тратить на работу все астрономическое время и в этом смысле

рабочее время решает задачу реализации человека в социальной среде посредством возможности реализовать свои качества и таким образом улучшить свое положение в социальной структуре.

В-третьих, юридически – рабочее время это норматив, имеющий правовые границы, в рамках которых работодатель имеет право требовать исполнения трудовых обязанностей, а также обладает правом дисциплинарного воздействия [1, с. 165]. Рабочее время – это определенная совокупность правовых гарантий, норм, условий (то, что закрепляется законом), являющаяся элементом трудового обязательства.

Современное трудовое законодательство Беларуси трактует рабочее время следующим образом: рабочим считается время, в течение которого работник в соответствии с трудовым, коллективным договорами, правилами внутреннего трудового распорядка обязан находиться на рабочем месте и выполнять свои трудовые обязанности [2, ст. 110]. Этот аспект рабочего времени и подлежит правовому регулированию. Однако в правовое понятие рабочего времени входят не только периоды непосредственного выполнения работником трудовых обязанностей, но и иные периоды, включаемые в рабочее время в соответствии с действующим законодательством. Следовательно, рабочее время включает в себя и отдельные производственные потери, которые являются объектом экономического регулирования.

Таким образом, рабочее время – это совокупная часть трудовых отношений, которая определяет условия труда и его организацию исходя из эффективных норм рабочего времени.

С позиции социально-экономических затрат приобретают смысл локальные (коллективно-договорные) нормы и индивидуальные трудовые договоры, которые регламентируют и оптимизируют использование рабочего времени через установление его норм и режимов. Локальные нормы устанавливают минимальные (максимальные) нормы продолжительности рабочего времени, основные положения о порядке и способах его распределения в пределах суток, недели или другого календарного периода, о запрещении в качестве общего правила работы в нерабочее время и порядке привлечения к работе в исключительных случаях сверх установленной продолжительности рабочего времени, в выходные и праздничные дни, а также указаны вопросы, которые решаются локальными нормами и по соглашению работника и работодателя.

Юридическая сила локальных норм представляет собой экономическую основу для регулирования затрат рабочего времени и затрат, связанных с оплатой отработанного рабочего времени.

Экономическая сущность рабочего времени как основы формирования социально-трудовых затрат обосновал К. Маркс [3] подчеркивая, что количество труда, затраченное в один и тот же промежуток времени, может быть различным в зависимости от его интенсивности. Это является базисом формирования производительности труда и резервом его роста.

С позиции социально-трудовых затрат рабочее время – это продолжительность периода, в течение которого работник должен выполнять свою трудовую нагрузку. Такая позиция требует четкого количественного учета объема трудовой нагрузки работника.

Таким образом, с учетом методологической и экономической сущности рабочего времени следует предложить несколько положений, касающихся его использования как фактора формирования социально-трудовых затрат.

1. Регулирование использования рабочего времени позволяет увеличивать или сокращать число рабочих мест путем манипулирования продолжительностью работы на рабочем месте, совмещением работы.

2. Гибкие графики работы и режимы рабочего времени позволяют его оптимизировать как в интересах работодателей, так и в интересах наемных работников.

3. Оптимизированное использование рабочего времени, снижение издержек по его учету и мониторингу, способствует интенсивному развитию организации. Для такого использования рабочего времени необходима качественная рабочая сила, со сформированными специфическими характеристиками человеческого капитала.

4. В качестве меры поддержания конкурентоспособности организации целесообразно снижать затраты на рабочую силу путем отмены запретов на временную и частичную занятость, сокращать список профессий, в которых запрещено применение труда на “нерегулярной”, или временной основе. “Нерегулярные” работники, как правило, имеют временные контракты, не получают от компании выплат по социальному обеспечению, а их доходы составляют в среднем одну треть обычных (“регулярных”) работников. Продолжительность рабочей недели и рабочее время в расчете на год у “нерегулярных” работников значительно ниже, чем у занятых на “регулярной” основе. Такое использование рабочего времени является беззатратным.

Актуальность оценок использования ресурса рабочего времени связана с измерением динамики и структурным анализом отработанного рабочего времени, производительности и экономической эффективности в использовании ресурса труда через ресурс времени. Это является детерминирующим фактором эффективности производства в целом. Эффективное использование ресурса времени позволяет формировать экономически целесообразную численность занятых работников в национальной экономике.

Важным показателем, который характеризует эффективность использования ресурса труда, является отработанное время. Представляется, что оценка отработанного рабочего времени, выявление его потерь в период занятости на рабочем месте позволят выявить потенциал роста эффективности использования рабочего времени и занятости работников.

Методология

Выявить данные параметры эффективности возможно с помощью набора инструментальных средств, объясняющих взаимосвязь рабочего времени с изменениями валовой добавленной стоимостью, численностью занятых и заработной платой [4] как в целом в экономике, так и по видам экономической деятельности.

В рамках поиска приемлемой методологии важно определиться с инструментарием формирования статистической базы данных по отработанному рабочему времени. Задача состоит в использовании сопоставимых измерителей динамики численности занятых, объема фактически отработанного рабочего времени, уровня заработной платы. Так, статистика по фактическому отработанному рабочему времени представлена в “Статистическом ежегоднике Республике Беларусь” в статистическом сборнике “Труд и занятость в Республике Беларусь”. Отдельная информация для мониторинга рабочего времени представлена в сборниках “Промышленность Республики Беларусь” и “Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь”. Более подробные расчеты и методика определения количества рабочего времени, которое запланировано на календарный год, представлены в годовых производственных календарях

Республики Беларусь. Однако в сравнении со статистической базой по отработанному и запланированному рабочему времени на календарный год белорусская статистическая база представляется весьма “скучной” в сопоставлении с российскими данными. В этой связи данное исследование имело в своем распоряжении только тот срез официальных данных, который представлен в государственной статистической информации. Главной проблемой национальной статистики по рабочему времени является ее отсутствие по всем видам экономической деятельности в Беларуси.

В национальной статистике Беларуси отсутствуют любые данные о количестве рабочих мест на видах работ по видам экономической деятельности, в отличие от российской статистики, где такие данные представлены, хоть и не в полном объеме, а лишь по тем сферам деятельности, по которым рассчитываются индексы производительности труда.

Анализ макростатистики общего фактически отработанного рабочего времени за год в экономике РБ по видам экономической деятельности

Рисунок 1 – Динамика отработанного рабочего времени [5–6]

Общий анализ наблюдений количества отработанного рабочего времени в национальной экономике Беларусь за период 2010–2016 гг. указывает на резкое снижение этого количества в 2012 и 2013 гг. Согласно производственным календарям Республики Беларусь такое “проседание” графика по количеству отработанного рабочего времени связано с изменением количества рабочих и нерабочих дней. К 2016 г. общее количество рабочего времени экономики Беларусь возросло и сравнялось с 2010 г. Так, экономика Беларусь на данном этапе располагает годовым фондом рабочего времени в размере 2038 ч.

Агрегирование данных по планируемому фонду рабочего времени (производственные календари РБ) в рамках месяцев и кварталов показало, что самые затратные по объему использования рабочего времени являются осенние месяцы (183–185 ч/месяц). Менее затратные по времени январь–февраль.

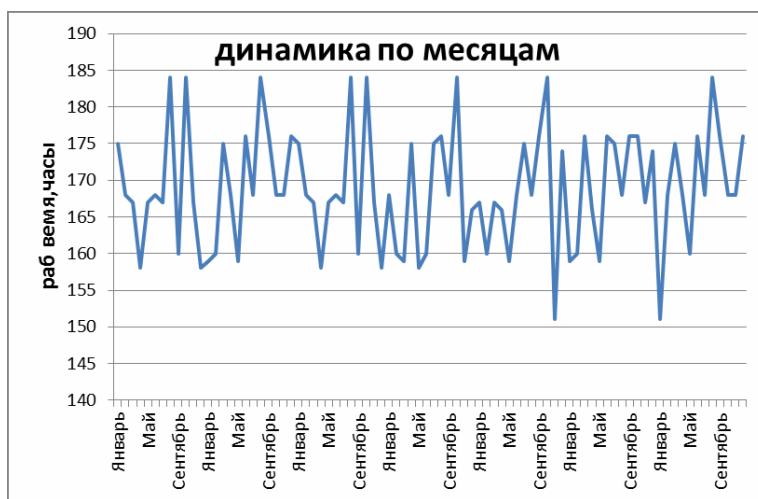

Рисунок 2 – Динамика изменения рабочего времени по месяцам

Основным экономическим параметром (экономической зависимостью), который оценивает степень эффективности отработанного рабочего времени и оплаченных трудовых усилий в это время является зависимость между отработанным рабочим временем и фондом оплаты труда, который является ценовой характеристикой времени труда. На рисунке 3 представлены результаты корреляционной оценки (период 2010–2016 гг.) на основе данных Национального статистического комитета РБ, включающие данные по ФЗП (фонду заработной платы) и по количеству отработанного рабочего времени по всем видам экономической деятельности.

Методика оценки. Отработанное рабочее время представляет собой произведение среднего фактически отработанного рабочего времени на 1 работника на количество экономических рабочих мест (рабочее место, обеспечивающее занятость одному работнику). ФЗП представлен как произведение номинально начисленной заработной платы и количества работников, занятых в экономике. ФЗП приведен представлен в долларовом эквиваленте (по курсу Национального банка РБ на 01.01. анализируемого года).

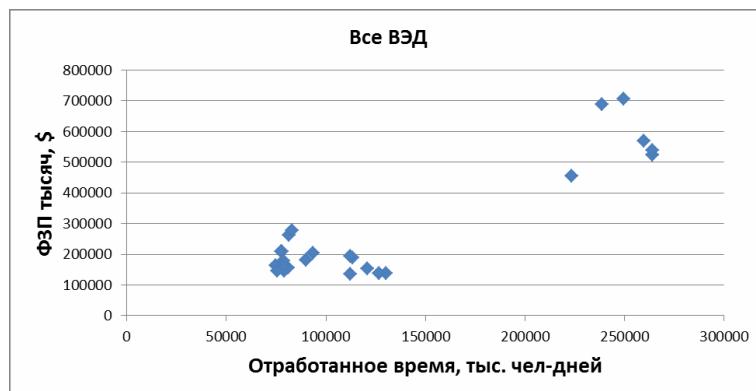

Рисунок 3 – Корреляция “ФЗП – отработанное рабочее время, чел.-дней”
(рассчитано на основе данных национальной макро статистики [5–6])

На рисунке 3 видно, что значимой корреляции нет, все изменения случайны. Однако заметно “облако” выделяющихся данных с большими значениями отработанного рабочего времени. Это данные вида экономической деятельности “промышленность”, которые в представленной зависимости указывают на то, что в данном виде деятельности количество отработанного рабочего времени значительно выше о ФЗП такой же, как в других видах деятельности. Если исключить вид экономической деятельности “промышленность”, то результат будет иной (рисунок 4).

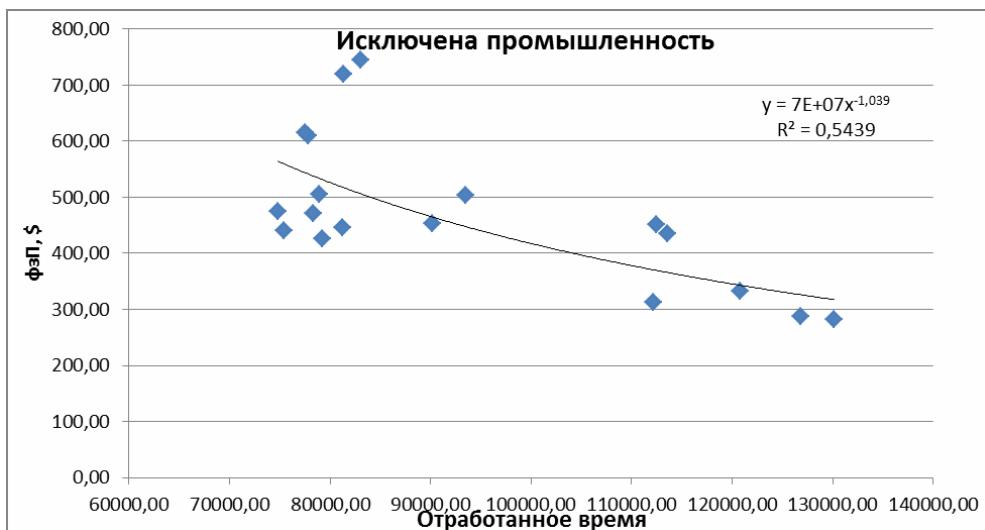

Рисунок 4 – Корреляция «ФЗП – отработанное рабочее время, чел.-дней, без учета вэд “промышленность”» (рассчитано на основе данных национальной макростатистики [5–6])

Результаты, представленные на рисунке 4, указывают на отрицательную зависимость между отработанным рабочим временем и ФЗП. Эта зависимость описывается уравнением

$$y = 7 \cdot 10^7 x^{1,039},$$

которое значимо ($R^2 = 0.54$, $p < 0.05$) и представляет модель с постоянной эластичностью, т.е. при увеличении отработанного рабочего времени на 1%, ФЗП уменьшается на 1,039%. С точки зрения экономической интерпретации это значит, что при увеличении норм времени для выполнения объема трудовой нагрузки оплата за ее выполнение будет сокращаться. Это указывает на то, что перерасход ресурса времени удешевляет цену единицы труда. Рост производительности труда это есть – увеличение трудовой нагрузки в рамках одной нормы времени. Увеличение норм времени – экономически не эффективно.

Таким образом, использование рабочего времени в промышленности представляется не эффективным. В остальных видах экономической деятельности установлена зависимость, указывающая на нецелесообразность перерасхода рабочего времени.

В таблице 1 представлены данные Национального статистического комитета Республики Беларусь только по 4 видам экономической деятельности из 17 возможных. Отсутствие данных по остальным 13 видам минимизирует сте-

пень репрезентативности исследования. Но национальная статистика представляет данные по основным (более масштабным) видам экономической деятельности за период 2010–2015 гг. Именно эти данные будут являться основой для анализа эффективности отработанного рабочего времени. В таблице 2 представлены статистические данные количества экономических рабочих мест за год в экономике РБ по видам экономической деятельности, которое идентично среднему количеству занятых в экономике. Таблицы 1 и 2 представляют собой основу для статистической оценки эффективности использования рабочего времени в экономике Беларуси.

Графически данные представлены на рисунках 5-7 [5; 6].

Таблица 1 – Количество фактически отработанного рабочего времени за год в экономике РБ по видам экономической деятельности

Виды экономической деятельности	В среднем на 1 работника дней					% к предыдущему году						
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Промышленность	223,3	222,3	221,8	218,2	216,4	212,7	100	99,6	99,8	98,4	99,2	98,3
Строительство	229,6	224,9	223,4	223,7	222,2	216,3	100	98,0	99,3	100,1	99,3	97,3
Транспорт и связь	231,9	230,2	229,5	227,0	227,1	225,9	100	99,3	99,7	98,9	100,0	99,5
Сельское и лесное хозяйство	264,5	264,2	263,5	262,0	261,1	258,5	100	99,9	99,7	99,4	99,7	99,0

Таблица 2 – Количество рабочих (экономических) мест за год в экономике РБ по видам экономической деятельности (это же среднее количество занятых)

Виды экономической деятельности	Тысяч рабочих мест					% к предыдущему году						
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Промышленность	1182,9	1188,2	1170,2	1143,8	1102,4	1051,0	100	100,4	98,5	97,7	96,4	95,3
Строительство	407,2	400,8	353,2	363,7	373,7	345,7	100	98,4	88,1	103,0	102,7	92,5
Транспорт и связь	350,3	344,1	341,3	342,8	341,5	333,9	100	98,2	99,2	100,4	99,6	97,8
Сельское и лесное хозяйство	492,2	480,2	458,5	433,4	430,7	434,0	100	97,6	95,5	94,5	99,4	100,8

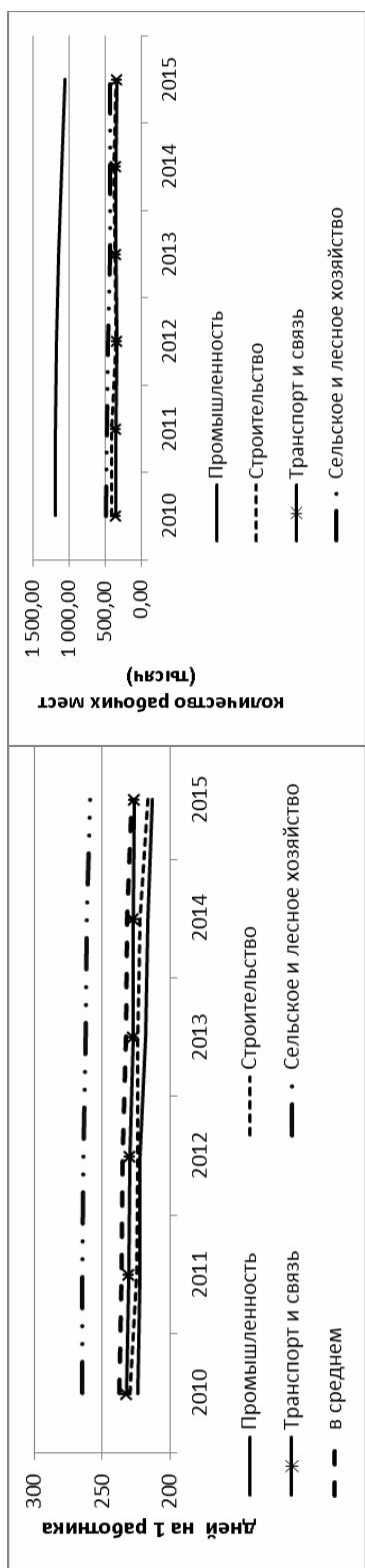

Рисунок 5 – Динамика отработанных дней на 1 работника

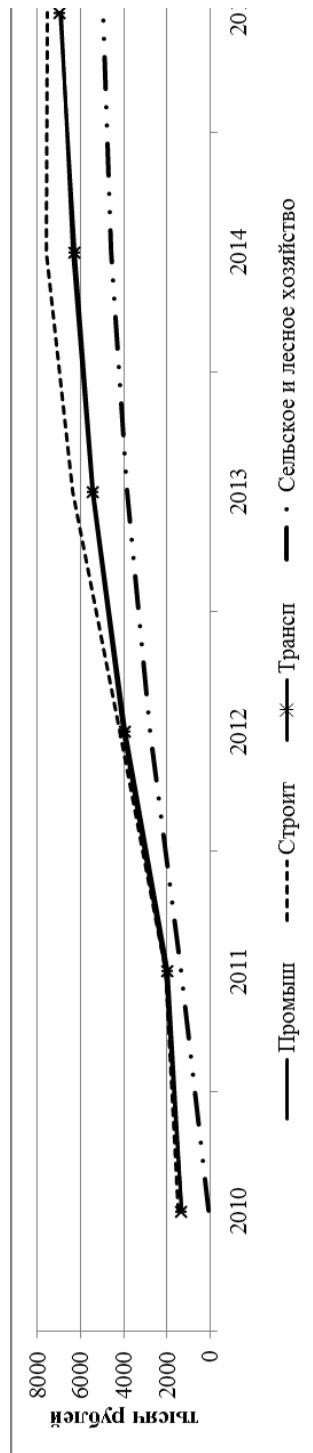

Рисунок 6 – Динамика количества рабочих мест

Рисунок 7 – Динамика номинальной заработной платы, в бел. руб

Статистический анализ агрегированных макроданных по изменению количества отработанного рабочего времени, динамики количества экономических рабочих мест и уровня номинальной заработной платы позволяет сформулировать следующие выводы:

- во-первых, наиболее затратным видом экономической деятельности по использованию ресурса времени в Беларуси является сельское хозяйство;
- во-вторых, по сравнению с 2010 г. к 2016 г. белорусские работники стали работать меньше, о чем говорит сокращение отработанного рабочего времени в среднем на 3-5 п.п.;
- в-третьих, при общем тренде к сокращению отработанного рабочего времени уровень номинальной заработной платы в экономике Беларуси вырос почти в 3,5 раза, при том, что количество экономических рабочих мест остается практически без изменения (2010–2016 гг.);
- в-четвертых, формирование трудовых затрат в экономике Беларуси происходит не рыночным способом (скорее институциональными методами), так как сокращение одного вида ресурса (времени) сопровождается сохранением ресурса труда на использование которого происходит увеличение финансовых ресурсов. Это позволяет заключить, о том, что ресурс времени в экономике Беларуси (для 4 основных ВЭД) не достаточно полно включен в систему учета затрат как часть издержек неэффективно используемых.

Представленная в национальной статистике информация по количеству отработанного рабочего времени только по некоторым видам экономической не позволяет получить объективное представление по эффективности использования рабочего времени. С этой целью целесообразно рассчитать среднюю производительность труда и ее динамику на основе показателя валовой добавленной стоимости в исследуемых видах деятельности. Расчет производительности труда проводился двумя способами: первый с использованием показателя отработанного рабочего времени (чел.-дни), второй с использованием показателя количества занятых работников на экономических рабочих местах. Результаты расчетов графически представлены на рисунках 8-10 [5; 6].

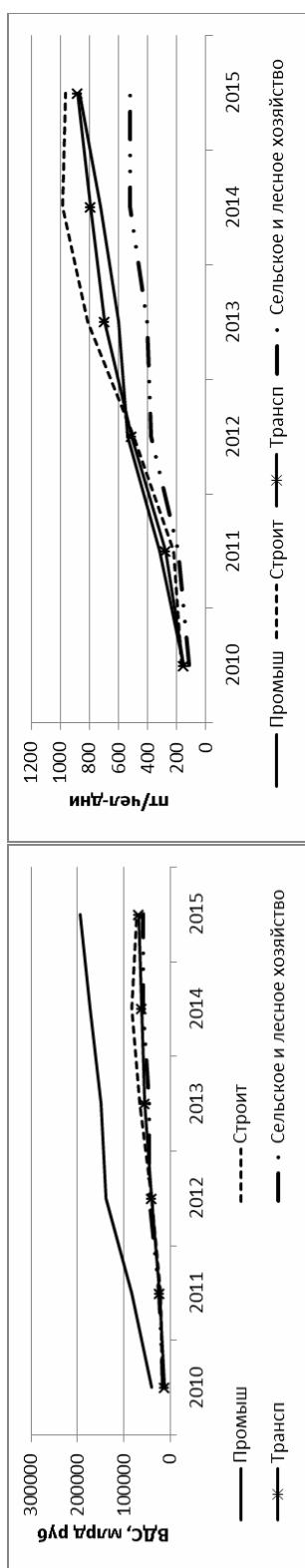

Рисунок 8 – Динамика валовой добавленной стоимости, в рублях

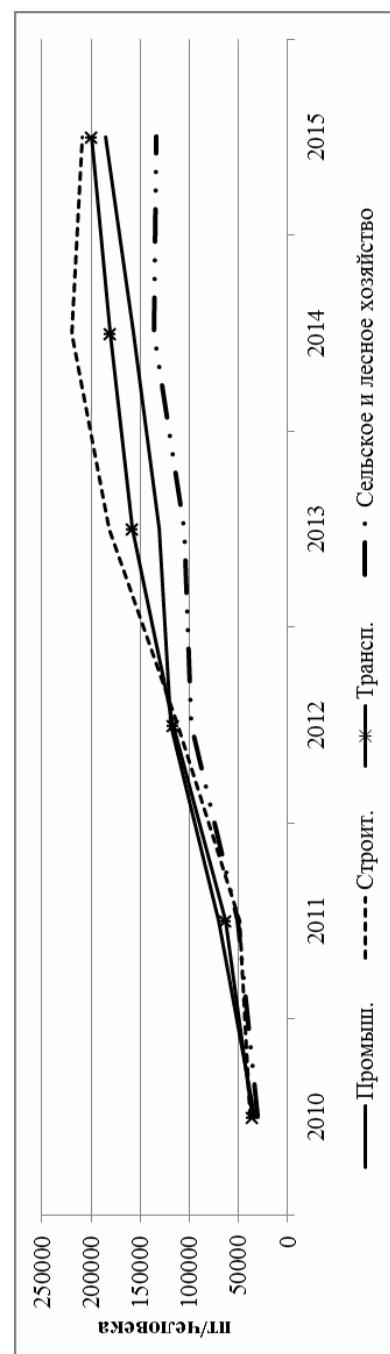

Рисунок 9 – Динамика производительности труда (ВДС в руб./чел.-дни)

Рисунок 10 – Динамика производительности труда (ВДС руб./человек)

Данные результаты расчетов представлены в белорусских рублях и демонстрируют одинаковый положительный тренд к росту валовой добавленной стоимости и производительности труда. Специфика замечена в таком виде экономической деятельности, как промышленность и связана с тем, что основной объем валовой добавленной стоимости приходится именно на этот вид деятельности при том, что уровень производительности труда и темп ее роста идентичен среднестатистическим значениям и сравним с исследуемыми видами деятельности.

Расчеты показали, что уровень производительности в период с 2010 по 2012 г. у всех видов деятельности был практически одинаковым. С 2013 г. данный показатель (рассчитанный двумя способами) стал принципиально отличен в этих видах деятельности.

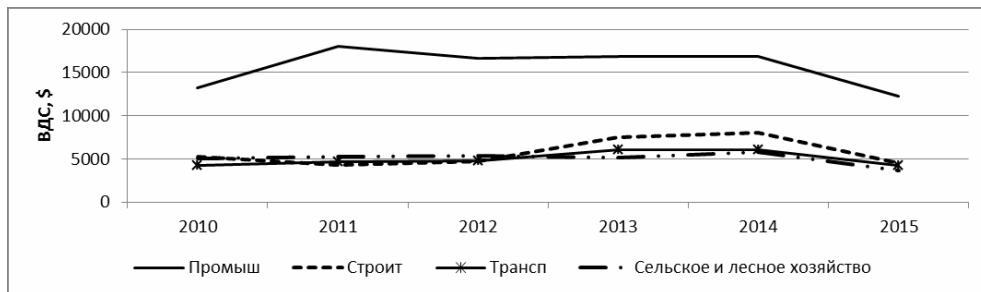

Рисунок 11 – Динамика валовой добавленной стоимости, в долларах

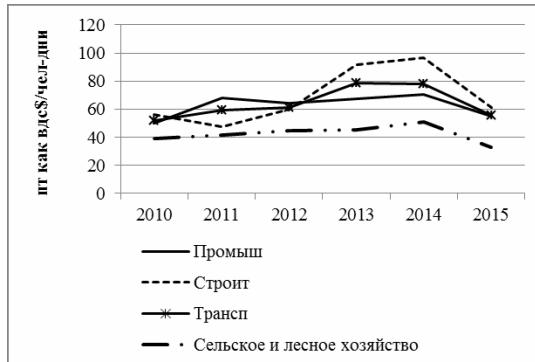

Рисунок 12 – Динамика производительности труда
(ВДС в дол/чел.-дни)

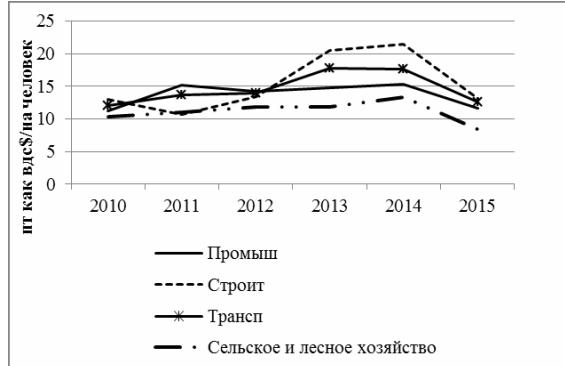

Рисунок 13 – Динамика производительности труда
(ВДС дол / человек)

Иные исследовательские результаты получены в случае расчетов, которые произведены в долларовом эквиваленте (рисунки 11–13). Как видно на графиках, в долларовом эквиваленте тренд валовой добавленной стоимости и производительности труда является скорее отрицательным. Положительная динамика отмечена только в 2013–2014 гг. и связана с ростом курса бел. рубля. Изменения показателя валовой добавленной стоимости демонстрируют не высокую степень эластичности, а показатели производительности труда более эластичны в данном контексте.

Дескриптивная статистика указывает на то, что исследуемые показатели и их значения зависят от курса доллара в национальной экономике.

Заключение

Значение экономической эффективности труда в странах Европы невысокое, является достаточно стабильным. Данный показатель в Беларуси является самым низким, но с положительной динамикой. Однако даже при такой динамике эффективность труда сложно сравнить с европейскими странами.

Следует предположить, что неэффективность использования рабочего времени в Беларуси является активизацией таких процессов на рынке труда, как: рост вторичной занятости работников, сокращение номинальных заработных платах эквивалентных курсу доллара, сохранению ненапряженных норм труда, и как следствие, трудовая недозагрузка работников.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Конвенция Международной Организации Труда “О сокращении рабочего времени до сорока часов в неделю” от 22.06.1935 № 47 // Конвенции и рекомендации, принятые Международной Конференцией труда. 1919–1956. – Т. 1. – Женева : Международное бюро труда, 1991.
2. Трудовой Кодекс Республики Беларусь // http://kodeksy-by.com/trudovoj_kodeks_rb.htm
3. **Маркс К. и Энгельс Ф.** Соч. Т. 23. – С. 421, 528. 534.
4. **Кузьмин В. В., Кузнецов С. Г.** и др. Моделирование и инструментальные средства прогнозирования отработанного рабочего времени // Интернет ресурс: <http://cyberleninka.ru/article/n/modelirovaniye-i-instrumentalnye-sredstva-prognozirovaniya-otrabotannogo-rabochego-vremeni>. Дата доступа: 05.02.2017
5. Статистический ежегодник Республики Беларусь: стат. сб. / Интернет ресурс: <http://www.belstat.gov.by/> Дата доступа: 06.02.2017
6. Труд и занятость в Республике Беларусь: стат. сб. / Интернет ресурс: <http://www.belstat.gov.by/> Дата доступа: 06.02.2017

Поступила в редакцию 20.12.2017 г.

Контакты: maknata@mail.ru (Маковская Наталья Владимировна)

Makovskaya N., Chegerova T. USING RESOURCE WORKING HOURS IN BELARUSIAN INDUSTRY.

The article presents the authors' estimates of the use of working time in Belarusian industry. The analysis of the main parameters of the use of working time and mechanisms of its functioning is given. The reasons for the inefficiency of working time in the national economy of Belarus are justified.

Keywords: working time, human capital, labour market, wages, income, labour productivity.

УДК 339.5

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ ЭКСПОРТНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА (на примере Гомельской области)

С. Д. Колесников

директор Гомельского филиала

Международный институт трудовых и социальных отношений

А. С. Дикович

аспирант Института экономики НАН Беларуси,

начальник отдела кассового обслуживания ОАО “Банк Москва-Минск”
по Гомельской области

Статья посвящена общим подходам и принципам подготовки программ развития экспортного потенциала на региональном уровне. Рассмотрены основные тенденции экспортной деятельности Гомельской области. С учетом мировой практики предложены магистральные направления совершенствования экспортного потенциала для Гомельского региона.

Ключевые слова: экспорт, импорт, диверсификация, региональные сравнительные преимущества, программа развития экспортного потенциала, региональное развитие.

Введение

Мировой опыт развития указывает на формирование новых тенденций регионального развития, наиболее значимой из которых, стала активная включенность регионов в процессы глобализации и приоритет инновационного пути развития, в основе которого лежит экономика знаний.

Процессы трансформации экономической деятельности, происходящие под влиянием инноваций, приводят к ослаблению традиционных конкурентных преимуществ регионов, таких, как наличие необходимых природных ресурсов, дешевой рабочей силы, выгодное географическое положение.

В развитии региональных экономических систем появились новые тенденции, связанные с углублением территориального и международного разделения труда, развитием технологического разделения труда на основе подетальной и пооперационной специализации предприятий. Происходит формирование устойчивых производственно-технологических цепочек из предприятий разных стран и регионов, что в значительной мере обусловлено деятельностью транснациональных корпораций [1].

Если раньше межрегиональная и международная торговля носили преимущественно межотраслевой характер, то в настоящее время стала расширяться сфера внутриотраслевой торговли. С расширением номенклатуры выпускаемой продукции и ассортиментной структуры рынка возросла потребность в межрегиональной специализации производства различных видов товаров в рамках отдельных отраслевых товарных групп. Многие регионы одновременно стали ввозить и вывозить товары одной и той же товарной группы. Развитие и направления межрегиональных и международных связей стали определяться не столько

состоянием факторов производства, сколько условиями спроса, определяемыми величиной национального дохода на душу населения.

Взаимосвязанные, взаимозависимые региональные экономики образуют общий национальный рынок, который включается в глобальную экономическую систему регионов, а национальная экономика, в свою очередь, представляет собой регион глобальной экономики, определенный государственными границами. Внутри этих границ национальная экономика представляет собой систему существенно различающихся региональных экономик. Государственные границы определяют экономическое пространство внутреннего национального рынка, представляющего собой систему региональных рынков, испытывающих воздействие со стороны как национального, так и международного экономического пространства.

Основная часть

Трансформация роли регионов во внешнеэкономической деятельности ставит вопрос как о необходимости расширения региональной составляющей при разработке внешнеэкономической стратегии государства в целом, так и разработки внешнеэкономических стратегий на региональном уровне в частности. Формирование эффективной системы учета закономерностей региональных процессов воспроизводства и обмена при разработке национальной внешнеэкономической стратегии представляет собой важный элемент в управляемом процессе развития и усиления конкурентных позиций страны в мировом хозяйстве и стимулирования внешнеэкономической активности региональных хозяйствующих субъектов.

Мировой опыт показывает, что построение такой системы подразумевает наличие на региональном уровне четко сформулированной концепции внешнеэкономического развития региона как интегрированной системы представлений об организации внешнеэкономической сферы региона, нацеленной на создание условий для максимального использования внешнеэкономических факторов в интересах успешного социально-экономического развития, а в более узком смысле – на эффективное встраивание экономики региона в мировое хозяйство и процессы глобализации, а также преодоление противоречий между сложившимися способами организации экономических отношений, источниками развития и глобальными тенденциями. Практическая значимость долгосрочной стратегии регионального развития состоит в том, что она, учитывая магистральные направления развития экономики, дает сигналы бизнесу о направлениях развития экономики региона, в которых заинтересован регион.

Формирование эффективной системы региональной политики невозможно без учета пространственного аспекта общественного воспроизведения. Вследствие существенных различий природно-географических, социально-экономических и других условий в регионах, региональные воспроизводственные процессы уникальны.

Экономика региона, вовлеченная в систему глобальных товарных, информационных и финансовых обменов, обладает многими чертами этой системы, но проблемы региона не являются простым отражением проблем общей системы. Поэтому возникает необходимость учета закономерностей региональных воспроизводственных процессов при обосновании внешнеэкономической стратегии региона. Определить экономическую основу развития региона можно лишь при условии, если регион будет рассматриваться как подсистема национальной и мировой экономики. Для этого необходимо рассматривать регион с позиций

располагаемых сравнительных преимуществ, определить возможности его экономического и экспортного потенциала и специфические черты с учетом непрерывных циклических процессов, протекающих на территории, характерные тенденции и закономерности этих процессов.

Разработка новой внешнеэкономической стратегии региона должна опираться на понимание того, что во-первых, региональная экономическая система имеет сложную структуру (отраслевую, корпоративную существующие и потенциальная кластеры), во-вторых, составные элементы этой системы требуют для своего управления разработки специфического механизма управления, в-третьих, эти механизмы должны быть взаимно непротиворечивыми.

Стратегия развития экспорта региона должна содержать оценку основных функциональных агрегатов экспортного потенциала, обоснованные приоритеты его внешнеэкономического развития, проблемы, на решение которых будут направлены управленческие решения. Стратегия как прогнозный документ предназначена определять приоритетные направления долговременного развития экспортного потенциала, которые обеспечивают усиление региональных сравнительных преимуществ, параметры развития региона на перспективу, согласованные с реальными возможностями.

Из вышесказанного следует, что стратегия развития экспорта региона может быть эффективной лишь в том случае, если опирается на принципы и законы общественного воспроизводства, представляющие собой отражение внутренних взаимосвязей и взаимозависимостей региональной системы.

Обращение к зарубежному опыту реализации принципа сравнительных преимуществ и развития экспортного потенциала позволяет выделить общие черты экономического механизма, использование которых может способствовать процессу формирования в региональной экономике сравнительных преимуществ нового (более высокого) порядка. Этот процесс не происходит спонтанно. Новые сравнительные преимущества формируются при наличии отработанных и адекватных друг другу макроэкономического и микроэкономического механизмов.

Основополагающими предпосылками успешного формирования региональных преимуществ являются следующие:

- а) наличие государственной стратегии по использованию ресурсов, которыми располагает регион. В максимальной степени необходимо сбережение невосполнимых ресурсов и эффективное использование воспроизводимых, что снижает потребности в импорте и позволяет максимально эффективно использовать имеющиеся в регионе ресурсы;
- б) формирование адекватной инновационному типу воспроизводства инфраструктуры, в том числе в сфере производства и обращения;
- в) наличие собственной системы подготовки кадров высокой квалификации, базы производства научноемкой продукции.

Устойчивая ориентация на активную интеграцию в систему международного разделения труда позволяет значительно увеличить экспорт региона, улучшить структуру экспорта в сторону повышения объемов экспорта высокотехнологичных товаров с высокой добавленной стоимостью, обеспечить приток в регион инвестиционных ресурсов и их рациональное размещение. Политика стимулирования развития региональных сравнительных преимуществ может способствовать росту и консолидации внутреннего рынка, увеличению объема доходов бюджета и в конечном счете переходу к самоподдерживающемуся динамичному экономическому росту.

Эффективность деятельности экспортноориентированных отраслей экономики во многом зависит от того, насколько своевременно и полноценно пионерные экспортные производства подкрепляются развитием смежных технологически сопряженных с ними отраслей экономики.

Отставание роста последних в условиях острого соперничества на конкурирующих внешних рынках обрачивается потерей завоеванных и потенциальных рынков, осложняет их дальнейшее приобретение. Аналогичным образом нецелесообразно упреждающее развитие поддерживающих производств в ущерб сбалансированности экономики. Ведь на современном этапе развития НТП международная кооперация развивается в большей степени на внутриотраслевой, а не межотраслевой основе. При этом необходимо ориентироваться на “кластерный” в портеровском понимании подход к организации конкурентоспособных взаимодополняющих структур, носящих межнациональный характер.

Диверсификация экспорта как региональная, так и товарная в настоящее время является одним из важнейших приоритетов для Республики Беларусь и ее регионов. Не случайно этой теме удалено особое внимание в Послании Президента Республики Беларусь к белорусскому народу и Национальному Собранию. В нем говориться, что “это непростая задача – освоить новые рынки, найти новых партнеров, наладить долгосрочные торговые отношения... Нужно менять не только географию экспорта, но и его структуру. Сейчас значительную часть белорусских поставок составляют сырьевые товары: калийные удобрения, сырая нефть, нефтепродукты, черные металлы, древесина и т. д. Обвал хотя бы на одном из этих рынков негативно влияет на всю нашу экономику” [2].

Современная отраслевая структура экономики региона имеет корни в историческом прошлом, в котором Гомельская область специализировалась на металлургии, нефтепереработке и сборочном производстве в рамках СССР – замкнутой системы, где отечественные производители были изолированы от зарубежных конкурентов. Развал мировой социалистической системы, разрыв хозяйственных связей между предприятиями республик бывшего СССР, рыночные реформы и курс на открытую экономику спровоцировали сильнейший спад производства, главным образом коснувшийся выпуска продукции высокотехнологичных отраслей обрабатывающей промышленности и товаров народного потребления, которые оказались неконкурентоспособными по сравнению с зарубежными аналогами.

Тем не менее, в настоящее время Гомельская область является одним из высокоразвитых индустриальных регионов Беларуси, доля в объеме промышленного производства республики составляет около 22%. Ведущие отрасли: топливная и химическая промышленность, металлургия, нефтедобывающая, пищевая, лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность.

В области осуществляется вся добыча белорусской нефти и газа, все производство готового проката, кормоуборочных комбайнов, оконного стекла, более 85% стали, более 50% бумаги и картона, около половины автомобильного бензина и дизельного топлива.

В настоящее время одной из отличительных черт экономики Гомельской области является высокий уровень открытости, характеризующийся зависимостью устойчивости региональной экономической системы от внешнеэкономических связей, состоянием экономических отношений с внешним миром, степенью вовлеченности посредством экспорта и импорта в систему международного разделения труда. В 2015 г. доли экспорта и импорта в ВРП составили соответ-

ственno 55,0% и 67,7%. Объем внешнеторгового оборота Гомельской области за 2015 г. составил 7059,0 млн долл. США, составив 12,4% во внешнеторговом обороте Республики Беларусь. По итогам 2015 г. доля в мировом экспорте товаров и услуг Гомельской области составляет всего 0,023%.

Экспорт на душу населения, в отличие от показателей экспортной и импортной квоты, представляется наиболее адекватным показателем для анализа внешней торговли в условиях значительного отклонения рыночного курса белорусского рубля от паритетного, приводящего к соответствующему искажению долларового эквивалента ВРП (рисунок 1).

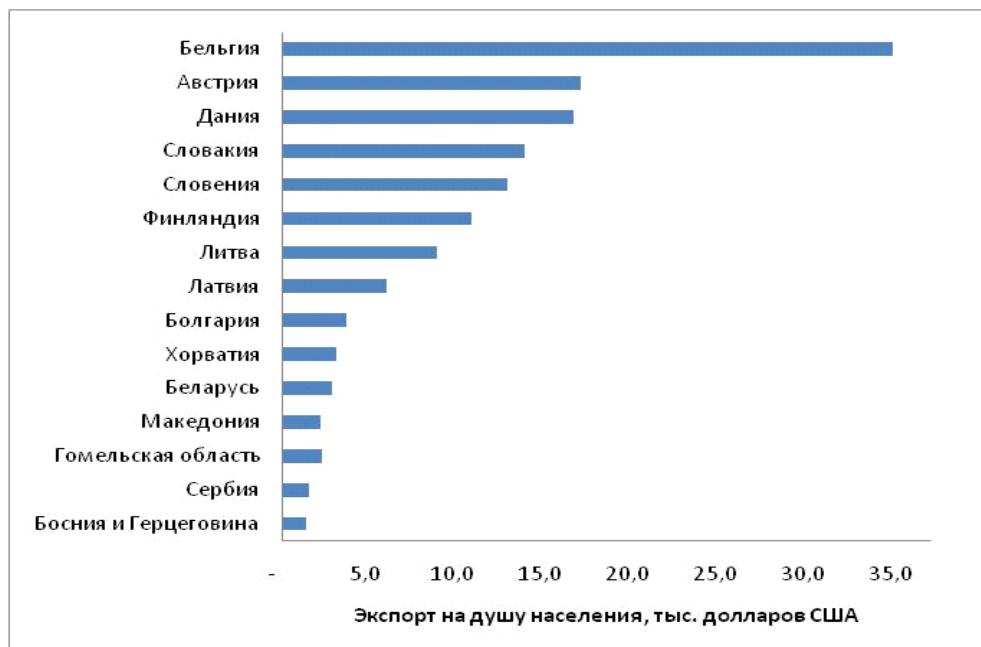

Рисунок 1 – Экспорт товаров на душу населения в отдельных европейских государствах в 2015 г.

Гомельский регион, как и Республика Беларусь в целом, существенно отстает по показателям экспорта на душу населения от большинства малых стран Европы (рисунок 1). По значению данного показателя Республика Беларусь и Гомельская область в 2013 г. находилась на уровне Хорватии и уступала большинству малых стран Западной Европы, в том числе соседним Латвии и Литве.

Несмотря на значительные объемы экспорта Гомельской области, прослеживаются отрицательные тренды развития товарной структуры внешней торговли, которые отражают серьезные проблемы региональной экономики. В экспорте региона преобладают сырьевые товары (нефть) и продукция металлургии. Крайне неблагоприятной особенностью экспорта Гомельского района является преобладание промежуточных товаров. Ниша, которую занимает регион, относится преимущественно к рынку базовых товаров, в меньшей степени прослеживается ориентация на сегмент среднетехнологичных изделий: продуктов основной химии, полимерных и пластмассовых изделий, оборудования и менее всего – высокотехнологичных изделий (таблица).

**Технологическая интенсивность сферы экспортной специализации
Гомельской области, 2011–2013 гг.**

Технологическая интенсивность	2011	2012	2013	2014
Сырье	12,33	14,22	18,16	16,72
Трудоемкие и ресурсоемкие товары	9,20	10,28	10,78	11,00
Товары с низким уровнем технологической интенсивности	55,09	51,29	44,99	49,15
Товары со средним уровнем технологической интенсивности	15,45	15,92	17,39	13,56
Товары с высоким уровнем технологической интенсивности	7,93	8,29	8,68	9,57
Итого:	100,00	100,00	100,00	100,00

Основной тенденцией во внешней торговле региона является усиливающийся дисбаланс между сырьевыми товарами и продукцией с высокой добавленной стоимостью. Экспортный потенциал в значительной мере определяется преимущественно природно-ресурсными факторами, значений научно-технического и технико-технологического факторов недостаточно.

Наблюдается увеличение числа партнеров во внешней торговле Гомельской области в основном за счет азиатских и африканских развивающихся стран, что связано с поиском более выгодного внешнеторгового сотрудничества и диверсификации торговых партнеров.

Пространственные сдвиги во внешней торговле Гомельского региона (постепенное снижение удельного веса стран СНГ во внешнеторговом обороте, при сохранении приоритетного значения России как главного торгового партнера, возрастание роли ЕС) является в определенной мере следствием трансформации в товарной структуре экспорта региона. Они также продиктованы местом Гомельского региона в системе мирохозяйственных отношений, а так же глобальной трансформацией территориальной организации мирового хозяйства. Присутствие региона ограничивается теми рынками, на которых конкуренция осуществляется на основе сравнительных преимуществ низшего порядка.

Исходя из вышеизложенного, представляется возможным определить круг задач, которые стоят на современном этапе перед Гомельской областью:

1) Эффективная реализация региональных интересов на фоне сохранения специфических экономических характеристик и содействия социально-экономическому развитию.

Основными элементами этой системы является создание мощных экономических центров развития в регионах, формирование инновационных высокотехнологичных кластеров, укрепление позиций региона на традиционных территориальных рынках.

Необходимо создание действенных механизмов организации кластеров на региональной основе. Кластеры должны функционировать как часть микросреды региона и изначально должны формироваться с участием детерминированных факторов, связанных с историческим и культурным наследием, научно-техническим потенциалом, географическим положением, институциональной средой и имеющейся инфраструктурой.

В качестве фундаментальной основы этого процесса, целесообразно опираться на уже использованную в некоторых странах, успешно решивших в прошлом задачу догнать лидеров европейской и мировой экономики, теорию “по-

люсов роста". Согласно этой теории экономическое развитие понимается как структурное изменение, вызванное ростом новых, "увлекающих" отраслей, которые являются полюсами роста, так как сначала инициируют, а затем распространяют развитие на окружающее пространство. В основе этого положения лежит эффект доминирования, открытый Ф. Перру, который выявил существование доминирующих и подчиненных экономических единиц, что приводит к деформации экономического пространства. Одним из видов такой деформации является поляризация пространства вокруг ведущей (доминирующей) отрасли. Входящие в поляризованное пространство предприятия испытывают на себе "увлекающее" или "тормозящее" влияние "полюса". Такими отраслями становятся быстрорастущие отрасли, обладающие мощным "увлекающим эффектом", повышающие масштабы и темпы экономической экспансии и модифицирующие структуру всей региональной экономики [3, с. 85].

Так, например, микроэкономическая среда и располагаемые конкурентные преимущества позволяют сформировать в Гомельской области следующие "точки роста", содержащую внешнеэкономическую составляющую:

1. Промышленный кластер по производству сельскохозяйственной техники, объединяющий предприятия, производящие современную кормо- и зерноуборочную технику для организаций АПК, и ведущие собственные НИОКР в области комбайностроения.

Это позволит создать спрос на продукцию предприятий, осуществляющих другие виды экономической деятельности – черной металлургии также расположенные в Гомельском регионе (металлопрокат, метизы), станкостроения (металлообрабатывающее оборудование), производства шин, гидрооборудования, электроники; поддержать целостность регионального агропромышленного комплекса (производство минеральных удобрений, сельскохозяйственное производство и производство сельскохозяйственной техники); а так же будет способствовать росту экспортных поставок.

2. Металлургический кластер, включающий предприятия на территории Беларуси, производящие изделия из черных металлов (литая заготовка, металлопрокат, металлокорд, проволоку, метизы, бесшовные трубы, стальная фибра, трубы стальные электросварные круглого и профильного сечения, чугунное литье, подшипники и др.), поставщиков сырья, деталей и узлов оборудования (металлом черных и цветных металлов, формовочный песок, детали и узлы оборудования); организации, осуществляющие НИОКР – ОАО "НИИ Подшипник", ОАО "БЕЛНИИЛIT" и дилерские организации.

Экономическими эффектами функционирования "точки роста" станет производство важнейших видов промежуточной продукции для других отраслей региональной и национальной промышленности (производство шин, стройматериалов, машин и оборудования, нефтедобычи) и электроэнергетики; повышение эффективности использования вторичного сырья (металлом); рост экспортных поставок и положительного торгового сальдо региона; использование эффектов масштаба и разнообразия для снижения издержек; создание спроса на услуги транспорта, строительной отрасли, электроэнергетики.

3. Деревообрабатывающий кластер предлагается сформировать за счет крупных предприятий-комбинатов, осуществляющих производство замкнутого цикла – от заготовки древесины до производства готовой продукции – ОАО "Гомельдрев", ОАО "Речицадрев", ОАО "Мозырьдрев", ОАО "Гомельская мебельная фабрика "Прогресс", большое количество малых и средних предприятий, осуществляющих

отдельные этапы процесса переработки древесины (производство мебели, пиломатериалов, каркасные дома и др.) и лесозаготовительных организаций.

Организация кластера будет способствовать производству важнейших видов промежуточной продукции для других отраслей региональной и национальной промышленности (строительство, целлюлозно-бумажная промышленность, энергетика на местных видах топлива); повышению эффективности использования местного сырья (древесина) путем производства продукции с высокой добавленной стоимостью (мебель, плиты МДФ) и высоким спросом на внутреннем рынке; росту экспортных поставок и созданию возможностей для развития малого и среднего бизнеса.

4. Организация добычи и комплексной переработки бурого угля Лельчицкого, Житковичского, Бриневского и Тонежского месторождений бурых углей.

Создание “точки роста” позволит организовать производство продуктов переработки бурого угля (моторное топливо, энергоносители), даст возможность присвоения горной ренты путем добычи местного сырья; будет способствовать росту экспортных поставок и возникновению нового территориального центра экономического развития в Гомельской области.

5. Туристический кластер, основанный на развитии и использовании потенциала Гомельско-Ветковской, Жлобинской, Чечерской, Полесско-Туровской культурно-туристических зон.

Функционирования “точки роста” будет способствовать изменению структуры ВРП области, повышению эффективности использования имеющейся туристической инфраструктуры, привлечению иностранной валюты в регион и созданию спроса на услуги транспорта.

6. Кластер перерабатывающей (молочная, мясная) промышленности включающий производителей мясного и молочного сырья, крупные предприятия-комбинаты, осуществляющие переработку молока и мяса, такие, как ОАО “Гомельский мясокомбинат”, ОАО “АФПК «Жлобинский мясокомбинат»” ОАО “Милковита”, ОАО “РМКК” и др.

Развитие кластера позволит осуществлять переработку сельскохозяйственного сырья в продукцию с большей добавленной стоимостью, обеспечить продовольственную безопасность региона; будет способствовать росту экспортных поставок и созданию возможностей для развития сельскохозяйственного производства и сельских территорий.

В качестве главных критериев может выступать формирование оптимальных кластерных структур, которые, с одной стороны, отвечают требованиям экономической и инновационной стратегии развития регионов и Республики Беларусь, с другой – способны самостоятельно конкурировать на мировых рынках в изменяющихся условиях.

2) Расширение международного и межрегионального сотрудничества, что подразумевает создание и развитие устойчивых производственных кооперационных связей хозяйствующих субъектов Гомельского региона с регионами – технологическими лидерами, организацию благоприятных условий для развития взаимной торговли, осуществление взаимных инвестиций, для обеспечения устойчивости регионального развития и научно-технического обмена, организацию работы предприятий встроенных в мировые цепочки производства добавленной стоимости, повышение трансграничной мобильности факторов производства региона с целью создания дополнительных региональных сравнительных преимуществ.

При решении задач расширения международного сотрудничества Гомельской области существуют следующие направления:

1) координация, со стороны органов местной власти, бизнес-инициатив региона с зарубежными партнерами;

2) расширение международного сотрудничества в сферах образования и инноваций для обеспечения включения региона в мировую систему технологического разделения труда;

3) содействие скоординированному развитию транспортной инфраструктуры в регионе, состыковке трансевропейских транспортных магистралей, формирование евразийского транспортного коридора, способствующих использованию транзитного потенциала региона;

4) развитие региональных связей в области туризма.

Для организации эффективного и взаимовыгодного международного сотрудничества необходима реализация комплекса следующих мероприятий:

1) установление побратимских связей Гомельской области с максимальным количеством зарубежных регионов;

2) взаимное информирование о конгрессно-выставочной деятельности сторон;

3) организация совместных двух или многосторонних выставочно-ярмарочных мероприятий, конференций на постоянной основе, взаимное предоставление выставочных площадей;

4) организация обмена опытом между организациями Гомельского региона и зарубежными партнерами в сфере туризма и рекреационных ресурсов;

5) развитие сотрудничества с зарубежными партнерами в сфере высоких технологий: строительство объектов малой энергетики, предприятий по переработке жидкого бытовых и твердых бытовых отходов и т. п.

Важным направлением деятельности может стать формирование коммуникационных площадок и включение их в мировую сеть отраслевых или региональных мероприятий, включая региональные и международные конференции по вопросам территориального развития, инфраструктуры и транспорта.

Одним из перспективных направлений международного сотрудничества являются связи по линии регионов иностранных государств и приграничное сотрудничество. Эффективное использование этих инструментов призвано содействовать хозяйственному подъему Гомельского региона и привлечению передовых технологий в экономику.

Нашиими приоритетными партнерами в системе сотрудничества с регионами иностранных государств являются соседи по СНГ, страны ЕС и Китай.

В этой связи приоритетными в сфере межрегионального и приграничного сотрудничества Гомельской области являются следующие направления:

1) участие в продолжении работы над проектом создания Ассоциации регионов стран СНГ, которая могла бы стать партнером Ассоциации европейских регионов;

2) расширение сотрудничества в рамках еврорегиона “Днепр” (в составе Гомельской, Брянской и Черниговской областей);

3) На европейском направлении участие в расширении регионального формата сотрудничества с Комитетом местных и региональных властей Европы, Ассоциации европейских приграничных регионов, в том числе на основе использования потенциала побратимских связей городов Гомельской области.

Критерием оценки расширения международного регионального сотрудничества может выступать рост инвестиций и объемов внутрифирменной внешней торговли, выставочно-ярморочной деятельности.

3) Расширение экспорта услуг.

Одной из важнейших задач структурной политики Гомельской области на современном этапе является развитие “новой экономики”, основанной на опережающем росте услуг, прежде всего научоемких.

Для дальнейшего развития внешней торговли услугами региону необходимо опираться на располагаемые сравнительные преимущества, в первую очередь выгодное экономико-географическое положение, относительно развитый научно-технический потенциал, развитую систему транспортных коммуникаций, наличие рекреационных ресурсов. Необходимо интенсификация работы СЭЗ “Гомель-Ратон” и Гомельского технопарка для расширения инновационной составляющей экспорта услуг.

Стратегические позиции в структуре региональной экономики должны занять компьютерные и информационные, логистические, строительные и инженерные, финансовые, образовательные услуги, развитие аутсорсинга, а также традиционные виды услуг, претерпевающие значительные изменения под воздействием инноваций.

Критериями реализации данного приоритета является увеличение удельного веса экспорта услуг в общем объеме экспорта Гомельского региона.

4) Рационализация импорта и увеличение стоимости экспорта продукции.

Для достижения этих целей предполагается разработка полезных ископаемых и использование местных ресурсов, которые с одной стороны закрывают региональные потребности в сырье и сокращают потребление импорта, а с другой – обеспечили бы наличие смежных и вспомогательных отраслей в региональной экономике, позволяя получить синергетический эффект. А так же наращивание экспорта продукции высокой степени обработки, что предполагает не только создание соответствующих производственных мощностей, но и их последующую модернизацию.

Критериями реализации данного приоритета является снижение доли промежуточных товаров во внешнеторговых потоках, рост удельного веса инвестиционных товаров в общем объеме импорта.

5) Глобальное позиционирование регионов в мировой экономике.

Акцент должен быть сделан на выявление перспективных направлений международной специализации регионов исходя из располагаемых и потенциальных конкурентных преимуществ, географическую диверсификацию внешнеэкономической деятельности.

При этом следует учитывать, что проведенные нами исследования, применительно к странам СНГ, подтверждают ранее высказанное предположение Н.К. да Коста Нетто и Р. Ромеу о том, что смягчению последствий глобальных кризисов способствует диверсификация товарной номенклатуры экспорта, в то время как диверсификация по странам назначения этому существенно не способствует.

На рисунке 2 показана положительная связь между концентрацией продукции и размерами сокращения экспорта (т. е. чем ниже продуктовое разнообразие, тем серьезнее степень сокращения экспорта в период глобального кризиса).

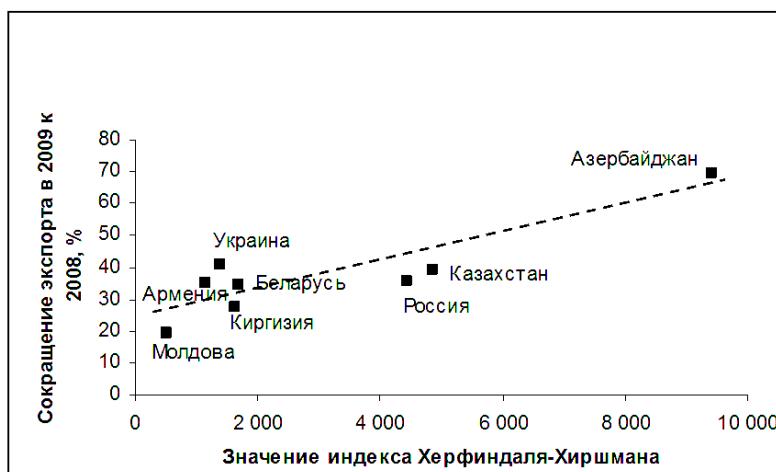

Рисунок 2 – Диверсификация продукции и сокращение экспорта в странах СНГ 2008–2009 гг.

Примечание – Сокращение экспорта в период 2008–2009 гг. как функция индекса Херфиндаля-Хиршмана по видам продукции на двухзначном уровне ГС в 2008 г.

На рисунке 3 представлен аналогичный график, где не только не прослеживается статистически значимая линейная связь, но и вообще отсутствует какая-либо очевидная закономерность.

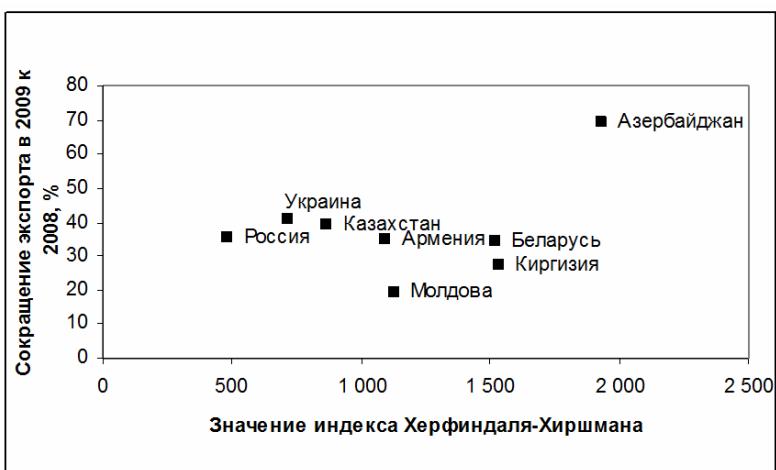

Рисунок 3 – Диверсификация торговых партнеров и сокращение экспорта в странах СНГ 2008–2009 гг.

Примечание – Сокращение экспорта в период 2008–2009 гг. как функция индекса Херфиндаля-Хиршмана по странам назначения экспорта в 2008 г.

Эмпирические результаты позволяют сделать вывод о том, что при прочих равных условиях смягчению последствий кризисов способствовала диверсификация экспортной продукции, в то время как диверсификация по странам назначения (географическая диверсификация) этому ни в коей мере не способствовала.

Таким образом, основное внимание должно быть сосредоточено на товарной диверсификации экспорта и анализе товаров с наибольшими сравнительными преимуществами.

Совершенствование структуры экспорта Гомельского региона, уход от доминирования в ней традиционных сырьевых и товарных групп сдерживается в значительной мере моральным и физическим износом основных фондов, рядом других факторов. Дефицит внутренних инвестиционных ресурсов делает очевидным понимание того, что необходимые для развития промышленного экспортного сектора средства можно найти только на мировом рынке, оплатив их доходами от традиционного экспорта. Тем более если ориентироваться на передовые технологии – в противном случае техническое отставание может приобрести необратимый характер. Иными словами, не вызывает сомнений тезис о том, что на начальных этапах именно на традиционный экспорт придется основная нагрузка по обеспечению средств для экономической модернизации. При таких обстоятельствах возрастает роль органов исполнительной власти в регулировании механизмов использования средств, поступаемых от реализации традиционных товаров.

Принимая во внимание природные богатства, которыми располагает Гомельская область, можно быть уверенными, что для расширения сырьевого экспорта, есть еще немалые возможности. Однако такой курс был бы нерациональным. Главные резервы для успешной интеграции Гомельского региона в мировую экономику, увеличения объемов экспорта, улучшения его товарной структуры заключаются в диверсификации.

Заключение

Таким образом, выработка концепции развития экспортного потенциала должна опираться на понимание сложности региональной экономической структуры, протекающих в ней процессов воспроизводства и быть нацеленной на реализацию инновационного пути развития внешнеэкономической сферы конкретного региона.

Мировой опыт и оценка перспектив его использования в регионах Беларуси указывают на возможность использования, в качестве элемента в управляемом процессе развития и усиления конкурентных позиций Беларуси в мировом хозяйстве и стимулирования внешнеэкономической активности регионов, процесса формирования пространственно выраженных территориальных зон опережающего экономического роста с определенной отраслевой специализацией (“точек роста”).

Реализация стратегических приоритетов Гомельской области в целях усиления ее международной конкурентоспособности, должна исходить из приоритета идеи диверсификации как на уровне сферы внешнеэкономических связей региона в целом, так и применительно к ее отдельным составляющим – экспорту, импорту, инвестиционному, производственному и технологическому сотрудничеству и др. Это не подразумевает отказ от специализации регионов в конкретных секторах товаров и услуг, где они располагают конкурентными преимуществами, а предполагает надстраивание над уже сложившейся специализацией расширяющегося сегмента недостаточно представленных в экспорте данного региона перспективных групп товаров и услуг с общим увеличением во внешнеэкономической структуре доли научноемкой и инновационной продукции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Миролюбова, Т. В.** Взаимосвязь экспорта и регионального экономического развития / Т. В. Миролюбова // Фундаментальные исследования. – 2006. – № 8. – С. 86–89.
2. Послание Президента белорусскому народу и Национальному собранию / А. Г. Лукашенко // Официальный сайт Президента Республики. – 2015. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/obraschenie-s-poslaniem-k-beloruskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniyu-11301. – Дата доступа: 15.02.2017.
3. **Гранберг, А. Г.** Основы региональной экономики / А. Г. Гранберг. – Москва : ГУ ВШЭ, 2000. – 495 с.

Поступила в редакцию 20.12.2017 г.

Контакты: +375 29 617 45 17 (Колесников Сергей Дмитриевич)

Kolesnikov S.D., Dikovich A.S. CONCEPTUAL APPROACHES TO THE DEVELOPMENT OF REGIONAL EXPORT CAPACITY (REGARDING GOMEL REGION).

The article is devoted to general approaches and principles of preparation of export development programs at the regional level. The main trends of the export activity of the Gomel region are considered. Taking into account the world practice the authors consider the main directions for improving the export potential for the Gomel region are proposed.

Keywords: export, import, diversification, regional comparative advantages, export development programme, regional development.

УДК 321.01

МЕТОД СОЦИАЛЬНО-ПРАВОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В СИСТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИННОВАЦИОННОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

Д. М. Степаненко

кандидат экономических наук, доцент

Белорусско-Российский университет (г. Могилев)

Статья посвящена исследованию проблемы эффективности инновационной функции государства как одного из основных направлений его деятельности в начале XXI в. Обоснована целесообразность использования метода социально-правового эксперимента для проверки эффективности инновационной функции государства. Выявлены основные признаки и функции социально-правовых экспериментов в инновационной сфере.

Ключевые слова: инновационная функция государства, инновационное развитие, инновационная деятельность, эффективность, метод, социально-правовой эксперимент, инновационное законодательство.

Введение

Инновационная функция государства представляет собой основное направление деятельности государства, обусловленное объективно существующими потребностями общественной жизни, выражающее в концентрированном виде сущность и социальное назначение государства в обществе, имеющее соответствующую законодательную регламентацию и предполагающее целенаправленное воздействие со стороны государства на общественную жизнь с целью качественного совершенствования ее различных сторон за счет всяческой поддержки создания и внедрения инноваций в стране, стимулирования физических и юридических лиц к осуществлению инновационной деятельности, всесторонней защите интересов инноваторов.

Интенсификация инновационных процессов в обществе объективно требует того, чтобы инновационная функция, выполняемая государством в современных условиях, не просто им осуществлялась, а чтобы указанная функция осуществлялась государством наиболее эффективным образом. В связи с этим встают вопросы определения того, что следует понимать под эффективностью инновационной функции государства, как такого рода эффективность можно оценить и за счет чего можно ее повысить.

Основная часть

Большинство ученых ассоциирует эффективность государственно-правового воздействия на жизнедеятельность общества с результативностью соответствующего воздействия, понимаемой как определенные последствия воздействия установленных государством норм права на общественные отношения.

Например, А.С. Пашков и Л.С. Явич полагают, что государственно-правовое воздействие эффективно, если та или иная установленная государством норма права предусматривает оптимальный вариант поведения, требуемый для до-

стижения научно обоснованной цели, и реально обеспечивает наступление результата, соответствующего этой цели [1].

С точки зрения И.С. Самошенко и В.И. Никитинского, необходимо признать эффективным, или “эффективным в собственном смысле слова”, такое государственно-правовое воздействие, которое в любой, пускай даже в самой незначительной, степени обеспечивает приближение хотя бы к одной (даже второстепенной) социальной цели [2].

Применительно к инновационной функции государства об ее полной эффективности можно утверждать в том случае, когда в результате осуществления соответствующего государственно-правового воздействия обеспечивается достижение всех целей данной функции – ближайших, более отдаленных и конечных. В частности, в процессе реализации современным государством инновационной функции издание тем или иным государственным органом определенного нормативного правового акта приводит к тому, что осуществляется юридическое воздействие на факторы, влияющие на инновационные процессы в обществе (достигается ближайшая цель), в связи с чем происходит интенсификация течения процессов создания и внедрения инноваций (достигается более отдаленная цель) и в итоге обеспечивается высокий уровень инновационной активности в той или иной сфере жизнедеятельности общества и в обществе в целом (достигается конечная цель).

Эффективность различных государственно-правовых явлений, как правило, раскрывается посредством соотношения между собой таких понятий, как результат и цель [1].

Таким образом, в наиболее общем виде эффективность инновационной функции государства можно определить как соотношение между фактическим результатом государственного регулирования инновационной деятельности и теми целями (ближайшими, более отдаленными, конечными), для достижения которых оно осуществляется.

Чем ближе соотношение между результатом государственного регулирования новаторской деятельности и целями инновационной функции государства, тем о большей степени эффективности осуществления данной функции можно утверждать. Если цели, которые ставились государством в лице его соответствующих органов при регулировании инновационной деятельности, достигнуты полностью, то осуществление инновационной функции государством может считаться в полной мере эффективным.

Исследование эффективности инновационной функции государства объективным образом предполагает необходимость выявления и обоснования способов и подходов, которые могут быть использованы для анализа указанной эффективности, для обоснования того, что следует предпринимать государственным органам для повышения эффективности реализации инновационной функции государства.

В целях проверки эффективности инновационной функции государства возможно использование такого метода, как социально-правовой эксперимент. В его рамках может выдвигаться гипотеза о том, что какая-либо установленная государством правовая норма недостаточно эффективна в силу четко определенных причин, после чего выдвигается предложение о конкретных изменениях этой нормы и об их экспериментальном опробовании. Если в ходе соответствующего эксперимента будут получены положительные результаты, превышающие результаты исследуемой нормы в ее первоначальном виде, то вполне право-

мерен вывод о недостаточной эффективности этой действующей нормы в силу выявленных экспериментом конкретных причин. Поэтому метод социально-правового эксперимента может быть использован в ходе изучения эффективности именно действующих норм для получения достоверных сведений о сравнительной эффективности старых и новых (экспериментальных) норм, то есть для определения “разницы” их эффективности [2; 3].

Эксперимент представляет собой метод познания, при помощи которого в контролируемых и управляемых условиях исследуются явления действительности. Будучи одной из форм научной практики, эксперимент обуславливает определенное единство познавательной и практической деятельности [4].

По мнению А.В. Туркульца, основной целью социального эксперимента является обеспечение адаптации людей к условиям социальных преобразований посредством разрешения проблемных ситуаций, возникающих в процессе исторического опыта. При этом необходимость в социальном эксперименте возникает тогда, когда ощущается недостаток рационального опыта деятельности субъектов практики. В указанном случае социальный эксперимент понимается как рационализация действием [5].

Социологический метод изучения права наряду с такими способами, как анализ статистических данных и содержания различных документов, опросы населения, математические методы обработки материала, включает в себя также и социально-правовой эксперимент [6].

С точки зрения В.В. Глазырина, В.И. Никитинского и И.С. Самощенко, социально-правовой эксперимент представляет собой организованную компетентным правотворческим органом апробацию предполагаемых законодательных нововведений в ограниченном масштабе для проверки эффективности, полезности и экономичности экспериментальных правовых норм и отработки оптимальных вариантов будущих правотворческих решений общего действия [3].

В.В. Лапаева определяет социально-правовой эксперимент как натурный социальный эксперимент инновационной направленности, представляющий собой опытную проверку в естественных условиях эффективности действия экспериментальных правовых норм, которые в качестве контролируемого экспериментального фактора вводятся на определенный период в зоне эксперимента [7; 8].

Социально-правовые эксперименты предполагают поиск оптимальных правовых средств решения различного рода экономических, демографических, педагогических и иных социальных проблем. По справедливому выражению С.В. Мотина, право в данном случае не просто оформляет содержание соответствующего эксперимента, а является его важным элементом, своего рода несущей конструкцией всей экспериментальной модели [6].

В.Н. Ельцов указывает на то, что социально-правовой эксперимент – это и метод научного познания, и метод преобразования правовой деятельности, что обуславливает его роль в повышении эффективности правового регулирования общественных отношений. Давая ответы на вопросы об эффективности тех или иных экспериментальных правовых норм на основе анализа практики их применения в ограниченном масштабе, социально-правовые эксперименты показывают в то же время закономерности социально-правовых процессов и возможности по эффективному управлению указанными процессами [9; 10].

Социально-правовой эксперимент является не только одним из важных инструментов соответствующей правотворческой деятельности государственных органов по реализации инновационной функции государства, но и средством,

используемым органами государственной власти и управления для научного обоснования соответствующих правотворческих решений. При этом необходимо учитывать, что, как справедливо отмечают О.А. Гаврилов и Р.О. Халфина, эффективность того или иного правотворческого решения во многом обуславливается степенью его научной обоснованности [11].

Использование социально-правовых экспериментов для исследования эффективности инновационной функции государства предполагает:

1) вмешательство со стороны государственных органов, реализующих соответствующий социально-правовой эксперимент, в существующую в государстве правовую систему;

2) планомерное введение относительно изолированного экспериментально-го фактора, в роли которого будут выступать устанавливаемые государством экспериментальные правовые нормы, ориентированные на стимулирование и поддержку инновационной деятельности;

3) вариацию указанного экспериментального фактора, то есть изменения (в случае необходимости) экспериментальных правовых норм на протяжении срока проведения соответствующего социально-правового эксперимента;

4) комбинирование (в случае необходимости) экспериментальных правовых норм, ориентированных на стимулирование и поддержку инновационной деятельности, с другими устанавливаемыми государством правовыми нормами, а также с иными факторами воздействия на физических и юридических лиц, являющихся объектами воздействия в ходе проведения соответствующего социально-правового эксперимента;

5) планомерный контроль со стороны государственных органов на протяжении всего срока проведения соответствующего социально-правового эксперимента за всеми существующими факторами, детерминирующими поведение физических и юридических лиц, являющихся объектами воздействия в ходе проведения указанного эксперимента.

А. Подгурецкий обращает внимание на то, что любой социальный эксперимент предполагает получение своего рода общей оценки, которая формируется при наблюдении за разного рода результатами, вызванными либо вновь созданным институтом, либо вновь введенным образом поведение в процессе их функционирования в социальной действительности [12].

Таким образом, социально-правовые эксперименты, осуществляемые в целях исследования и повышения эффективности инновационной функции государства, охватывают собой в том числе и ситуации создания новых социально-правовых институтов, призванных содействовать инновационному развитию общества (например, специализированных судов в сфере интеллектуальной собственности, специализированных инновационных банков, специализированных бирж научно-технической продукции, специализированных государственных органов, призванных реализовывать инновационную политику государства). Создание в порядке эксперимента соответствующего социально-правового института, встраивание его в жизнедеятельность общества неизбежным образом обусловливаются правовым регламентированием указанного института со стороны государства. Как следствие этого, осуществляется апробация определенных решений, принимаемых государственными органами в процессе реализации инновационной политики государства, происходит своеобразное тестирование соответствующих экспериментальных юридических норм с целью проверки гипотезы об их эффективности и полезности.

Объективно существующими причинами, обусловливающими необходимость проведения социально-правовых экспериментов для оценки эффективности инновационной функции государства и повышения эффективности ее реализации, являются неопределенность результатов установления государством тех или иных правовых норм, регламентирующих инновационную деятельность в обществе и стимулирующих ее осуществление, недостаток информации для прогнозирования последствий принятия тех или иных соответствующих норм, многовариантность подходов к правовому регулированию различных аспектов инновационного развития общества и связанная с этим сложность в выборе оптимального варианта такого регулирования.

В.В. Глазырин, В.И. Никитинский и И.С. Самошенко указывают на то, что целью любого социально-правового эксперимента является реальная проверка в ограниченной экспериментальной зоне целесообразности реализации того или иного научно обоснованного предложения, направленного на совершенствование законодательства, и отработка будущих вариантов правовых решений общего действия [3].

Глобальной целью всех социально-правовых экспериментов, связанных с проверкой эффективности инновационной функции государства, будет являться исследование текущего уровня эффективности реализации государством инновационной функции и повышение указанной эффективности. В свою очередь, локальные цели отдельных из обозначенных социально-правовых экспериментов будут заключаться в проверке гипотез об эффективности той или иной правотворческой идеи, связанной с регулированием инновационной деятельности и ее поддержкой при помощи правовых средств, об эффективности действия экспериментальных норм национального инновационного законодательства. Соответствующие гипотезы возникают в результате осознания на общегосударственном уровне потребности в правовом регулировании (изменении, совершенствовании правового регулирования) общественных отношений в области инноваций и инновационной деятельности.

Помимо этого, социально-правовые эксперименты, связанные с проверкой эффективности инновационной функции государства, должны быть ориентированы на выявление возможных "побочных эффектов" действия экспериментальных норм инновационного законодательства. В частности, в ходе их проведения компетентными государственными органами, организующими проведение соответствующих экспериментов, должны быть проанализированы тенденции развития инновационной деятельности в стране в разрезе отдельных ее проявлений, установлены корреляционные взаимосвязи между введением в действие экспериментальных норм инновационного законодательства и соответствующими тенденциями развития новаторской деятельности. Такого рода анализ необходим для того, чтобы установить соответствие (или, напротив, несоответствие) произошедших в ходе эксперимента социальных изменений (в данном случае в инновационной сфере) предполагаемым при выдвижении гипотезы эксперимента, что, в свою очередь, призвано предотвратить в будущем правотворческие ошибки и связанные с ними отрицательные последствия.

В наиболее общем виде могут быть выделены следующие признаки социально-правовых экспериментов, осуществляемых в целях исследования и повышения эффективности инновационной функции государства:

- 1) наличие в государстве законодательной базы, регламентирующей общественные отношения в области инноваций и инновационной деятельности;

2) наличие в государстве устойчивой правовой основы для проведения социально-правовых экспериментов. В данном контексте представляются целесообразными разработка и последующее принятие в Республике Беларусь комплексного законодательного акта, устанавливающего общий порядок проведения социально-правовых экспериментов в различных областях и сферах жизнедеятельности общества (в том числе и в инновационной сфере);

3) четкое распределение компетенции между различными органами государственной власти и управления в области организации и проведения социально-правовых экспериментов в инновационной сфере. В Республике Беларусь представляется целесообразным установить общее правило о том, что принятие решения о проведении того или иного социально-правового эксперимента в инновационной сфере относится к компетенции того государственного органа, к компетенции которого относится принятие соответствующих правовых норм общего действия. Вместе с тем, нижестоящим органам государственной власти и управления следует предоставить право вносить в вышестоящие государственные органы предложения о проведении социально-правовых экспериментов в инновационной сфере и проекты соответствующих нормативных правовых актов в тех случаях, когда для проведения соответствующих социально-правовых экспериментов необходимы решения вышестоящих органов государственной власти и управления;

4) наличие экспериментальных норм инновационного законодательства. На протяжении срока проведения эксперимента указанные экспериментальные нормы выступают в качестве своего рода прототипа правовых норм общего действия, которые будут регулировать общественные отношения в области инноваций и инновационной деятельности в последующем;

5) санкционирование действия экспериментальных норм инновационного законодательства компетентным государственным органом, принимающим решение о проведении социально-правового эксперимента в инновационной сфере;

6) ограниченный масштаб действия экспериментальных норм инновационного законодательства. Во-первых, в данном случае имеет место ограничение периода действия указанных экспериментальных норм во времени, поскольку соответствующие нормы действуют только на протяжении срока проведения эксперимента (срок эксперимента в случае необходимости может быть продлен). Во-вторых, действие экспериментальных правовых норм может быть ограничено в пространстве, поскольку социально-правовой эксперимент в инновационной сфере может проводиться не на всей территории государства, а быть ограниченным каким-либо его регионом либо каким-либо локальным объектом. В-третьих, при проведении социально-правового эксперимента в инновационной сфере могут устанавливаться ограничения и по кругу лиц; в частности, из-под действия экспериментальных правовых норм может быть выведен тот или иной круг физических и (или) юридических лиц;

7) направленность экспериментальных норм инновационного законодательства на установление неизвестных ранее закономерностей правового воздействия на инновационное развитие социума;

8) направленность экспериментальных норм инновационного законодательства на преобразование социальной деятельности посредством интенсификации инновационных процессов в обществе;

9) направленность социально-правового эксперимента в инновационной сфере на достижение определенного результата. В частности, речь может идти о под-

тврдзеніі либо опровергніі выдвинутой ініцыяторамі обозначенного эксперимента гіпотезы об эффективности той или иной правотворческой идеи, связанной с регулированием инновационной деятельности и ее поддержкой при помощи правовых средств, об эффективности действия экспериментальных норм национального инновационного законодательства;

10) динамізм осуществления социально-правового эксперимента в инновационной сфере. Соответствующий эксперимент предполагает не исследование текущего (в данный точечный момент времени) воздействия норм инновационного законодательства государства на жизнедеятельность общества, а анализ динамики указанного воздействия по его результатам за определенный период времени;

11) фиксация компетентным государственным органом, принявшим решение о проведении социально-правового эксперимента в инновационной сфере, результатов (в том числе промежуточных) проведения обозначенного эксперимента на всех этапах его проведения;

12) необходимость выявления компетентным государственным органом, инициирующим проведение социально-правового эксперимента в инновационной сфере, комплекса побочных факторов, влияющих или потенциально способных влиять на результаты указанного эксперимента, принятие со стороны соответствующего государственного органа комплекса мер (в пределах возможного) для устранения влияния побочных факторов на результаты социально-правового эксперимента в инновационной сфере;

13) строгий контроль со стороны компетентного государственного органа, инициировавшего проведение социально-правового эксперимента в инновационной сфере, за ходом проведения указанного эксперимента на всех этапах его проведения;

14) комплексная интерпретация результатов проведения социально-правового эксперимента в инновационной сфере и всесторонний учет результатов его проведения в деятельности всего государственного аппарата.

Анализ обозначенных выше признаков социально-правовых экспериментов, осуществляемых в целях исследования и повышения эффективности инновационной функции государства, позволяет утверждать о выполнении социально-правовым экспериментом в инновационной сфере познавательной, преобразовательной и прогностической функций.

Познавательная функция социально-правового эксперимента в инновационной сфере проявляется посредством проверки гипотезы об эффективности той или иной правотворческой идеи, связанной с регулированием инновационной деятельности и ее поддержкой при помощи правовых средств, об эффективности действия экспериментальных норм отечественного инновационного законодательства, установления неизвестных ранее закономерностей правового воздействия на инновационное развитие общества, выявления побочных последствий осуществления соответствующего эксперимента.

Преобразовательная функция социально-правового эксперимента в инновационной сфере находит свое проявление в государственно-правовом воздействии на общество с целью исследования текущего уровня эффективности реализации государством инновационной функции и повышения указанной эффективности.

Прогностическая функция социально-правового эксперимента в инновационной сфере проявляется в том, что указанный эксперимент позволяет предвидеть, предвосхитить в определенных рамках будущее состояние правового регу-

лирования инновационных процессов, протекающих в обществе, выявить ключевые тенденции и потенциальные перспективы развития общественных отношений в сфере инноваций и инновационной деятельности. По выражению В.В. Глазырина, В.И. Никитинского и И.С. Самошенко, речь в данном случае идет о том, чтобы “практически осуществить в рамках настоящего те или иные модели прогнозируемого будущего” [3].

По результатам проведения социально-правовых экспериментов, призванных оценить эффективность инновационной функции государства, может быть не только установлена целесообразность закрепления в законодательной базе государства тех или иных правовых норм, ориентированных на стимулирование и поддержку инновационной деятельности, но и получена оценка результативности:

- 1) функционирования новых объектов инновационной инфраструктуры, созданных в стране;
- 2) деятельности новых государственных органов, созданных в целях реализации инновационной политики государства;
- 3) выполнения новых функций, возложенных на существующие органы государственной власти и управления в рамках реализации национальной инновационной политики;
- 4) участия государства в тех или иных международных организациях, целью которых является развитие сотрудничества между государствами в инновационной сфере.

Кроме того, социально-правовой эксперимент может быть использован для выявления целесообразности закрепления в национальном законодательстве того или иного специального юридического статуса для субъектов инновационной деятельности, призванного оказывать на последних благотворное стимулирующее воздействие. В Республике Беларусь в современных условиях примером такого рода специального юридического статуса для субъектов инновационной деятельности является статус резидента Парка высоких технологий, наличие которого является основанием для предоставления со стороны Белорусского государства соответствующим субъектам многочисленных льгот и гарантий.

Заключение

Таким образом, социально-правовой эксперимент как метод исследования эффективности инновационной функции государства способен не только дать оценку эффективности действующих в государстве правовых норм, регламентирующих осуществление протекающих в обществе инновационных процессов, выявить “узкие” места соответствующего правового регулирования, но и стать предпосылкой совершенствования национальной законодательной базы в сфере инноваций и инновационной деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Пашков, А. С.** Эффективность действия правовой нормы (к методологии и методике социологического исследования) / А. С. Пашков, Л. С. Явич // Советское государство и право. – 1970. – № 3. – С. 40–48.
2. **Самошенко, И. С.** О понятии эффективности правовых норм / И. С. Самошенко, В. И. Никитинский // Ученые записки Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства. – 1969. – Выпуск 18. – С. 3–19.
3. Правовой эксперимент и совершенствование законодательства / В. В. Глазырин [и др.] ; под ред. В. И. Никитинского, И. С. Самошенко. – Москва : Юридическая литература, 1988. – 304 с.

4. Философский энциклопедический словарь / А. Л. Грекулова [и др.] ; редкол.: С. С. Аверинцев [и др.]. – Москва : Советская энциклопедия, 1989. – 814 с.
5. **Туркулец, А. В.** Социальный эксперимент как средство рационализации исторического опыта : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / Туркулец Алексей Владимирович. – Москва : Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 1995. – 19 с. – Библиогр.: с. 19.
6. **Мотин, С. В.** Использование экспериментального метода в социально-правовой сфере (историко-теоретические аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Мотин Сергей Витальевич. – М. : Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 1999. – 183 с. – Библиогр.: с. 149–183.
7. **Лапаева, В. В.** Конкретно-социологические исследования в праве / В. В. Лапаева. – Москва : Юридическая литература, 1987. – 144 с.
8. **Лапаева, В. В.** Социологическое обеспечение законотворчества : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.01 / Лапаева Валентина Викторовна. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 1993. – 303 с. – Библиогр.: с. 287–303.
9. **Ельцов, В. Н.** Правовой эксперимент в современной России: проблемы эффективности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ельцов Владимир Николаевич. – Тамбов : Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, 2009. – 163 с. – Библиогр.: с. 136–156.
10. **Ельцов, В. Н.** Правовые эксперименты в современной России: оценка эффективности / В. Н. Ельцов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – № 11. – С. 569–574.
11. Научные основы советского правотворчества / О. А. Гаврилов [и др.] ; под ред. Р. О. Халфиной. – Москва : Наука, 1981. – 317 с.
12. **Подгурецкий, А.** Очерк социологии права / А. Подгурецкий. – Москва : Прогресс, 1974. – 328 с.

Поступила в редакцию 30.10.2017 г.

Контакты: erstesieger@mail.ru (Степаненко Дмитрий Михайлович)

Stepanenko, D.M. THE METHOD OF SOCIAL AND LEGAL EXPERIMENT IN THE SYSTEM OF RESEARCH ON THE EFFECTIVENESS OF THE STATE INNOVATION FUNCTION.

The article is devoted to the problem of the effectiveness of the state innovation function as one of the main directions of its activity at the beginning of the XXI century. The expediency of using the method of social and legal experiment for checking the effectiveness of the innovation function of the state is substantiated. The main features and functions of social and legal experiments in the innovation sphere are revealed.

Keywords: innovation function of the state, innovation development, innovation activity, effectiveness, method, social and legal experiment, innovation legislation.

УДК 339.942

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ МАЛЫХ СТРАН В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ

К. Б. Мурадян

аспирант кафедры Мировой экономики

Белорусский государственный экономический университет

В статье определяется влияние интеграционных процессов на конкурентоспособность стран с малой открытой экономикой. Проведен анализ потенциальных угроз и возможностей для малых стран-участниц интеграционных союзов. Выявлены проблемы внутрирегиональной торговли зрелых и вновь созданных экономических объединений. Определены проблемы адаптации малых стран к новым условиям конкуренции.

Ключевые слова: конкуренция, конкурентная среда, конкурентоспособность, “двойной рынок” конкуренции, интеграция.

Введение

Тенденции развития мировой экономики выявляют новые барьеры для малых стран, связанные, в первую очередь, с усилением международной конкуренции. Для решения поставленной проблемы страны пытаются сформировать более благоприятные условия для продвижения национальной продукции, найти пути смягчения конкуренции. Такие условия для стран может представить участие в интеграционных союзах, предполагающее определенную либерализацию, прежде всего, для межстрановой торговли.

Основная часть

Анализ теоретических основ, определяющих сущность категории конкурентоспособности стран, показал, что она имеет многоуровневую структуру, как минимум трехуровневую, на каждой из которых формируются свои условия конкурентной борьбы, своя субъектность, свои цели и пути их достижения. Процесс формирования конкурентоспособности идет от макро- к микроуровню, где страны формируют среду, в которой возможно зарождение конкурентоспособных предприятий, создающих экономическую ценность. Конкурентоспособность на макроуровне есть слагаемое эффективности и экономической безопасности. Конкурентоспособная страна обеспечивает своим экономическим субъектам эффективные условия для генерации богатства. Экономическая безопасность выступает ее главным базовым условием [1].

Участие малой страны в интеграционном объединении рассматривается как промежуточный уровень от конкурентоспособности на макроуровне к конкурентоспособности на мировом рынке. При этом основные преимущества такого участия для малых стран связываются с возможностями увеличения рынка сбыта, свободного передвижения трудовых ресурсов, объединения производственного

потенциала стран. Интеграционные процессы на нынешнем этапе качественно отличаются от процессов, начатых в XX в. тем, что происходит не слияние экономик, а их объединение.

Однако последствия интеграционного взаимодействия для стран также могут быть не равнозначны. Наибольшими возможностями интегрирования располагают страны, экономики которых является взаимодополняющими, а неизбежная конкуренция между производителями товаров и услуг имеет стимулирующий характер, способствует росту технико-экономического потенциала стран-партнеров. Объединения стран, экономики которых нельзя считать взаимодополняющими, наоборот, часто выступают на мировых рынках в качестве конкурентов друг друга [1].

Наличие высокой конкуренции внутри интеграций наблюдается среди стран, которые находятся примерно на одинаковом уровне экономического развития. Усиление конкуренции, обусловленное этим фактором, выступает основой формирования, так называемой модели “двойного рынка” конкуренции, определяющей условия для реализации наиболее эффективных признаков конкурентоспособности как отдельно взятой страны, так и интеграционного объединения в целом.

При включении страны в глобальную экономику на основе абсолютного преимущества страны становиться победителем в конкурентной борьбе, а включение на основе сравнительного преимущества – к комплементарности национальной экономики и экономик других стран. Другими словами, страны, обладающие схожими характеристиками, конкурируют друг с другом на основе абсолютных преимуществ, а страны, обладающие несопоставимыми характеристиками, стремятся к кооперированию на основе сравнительных преимуществ. При этом формируется конкурентная среда, которая способствует развитию модели “двойного рынка” конкуренции. В результате этого конкурентные отношения складываются на нескольких уровнях:

1. Конкуренция на уровне национальной экономики, где происходит формирование конкурентных преимуществ и их реализация для дальнейшего участия в новом уровне конкурентных отношений;

2. Конкуренция на уровне внутриинтеграционного объединения. Страны-участники объединения выступают прямыми конкурентами ввиду более высокой лояльности к произведенным внутри интеграции товарам и услугам. Это способствует более легкому доступу на рынок других стран-участниц, наполнению рынков, повышению интенсивности конкуренции, а, в итоге, – формируются отрасли, конкурентоспособные на мировом рынке. При этом можно говорить о повышении конкурентоспособности как стран-участниц, так и интеграционного объединения;

3. Конкурирование на уровне мировых рынков. На втором этапе закладываются основы для повышения конкурентоспособности стран, выраженные через повышение конкурентоспособности произведенных ими товаров и услуг.

Модель “двойного рынка” конкуренции содержит в себе ряд положительных и негативных последствий. К числу основных негативных последствий для страны-участницы относят: частичное отсутствие или слаборазвитое институциональное составляющее, которая подвергает экономики малых стран систематизированным проявлениям кризисных явлений. А при ее наличии способствует развитию экономики и повышает инвестиционную привлекательность.

Формирование конкурентоспособности интеграционного объединения происходит за счет реализации конкурентного преимущества на основе генерирования накопленных знаний и опыта (Рисунок 1).

Рисунок 1 – Конкурентоспособность интеграционного объединения с учетом конкурентных преимуществ стран

Примечание: источник – собственная разработка

Активный обмен товарами и услугами приводит к повышению внутреннего спроса в интеграционном объединении, что в свою очередь является благоприятной основой для совершенствования внешнеэкономической политики стран (например, реализации политики импортозамещения).

Анализ результатов внешней торговли интеграционных объединений (ЕС, ЕАЭС, АСЕАН, ЮАТС), определяет в некоторой степени зависимость вступления в интеграционное объединение и повышения индекса конкурентоспособности страны. При этом результат не содержит абсолютного положительного либо отрицательного воздействия для повышения индекса конкурентоспособности страны.

Для стран-участниц ЕС, интеграционного союза, который несколько раз подвергался расширению, следует отметить, что положительное воздействие такого вступления было явным, например, для Польши, Чехии, Венгрии, что связывается, в первую очередь, с ростом инвестиций в данные страны и вызванный этим рост экспорта средне- и высокотехнологичной продукции. Однако для других малых стран (Болгария, Румыния), воздействие на конкурентоспособность не было столь явным.

Для стран интеграционного объединения АСЕАН в разрезе внутренней торговли основной страной партнером является Сингапур. Главной характеристикой для данного интеграционного объединения являются высокие показатели внутренней торговли, положительное сальдо торгового баланса (за исключением Филиппин) и высокие индексы конкурентоспособности (Таблица 1). Ключевым фактором, влияющим на показатели, является динамичное развитие экономики и успешная политика по привлечению ПИИ.

Таблица 1 – Сальдо торгового баланса стран-участниц АСЕАН

Страна	Сальдо торгового баланса, млрд долл. США			Индекс конкурентоспособности		
	2003	2009	2015	2004	2009	2015
Индонезия	2 695	-3 118 ↓	3 544 ↑	69	54 ↑	37 ↑
Малайзия	5 033	8 664 ↑	9 490 ↑	31	24 ↑	18 ↑
Филиппины	183	-5 722 ↓	-8 527 ↓	76	87 ?	47 ↑
Сингапур	12 227	22 598 ↑	54 492 ↑	7	3 ↑	2 ↑
Таиланд	3 966	5 731 ↑	19 030 ↑	34	36 ?	32 ↑

Примечание: источник – собственная разработка на основе [2, 3, 4, 5, 6].

Относительно стран-участниц ЕАЭС (Таблица 2) оценка последствий вступления стран в данное интеграционное объединение представляется сложной. Связан такой вывод с относительно новым форматом участия стран. Очевидно, что объединение происходило в том числе, исходя не только из экономических, но и исторических связей. Однако предыдущий формат предполагал иной механизм взаимодействия стран. При этом, анализируя показатели внутренней торговли, наблюдается негативная тенденция, объяснением может послужить прохождение всеми странами объединения кризисного периода.

Таблица 2 – Сальдо торгового баланса стран-участниц ЕАЭС

ЕАЭС	Сальдо торгового баланса, млрд долл. США			Индекс конкурентоспособности		
	2003	2009	2015	2004	2009	2015
Армения	-108	-702 ↓	-788 ↓	n/a	97	82 ↑
Беларусь	-2 660	-9 688 ↓	-6 042 ↑	n/a	n/a	n/a
Казахстан	-1 285	-5 387 ↓	-6 084 ↓	n/a	67	42 ↑
Кыргызстан	-197	-1 129 ↓	-1 604 ↓	n/a	123	102 ↑
Россия	3 632	16 514 ↑	12 028 ↓	70	63 ↑	45 ↑

Примечание: источник – собственная разработка на основе [2, 3, 4, 5, 6].

Наиболее неоднозначными и сложным для анализа представляется Южно-Африканский таможенный союз (Таблица 3). При рассмотрении статистических данных возникают трудности, связанные с отсутствием актуальных статистических показателей. Однако следует отметить роль основного торгово-экономического партнера в объединении (ЮАР) по приложенным усилиям для развития союза. Также важно отметить низкие позиции индексов стран в рейтинге конкурентоспособности.

Таблица 3 – Сальдо торгового баланса стран-участниц ЮАТС

ЮАТС	Сальдо торгового баланса, млрд долл. США			Индекс конкурентоспособности		
	2003	2009	2015	2004	2009	2015
Ботсвана	-3 085	-3 100 ↓	-3 851 ↓	45	66 ↓	71 ↓
Лесото	-822	-983 ↓	n/a	n/a	107	113 ↓
Намибия	-730	-2 331 ↓	-3 165 ↓	52	74 ↓	85 ↓
Свазиленд	-668	n/a	n/a	n/a	n/a	128
ЮАР	-4	-46 ↓	7 868 ↑	41	45 ↓	49 ↓

Примечание: источник – собственная разработка на основе [2, 3, 4, 5, 6].

Рассмотренные интеграционные объединения классифицируем как:

1. Зрелые интеграционные объединения, не проводившие расширения (ЮАТС, АСЕАН). Такие объединения также можно называть интеграционными объединениями закрытого типа. Анализ деятельности объединения выявил ряд особенностей. В таких объединениях существует асимметричность более высокого порядка и существует один основной торговый партнер внутри объединения. Также следует выделить отсутствие единой валюты внутри интеграции, при этом среди стран-участниц гармонизирован валютный курс по отношению к третьей валюте (пример ЮАТС).

2. Зрелые интеграционные объединения, проводившие расширения (ЕС). Интеграционное объединение подобного типа более подвержены к изменениям, что приводит к усложнению конкурентной среды. При этом формируются более конкурентоспособные экономики, поскольку вырабатывается более высокая адаптационная способность ко внешнему воздействию. Такие объединения преследуют более глобальную цель: быть лидером не только в регионе, но и в глобальном масштабе. Существует группа стран основных торговых партнеров, которые также являются лидерами в интеграционном объединении. Интеграционные объединения подобного типа выставляют высокие требования к странам, что в свою очередь подготавливает страны к конкуренции более высокого порядка, тем самым ускоряется адаптация экономики в объединении.

3. Вновь созданные интеграционные объединения (ЕАЭС). Объединения происходят в основном на основе исторического и экономического общения стран, которые были созданы в формате слияния. На современном этапе наблюдается объединение самостоятельных экономик. В данном случае уместно присвоение признаков интеграции сверху и снизу. Адаптация к новым условиям происходит без прохождения “шоковой терапии”, поскольку основные торговые партнеры не поменялись после вступления в объединение.

Опыт ЕС и АСЕАН показывает, что включение стран в модель “двойного рынка” конкуренции позволяет определить их возможности в повышении своей конкурентоспособности, т. е. определить, каким образом может конкурировать новая страна-участница в сложившейся конкурентной среде и может (или должна) она изменить уже сложившиеся условия.

Заключение

Таким образом, участие малых стран в интеграционных объединениях имеет существенное влияние на формирование и повышение их конкурентоспособности. Усиление конкуренции внутри интеграционного объединения поддерживает развитие экономического потенциала стран. При использовании модели “двойного рынка” конкуренции страна решает проблему долгосрочной конкурентоспособности.

Следует отметить, что конкурентоспособность стран-участниц и интеграционного объединения в целом зависит от качества торгуемых товаров во внутрисоюзной торговле. Чем выше технологический уклад, тем сильнее экономика. Конкуренция на внутреннем рынке интеграционного объединения товарами 5-6 технологического уклада приводит к дальнейшему развитию страны и повышает ее конкурентоспособность.

Отсутствие положительного эффекта интеграционного взаимодействия для стран-участниц может стать сигналом необходимости проведения коренных изменений в структурной, макроэкономической, конкурентной политике, более полному использованию возможностей кооперационного сотрудничества между странами-участницами, что, в свою очередь, будет способствовать формированию как абсолютных, так и сравнительных конкурентных преимуществ внутри интеграции.

Формирование “двойного рынка” конкуренции содержит в себе ряд положительных эффектов, связанных с развитием институционального составляющего экономики, что в свою очередь приводит к повышению инвестиционной привлекательности.

Процесс адаптации малой страны в интеграционные объединения различного типа решается различными механизмами либо явлениями. К примеру, зрелые

интеграционные объединения, проводившие политику расширения, решили данную проблему, выставляя высокие барьеры для входа. Что в свою очередь решает две задачи: повышает качественную составляющую конкуренции внутри интеграционного объединения и повышает ее конкурентоспособность; упрощает процесс адаптации в условиях конкурентной среды.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Праневич, А. А.** Интеграционные объединения стран: проблемы и факторы конкурентной устойчивости в современной мировой экономике / А. А. Праневич // Белорусский экономический журнал. – 2016. – № 1. – С. 4–22.
2. World Economic Forum: Global Competitiveness Index 2004–2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2004-2005/report-highlights/>. – Дата доступа: 01.07.2017.
3. World Economic Forum: Global Competitiveness Index 2009–2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2009-2010/report-highlights/>. – Дата доступа: 01.07.2017.
4. World Economic Forum: Global Competitiveness Index 2015–2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2015-2016/report-highlights/>. – Дата доступа: 01.07.2017.
5. World bank [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://data.worldbank.org/>. – Дата доступа: 10.07.2017.
6. UN Comtrade Database [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://comtrade.un.org/>. – Дата доступа: 22.07.2017.

Поступила в редакцию 01.11.2017 г.

Контакты: karenmuradyan1@gmail.com (Мурадян Карен Багратович)

Muradyan K. COMPETITIVENESS OF SMALL COUNTRIES IN THE CONTEXT OF INTEGRATION COOPERATION: OPPORTUNITIES AND PROBLEMS OF ADAPTATION.

The article defines the influence of integration processes on the competitiveness of countries with small open economies. The analysis of potential threats and opportunities for small member countries of integration unions has been carried out. The issues of intraregional trade of mature and newly created economic associations are revealed. The problems of adaptation of small countries to new conditions of competition are determined.

Keywords: competition, competitive environment, competitiveness, “double market” competition, integration.

УДК 339.5

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКСПОРТНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

А. С. Дикович

аспирант Института экономики НАН Беларуси,
начальник отдела кассового обслуживания ОАО “Банк Москва-Минск”
по Гомельской области

Статья посвящена анализу теоретико-методологических подходов к категории экспортный потенциал. Экспортный потенциал рассмотрен как полиструктура со сложными взаимосвязями элементов. Выделено пять основных функциональных агрегата экспортного потенциала. Предложено авторское определение экспортный потенциал региона.

Ключевые слова: экспортный потенциал, регион, внешнеэкономический потенциал, структура экспортного потенциала, региональная экономика, региональные сравнительные преимущества.

Введение

Мировой опыт развития указывает на формирование новых тенденций регионального развития, наиболее значимой из которых, стала активная включенность регионов в процессы глобализации и приоритет инновационного пути развития, в основе которого лежит экономика знаний.

Совершенствование и развития региональной политики государства напрямую связано с увеличением внешнеторгового оборота страны, размер которого во многом зависит от усиления экспортного потенциала регионов Беларуси, поскольку регионы становятся важными субъектами международных экономических отношений. В этих условиях региональная политика и располагаемые сравнительные преимущества отдельных территорий становятся все более важными с точки зрения определения роли и места национальной экономики в системе международного разделения труда, а также укрепления позиций Беларуси на мировом рынке.

Следовательно, сохранение, расширение и совершенствование экспортного потенциала региона является в настоящее время приоритетной задачей развития региональной социально-экономической системы.

Основная часть

Несмотря на высокий научный интерес к проблемам оценки и развития экспортного потенциала на всех уровнях экономической системы, неоднозначными остаются подходы к его дефиниции и структурно-функциональным характеристикам. Авторы по-разному очерчивают границы данного понятия, вкладывая в него разную смысловую нагрузку, что приводит к множественности экспортного потенциала одной и той же экономической системы.

Теоретико-методологические аспекты познания сущности и структуры экспортного потенциала региона традиционно рассматривают в контексте диалектической схемы “общее – конкретное – особенное”, что применительно к целям

настоящего исследования преобразуются в “потенциал – экономический потенциал – экспортный потенциал региона”.

Термин “потенциал” в своем этимологическом значении происходит от латинского слова “potential”, означающего силу и мощь, совокупность имеющихся средств, возможностей, которые могут быть использованы в какой-либо деятельности. Таким образом, потенциал не является тем, что определено и выявлено, а представляет собой находящееся в скрытом виде, что может быть проявлено при наступлении определенных условий.

Категория “экономический потенциал” вошла в научный обиход в 1970 г. и явилась обобщающим выражением качественных сдвигов в системе общественного производства. При этом в западной экономической мысли понятие “потенциал” традиционно связано с исследованием производства на всех уровнях экономического анализа и преимущественно используется в значении “потенциальный выпуск”.

Так в словаре современной экономической теории Макмиллана “потенциал” определяется как максимально возможный объем производства фирмы, отрасли, промышленности или экономики в целом, обусловленный обеспеченностью факторами производства.

Д. Берг и Р. Дорнбуш отмечали, что потенциал экономической системы – это не максимальный выпуск, на который предположительно способна экономика. Скорее это такой уровень выпуска, который мог бы поддерживаться, если бы каждый рынок в экономике находился бы в состоянии долгосрочного равновесия.

В советской экономической науке понятие “экономический потенциал” рассматривалось через призму социалистической системы хозяйствования, где отсутствие свободного ценообразования оказывало существенное влияние на выбор критериев оптимального объема производства.

Одно из первых определений экономического потенциала народного хозяйства в советской научной литературе предложил А.И. Анчишкин. По его мнению, экономический потенциал характеризуют производственные ресурсы, их объемы, структура, технический уровень и качество.

Данный подход получил название “ресурсного” и встречается в работах Д.К. Шевченко, И.И. Лукинова, В.Н. Свободиной, Д.А. Черниковой, Б.И. Габа и др., где содержание понятия “потенциал” отождествляется с понятиями “ресурсы”, “располагаемые ресурсы”, “рабочая сила”, “основной фонд”. В этом случае задача оптимального распределения факторов производства относится к числу организационно-технологических.

Однако принципиальным различием между терминами “ресурсы” и “потенциал” является то, что ресурсы существуют вне зависимости от субъектов экономической деятельности, а потенциал отдельного предприятия, региона, общества в целом неотделим от субъектов деятельности. То есть термин “потенциал”, кроме материальных и нематериальных средств, включает способности к эффективному использованию имеющихся средств или ресурсов.

Понимание того, что располагаемые ресурсы и их количественные характеристики не могут в полной мере описывать потенциал экономической системы, возникшее как следствие наблюдаемого на практике разрыва между ростом производительности труда и низким уровнем эффективности производства в социалистической экономике, привело к появлению результативного подхода к определению понятия “экономический потенциал”. Он стал рассматриваться как результат экономических и производственных отношений”.

Л.И. Самоукин в работе “Потенциал нематериального производства” указывает на необходимость при исследовании экономического потенциала рассматривать его “во взаимосвязи со свойственными каждой общественно-экономической формации производственными отношениями, возникающими между отдельными работниками, трудовыми коллективами, а также управленческим аппаратом предприятия, организации отраслей народного хозяйства в целом по поводу полного использования их способностей к созданию материальных благ и услуг” [6, с. 5].

В современных публикациях экономический потенциал чаще рассматривается как совокупная способность отраслей народного хозяйства. Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева определяют экономический потенциал как “совокупную способность экономики осуществлять производственно-экономическую деятельность, выпускать продукцию, товары, услуги, удовлетворять запросы населения, общественные потребности, обеспечивать развитие производства и потребления” [5]. А.А. Костылев под экономическим потенциалом понимает “совокупность возможностей по организации экономической деятельности в рамках ограничений законодательного, финансового, организационно-технического и территориально-отраслевого характера” [3, с. 34].

Исходя из маркетингового подхода к оценке социально-экономического потенциала, О.Н. Нестеренко определяет потенциал как систему конкурентных преимуществ и слабостей; при этом в стратегии маркетинга оценивается воздействие внешних и внутренних факторов развития.

С ростом значения мировой торговли и внешней составляющей в обеспечении устойчивого развития, в научной литературе стало уделяться внимание категории «экспортный потенциал», которая хотя и не фигурирует среди базовых понятий теории международных экономических отношений, тем не менее, является одной из важнейших и неотъемлемых составляющих ее современного понятийно-категориального аппарата.

Анализ имеющихся научных работ позволяет утверждать, что, с одной стороны, теория экспортного потенциала все больше выделяется как относительно самостоятельное направление научной мысли, а с другой – следует констатировать плюрализм вариантов этой теории и существование широкого спектра мнений научного сообщества относительно дифинициального содержания и структурно-функциональных характеристик экспортного потенциала.

Методологические подходы к содержанию категории “экспортный потенциал” отвечают логике структурного, функционального и целевого (результативного) подходов, аналогично подходам к категории “экономический потенциал”.

На основе анализа научной литературы Н.М. Тюрина и Э.О. Шелест [7, с. 190] определили частоту употребления различных сущностных характеристик понятия “экспортный потенциал” (таблица).

Использование сущностных характеристик понятия “экспортный потенциал” в экономической литературе

Значение термина	Частота употребления, %
Располагаемые ресурсы, которые реализуются	79
Располагаемые ресурсы, которые не реализуются, но могут быть реализованы	25
Способность произвести и реализовать соответствующие ресурсы в перспективе	50

Методологическая ограниченность существующих подходов к категории “экспортный потенциал” обуславливается их прямой связью с состоянием разработки теории экономического потенциала, которая, как отмечает И. Карапейчик, сейчас переживает тяжелый этап перенесения общенаучного понятия “потенциал” в сферу экономических исследований.

В то же время определение сущности и концептуальных основ формирования экспортного потенциала имеет огромное теоретическое и практическое значение. За дефиницией “экспортного потенциала” скрываются ресурсные предпосылки функционирования и развития экспортноориентированных экономических систем, источники их конкурентоспособности и институциональный механизм регулирования конкурентного взаимодействия субъектов на мировых рынках.

Приведенное понимание контекста “экспортного потенциала” позволяет выявить его ключевые (родовые) признаки – системность, ресурсность и институциональность.

Структурный анализ экспортного потенциала достаточно широко представлен в современных экономических исследованиях, в которых в зависимости от цели и принадлежности к определенной экономической школе, ученые предлагают собственный “угол зрения” на структуру экспортного потенциала экономической системы. Диапазон расхождений характеризуют представления о “краевогольном камне” экспортного потенциала, которое для представителей неоклассической школы генерируется производственным потенциалом, для институционалистов – институциональным потенциалом, для сторонников технологического глобализма – инновационным (технологическим) потенциалом и т. п. Такой плурализм мнений, на первый взгляд, выглядит как патовая ситуация, в которой исследователи не могут достичь согласия в интерпретации структуры экспортного потенциала.

Однако с другой стороны множественность приведенных концепций отображает полиаспектный характер научной проблемы структуризации экспортного потенциала, находящегося на пересечении различных областей и теорий социально-экономического знания: теории внешней торговли, региональной экономики, теории экономического роста, размещения производительных сил, региональной экономической политики.

Ни одна отдельно взятая теоретическая концепция не способна дать дефиницию экспортного потенциала, учитывающую его полиаспектность и абсолютно необходимым является комплексный подход, комбинирующий в себе различные методологические подходы и инструменты анализа.

Решение подобной задачи подразумевает применение системного подхода, позволяющего рассмотреть экспортный потенциал как полиструктуру со сложными взаимосвязями и взаимодействиями элементов, которые могут быть сгруппированы в пять основных функциональных агрегата экспортного потенциала (рисунок).

В качестве первого агрегата выступает то, что мы называем ресурсы, факторы производства (природно-климатические ресурсы, основные фонды, трудовые ресурсы). Отдельные авторы (Р.М. Прытков, Г.И. Немирова [4]), выделяя аналогичный функциональный агрегат, образовывают его структуру из субфункциональных потенциалов: ресурсного, трудового, финансового. Все это выступает в качестве базисного функционального агрегата, без которого невозможно не только заниматься экспортом, но и вообще осуществлять любую хозяйственную деятельность. Этот агрегат во многом детерминирует состояние экспортного потенциала.

Однако какими бы ни были высокоразвитыми факторы производства, их использование осуществляется через производственно-экономическую деятельность (систему, объединяющую ресурсы). Она образует второй функциональный агрегат. Под “производственно-экономической деятельностью” мы понимаем рациональность производства как процесса комбинирования субфункциональных ресурсов (потенциалов), который должен быть эффективным по критерию технической минимизации расходов или технической максимизации выпуска экспортной продукции. Результатом производственно-экономической деятельности является торговая продукция экспортного значения, доходы от реализации которой становятся источником формирования других видов функциональных агрегатов.

Третий функциональный контур составляет инвестиционно-инновационная (технологическая) деятельность. Ее выделение в самостоятельный функциональный агрегат предопределяется, во-первых, самим характером расширенного воссоздания экспортной деятельности – через реновацию факторов производства и во-вторых – тенденцией прогрессирующей инноватизации (технологизации) экспортных потенциалов в развитых странах.

Четвертый функциональный агрегат образует маркетингово-сбытовая деятельность, представляющая собой деятельность, направленную на достижение эффективного продвижения экспортной продукции от производителя к зарубежному потребителю. Без выделения маркетингово-сбытовой деятельности в качестве отдельного составного элемента экспортного потенциала невозможно дать полноценного представления о его структуре. Неэффективная маркетингово-сбытовая деятельность на зарубежных рынках может практически свести “на нет” все успехи, достигнутые на других функциональных агрегатах.

Пятый функциональный агрегат образует институциональная среда, определяющаяся степенью развития ведущих институтов рыночной экономики и

специальных институтов, деятельность которых направлена на формирование благоприятных условий для развития экспорта и стимулирования новых видов предпринимательской деятельности с экспортной ориентацией.

Важно пояснить, какое значение имеет предложенный элементный состав экспортного потенциала региона. Во-первых, данную схему можно рассматривать как исследовательскую, опираясь на нее можно выполнить диагностику экспортного потенциала. Во-вторых, данная схема может быть использована как методика, применяя которую можно решить определенные задачи не только научного, но и практического плана. В-третьих, нами предлагается абстрактно-логическая схема, отталкиваясь от которой, можно выдвинуть иные суждения по поводу содержания и структуры понятия “экспортный потенциал”. В частности, приведенный состав основных функциональных агрегатов формирует типовую структуру экспортного потенциала, в которой соотношение и уровень развития функциональных агрегатов, а также взаимосвязи (смыкания) между ними адекватны располагаемым сравнительным преимуществам.

Анализ формирования экспортного потенциала в различных экономических системах указывает на использование разных типов сравнительных преимуществ – ресурсно-факторных, технологических, инновационных, маркетинговых. При этом каждому типу используемых сравнительных преимуществ соответствует своя структура экспортного потенциала, свой уникальный набор и соотношение элементов.

Прежде чем дать определение экспортного потенциала региона, необходимо дать еще несколько методологических пояснений.

Важным вопросом является различие проблематики экспортного потенциала национальной экономики и экспортного потенциала региона. Достаточно часто в экономической литературе встречается отождествление данных понятий, слепой перенос сущности и атрибутов экспортного потенциала национальной экономики на категорию экспортный потенциал региона. Во многом это объясняется новизной исследования обеих проблем, абсолютизацией их взаимосвязи, недостаточным освоением основ концепций регионального развития, экстраполяцией наблюдений за национальной экономикой на региональном уровне.

Основное различие региональной и национальной экономики применительно к экспортному потенциалу заключается в том, что для страны как участника международной торговли актуальны проблемы национальной безопасности, курса национальной валюты, административного и политического устройства и т. д. На уровне региона эти проблемы имеют меньшее значение и не входят в компетенцию региональных органов власти. Соответственно, инструменты региональной политики, направленные на развитие экспортного потенциала, не включают таможенные тарифы, квоты, валютное регулирование, экспортный контроль и т. п.

Регион – это уровень, обеспечивающий необходимую координацию между двумя другими уровнями: предприятиями и государством, выполняя ряд своих специфических функций.

На региональном уровне возрастает значение пространственного фактора, размещения производственных и социальных объектов, инфраструктурного устройства территории и т. п.

Еще одно отличие сводиться к тому, что на уровне региона специализация в производстве определенных товаров и услуг является более очевидной в сравнении с национальным, а мобильность производственных ресурсов между регионами выше, чем между странами.

Кроме того, важным аспектом является процесс разграничения сферы ответственности и полномочий между центральными и региональными органами власти. В качестве примера можно привести маркетингово-сбытовую деятельность, которая на уровне региона представляет собой, главным образом, формирование и реализацию региональных маркетинговых программ, с одной стороны обеспечивающих предприятия региона необходимой информацией о конъюнктуре внешних рынков, с другой – стимулирующих продвижение продукции предприятий региона на более привлекательные рынки сбыта путем расширения международных контактов и развития региональной инфраструктуры внешнеэкономической деятельности.

В тоже время маркетингово-сбытоваая деятельность на национальном уровне должна включать в себя такие элементы, как преодоление дискриминационных ограничений на экспорт со стороны других стран, заключение двух- и многосторонних международных договоров, направленных на стимулирование экономического сотрудничества и установление режимов наибольшего благоприятствования.

Рассматривая методологические аспекты, важно также определиться с понятием “регион”. В отечественной и зарубежной научной литературе нет четкого определения данного понятия, что является одной из причин многообразия направлений и методологических концепций в современных региональных исследованиях.

Так, например, американские профессоры П. Джеймс и Дж. Мартин, признавая существующую путаницу в определении понятий “регион”, пишут: понятие “регион”, применяют по отношению к территориям самой разной площади, которые характеризуются определенной однородностью, являющейся специфической и служащей основанием для того, чтобы выделить эти территории”.

В соответствии с документами Европейского союза под регионом понимается “территория, которая представляет очевидную общность с географической точки зрения, имеет преемственность, ее население разделяет определенные общие ценности, стремится сохранить и развить свою самобытность для стимулирования культурного, экономического и социального прогресса”.

В работе “Региональный рынок: воспроизводственный аспект” И.В. Арженовский рассматривает регион как “часть территории, выделившуюся в ходе общественного разделения труда, характеризующуюся специализацией производства каких-либо товаров, общностью одновременно специфичностью по сравнению с другими территориями, особенностями воспроизводственного процесса, комплексностью и целостностью хозяйства, наличием органов управления” [1, с. 6].

С позиций системного подхода, регион представляет собой многосложную систему, находящуюся внутри другой, еще более сложной системы – национальной экономики, которая в свою очередь окружена еще большей системой – мировым хозяйством.

Как справедливо указывает академик Н.Н. Баранский “Отношения между понятиями мировое хозяйство, народное хозяйство, экономический район надо мыслить диалектически, в порядке отношений между целым и частью. Всякое изменение целого – качественное или количественное – не может не отразиться так или иначе на каждой из его частей, а с другой стороны, изменения каждой из частей не могут не отразиться на целом” [2, с. 126–127].

Таким образом, при характеристике понятия “регион” должны быть учтены следующие обстоятельства: во-первых, регион представляет собой террито-

альное явление, поэтому базовым является территориальный признак, что должно быть отражено в понятии “регион”. Во-вторых, регион является составной частью целостной социальной и административной системы и должен обладать их основными чертами. При этом он не должен сводиться к ним. В-третьих, регион имеет специализацию, основанную на располагаемых сравнительных преимуществах. В-четвертых, регион – открытая система. Это важнейшее свойство означает наличие связей с другими регионами и зарубежными странами. В настоящее время, мы наблюдаем как рост трансграничной мобильности, приводит к прогрессирующему размыканию национальных и территориальных производственных циклов, повышению внешней открытости регионов в мировой экономике.

В связи с этим определяем регион как территорию с нормативно определенными границами, являющуюся звеном административной системы страны, обладающую определенной специализацией, обусловленной местом региона в системе территориального и общественного разделения труда.

Опираясь на выделенные нами четыре элемента структуры экспортного потенциала и учитывая заданную в настоящем исследовании дефиницию региона, мы предлагаем следующее развернутое определение экспортного потенциала региона. На наш взгляд, экспортный потенциал региона это интегрированная совокупность ресурсов и располагаемых сравнительных преимуществ региона, которая может быть использована при производстве, реализации товаров и услуг для удовлетворения потребностей внешних рынков.

Зависимость потенциала от располагаемых сравнительных преимуществ, от способности оперативно реагировать и адаптироваться к экзогенным воздействиям, изменению конъюнктуры внешних рынков обнаруживает взаимосвязь экспортного потенциала региона и его социально-экономического благополучия.

Прежде всего, развитие экспортноориентированных производств генерирует возможности для расширения объемов внутреннего платежеспособного спроса. В условиях небольшой емкости внутреннего рынка, превышение за счет эксппорта границ внутреннего спроса может быть очень существенным. Все это, в свою очередь ведет к устойчивому экономическому росту, способствует повышению занятости и естественным образом оптимизирует отраслевую структуру производства. Экспортный комплекс обрастает предприятиями-сателлитами в сфере услуг (маркетинговые организации, транспортные компании и т. п.). В результате возникает специализированная, оптимальная, с точки зрения участия в международном разделении труда, структура. Примером служит опыт США, где в 1992 г. за счет экспорта регионов было достигнуто 33% прироста ВВП.

Заключение

Таким образом, в контексте процесса глобализации мировой экономики и возрастании роли регионов как субъектов международных экономических отношений возникает объективная потребность в комплексном анализе экспортного потенциала региона. Представляя собой промежуточное звено между макро- и микроуровнями, экспортный потенциал региона является интегрированной совокупностью ресурсов и сравнительных преимуществ региона, которая может быть использована при производстве, реализации товаров и услуг для удовлетворения потребностей внешних рынков.

Новизна предложенного подхода к раскрытию сущности экспортного потенциала региона заключается в том, что: во-первых, выделены ключевые (родо-

вые) признаки явления, которые определяют его специфику и особенности в понятийном аппарате теории международной экономической деятельности. Вторых, подчеркивается нетождественность понятий "внешнеэкономический потенциал" и "экспортный потенциал", поскольку первое предусматривает реализацию потенциала в стране базирования, а второе – только трансграничную "технологию" реализации. В-третьих, акцентировано внимание на сущности экспортного потенциала как системного ресурса, структура которого детерминируется факторами производства и располагаемыми региональными сравнительными преимуществами и по принципу обратной связи испытывает влияние внешнего рынка. В-четвертых, учитывается современное состояние товарной структуры экспорта, значительную долю которой в развитых странах составляет сфера услуг.

Предложенный элементный состав экспортного потенциала региона, в свою очередь, может быть востребован при формулировании магистральных направлений региональной политики, направленных на развитие экспортноориентированных производств, тогда как выбор ее инструментов будет определяться динамикой располагаемых региональных сравнительных преимуществ и анализом факторов, оказывающих влияние на формирование и развитие экспортного потенциала.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Арженовский, И. В.** Региональный рынок: воспроизводственный / И. В. Арженовский. – Нижний Новгород : Экономическая культура, 1997. – 186 с.
2. **Баранский, Н. Н.** Избранные труды. Научные проблемы географии / Н. Н. Баранский. – Москва : Мысль, 1980. – 287 с.
3. **Костылев, А. А.** Экономический потенциал региона: инструментарий управления природно-ресурсной составляющей : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / А. А. Костылев. – Тамбов, 2010. – 161 с.
4. **Прытков, Р. М.** Формирование и развитие экспортного потенциала региона / Р. М. Прытков, Г. И. Немирова // Вестник ОГУ. – 2011. – № 13. – С. 387–393.
5. **Райзберг, Б. А.** Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : ИНФРА-М, 2003. – 480 с.
6. **Самоукин, А. И.** Потенциал нематериального производства / А. И. Самоукин. – Москва : Знание, 1991. – 62 с.
7. **Тюріна, Н. М.** Сутнісні характеристики експортного потенціалу / Н. М. Тюріна, С. О. Шелест // Вісник Хмельницького національного університету. – Хмельницький : ХНУ, 2009. – № 4, Т. 3. – С. 189–194.

Поступила в редакцию 20.12.2017 г.

Контакты: +375 232 48 10 20 (Дикович Андрей Сергеевич)

Dikovich A. THEORETICAL ASPECTS OF FORMATION AND RESEARCH OF REGIONAL EXPORT POTENTIAL.

The article is devoted to the analysis of theoretical and methodological approaches to the category of export potential. Export potential is considered as a polystructure with complex interrelations of its elements. Five main functional aggregates of export potential are singled out. The author defines the export potential of the region.

Keywords: export potential, region, foreign-language potential, export potential structure, regional economy, regional comparative advantages.

УДК 316.77 (476)

ТЕХНОЛОГИИ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЛЯ СРЕДСТВАМИ СЕТЕВОЙ ВИРТУАЛЬНОЙ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

A. V. Посталовский

кандидат социологических наук,
научный сотрудник Центра социально-политических исследований
Белорусский государственный университет

Популярность средств сетевой виртуальной медиакоммуникации в своем эвристическом назначении играет амбивалентную роль. С одной стороны, отмечается высокая степень развития коммуникативных практик в социальных медиа. С другой – формируется благодатная почва для распространения негативного информационного контента с целью дестабилизации социально-политической обстановки и манипуляции массовым сознанием. Представленная статья посвящена социологическому рассмотрению содержания технологий дестабилизации информационного поля средствами сетевой виртуальной медиакоммуникации на примере конкретных социально-политических конфликтов.

Ключевые слова: социальные медиа, информационное поле, социальные сети, средства сетевой виртуальной медиакоммуникации, дестабилизация.

Медиаконвергентное состояние структурных сегментов национального информационного поля обуславливает процессы взаимного медиазамещения традиционными СМИ и сетевыми коммуникативными ресурсами друг друга. Взаимное медиазамещение предполагает условное стирание жестких структурных границ между средствами массовой информации. Трансляция телевизионного сигнала обеспечивается, с одной стороны, форматом цифрового или кабельного вещания. С другой – технологии потокового мультимедиа и Stream-TV предполагают активное использование интернет-трафика для воспроизведения телевизионного изображения. С номером печатного издания можно ознакомиться на соответствующем сайте газеты, а посты в блогосфере носят ярко выраженный формат колумнистической печатной публикации. Наконец, в стремительно меняющихся реалиях информационного общества бывает порой сложно отличить профессионального журналиста от сетевого блогера, поскольку оба субъекта в равной степени могут выступать в качестве источников воспроизведения и распространения информационного контента. В указанных контекстах медиаконвергентного состояния средств массовой информации происходит перераспределение влияния на аудиторию от традиционных СМИ в пользу медиакоммуникативных сегментов информационного поля, в частности, средств сетевой виртуальной медиакоммуникации.

Средства сетевой виртуальной медиакоммуникации (CCBМK) представляют собой сетевое онлайновое пространство, основной задачей которого выступают визуализированные социальные отношения, межличностное общение между

интернет-пользователями, формирование интерактивных форм самопрезентации, а также возможность индивидуального создания и последующего распространения информационного контента. ССВМК – это, прежде всего, комплексное собирательное понятие форм сетевой коммуникации и технологий воспроизведения массовой информации.

На первоначальном этапе формирования виртуального сетевого пространства данные онлайн-сервисы было принято называть “социальными сетями”. Вместе с тем, наиболее популярные у аудитории социальные сети (“Twitter”, “Facebook”, “Instagram”, “Вконтакте”, “Одноклассники” и др.) в настоящее время перестали быть просто виртуальными сетями для установления коммуникационных связей. Данные онлайн-сервисы трансформировались в полноценные информационные ресурсы с возможностью воспроизведения, трансляции и распространения социально значимой для конкретного автора информации. Технический инструментарий публикации авторского контента фактически приравнял пользователей социальных сетей к формату редакции информационного издания, которая сама определяет время, очередность и содержание транслируемой информации. В данном случае происходит взаимное медиазамещение текстового контента (блогосфера) и онлайн-сервисов сетевой коммуникации (социальные сети). Отсюда следует, что для сетевого виртуального пространства также характерна тенденция медиаконвергенции, в связи с чем, и социальные сети и блогосфера и система микроблоггинга стали именоваться собирательным понятием “социальные медиа”.

Авторский подход к рассматриваемой проблематике предполагает употребление комплексного понятия “средства сетевой виртуальной медиакоммуникации” (ССВМК) как интегративной теоретико-методологической категории, которая включает в себя коммуникацию, равно как и воспроизведение с последующим распространением значимого информационного контента и возможность индивидуальной самопрезентации. Соответственно, ССВМК – это, одновременно и социальные сети, социальные медиа, блогосфера и сервисы презентации.

В национальном информационном поле, согласно результатам массового опроса населения, проведенного ЦСПИ БГУ в 2017 г., наиболее популярными сетевыми онлайн-сервисами выступают “Вконтакте” (34,8%), “Одноклассники” (31,0%) и “Instagram” (31,0%) – таблица 1.

Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос: “Какими социальными сетями пользуетесь Вы лично?” (%)

Социальные сети	2014	2016	2017
Вконтакте	39,6	33,6	34,8
Одноклассники	37,8	29,2	31,0
Instagram	5,8	29,3	31,0
Facebook	15,4	11,8	11,1
Мой Мир@mail.ru	14,2	5,8	8,3
Google+	8,9	2,2	3,5
Twitter	8,0	3,3	2,2
Не пользуюсь социальными сетями	7,9	16,0	13,2

Среди наиболее рейтинговых сетевых онлайн-сервисов не представлена классическая блогосфера. Однако сам по себе технический инструментарий традиционных социальных сетей позволяет публиковать полноценные посты и автор-

ские колонки, которые благодаря репостингу и возможностям визуального сетевого одобрения (“лайк”, кнопка “мне нравится”) позволяет автору публикации в ССВМК мгновенно распространить информацию.

Согласно данным, представленным в таблице 2, существует три парадигмальных направления использования социальных сетей аудиторией соцмедиийного пространства – непосредственно сама коммуникация (51,1%), досуг (32,4%) и ориентация на поиск значимой информации (23,4%). Показатели значимости поиска новостей о последних событиях позволяют отнести социальные сети (средства сетевой виртуальной медиакоммуникации к полноценным сегментам национального информационного поля наряду с телевидением, радио, печатными СМИ, Интернетом (сайты, порталы).

Таблица 2 – Распределение ответов на вопрос: “С какой целью Вы пользуетесь социальными сетями?” (в %)

Цели использования	2014	2015	2016	2017
Для общения с друзьями, знакомыми	51,9	51,6	50,0	51,1
Для развлечения	34,4	39,1	29,5	32,4
Для поиска новостей о последних событиях	27,7	29,1	26,0	23,4
Для организации встреч, событий и прочее	5,5	9,7	9,8	11,8
Для поиска новых знакомств	8,4	9,8	10,1	10,2
Другое	1,6	3,9	1,0	0,7
Не пользуюсь социальными сетями	42,5	37,0	16,0	13,2

Главным отличием средств сетевой виртуальной медиакоммуникации как сегмента национального информационного поля от традиционных СМИ выступает установление коммуникативных связей между источниками воспроизведения информации и ее потребителями. Кроме того, ССВМК могут выступать в качестве коммуникативного пространства, основной задачей которого будет выступать интеграция и межличностное общение сетевой аудитории. Установление коммуникативных связей и последующее объединение групп по интересам может играть, с одной стороны, позитивную роль, так как выполняет функцию межличностной социальной коммуникации и поиска единомышленников с их последующим нахождением. С другой стороны, техническая возможность средств сетевой виртуальной коммуникации, предполагающая объединение групп по интересам, может выполнять и негативную роль. Ряд экстремистских политических организаций, используя инструментарий ССВМК и технологии манипуляции сознанием, способствуют консолидации радикально настроенных индивидов (в большинстве своем молодежи как устойчивой социально-демографической группы с не до конца сформировавшимся мировоззрением и ценностными ориентациями) с дальнейшим участием в несанкционированных антиправительственных мероприятиях с целью дестабилизации социально-политической обстановки.

Дестабилизация представляет собой комплекс технологий, направленных на приведение социальной системы в нестабильное состояние, результатом которого выступает коллапс существовавших ранее социальных норм и отношений, приводящий к полному радикальному изменению структуры социальной системы или приводит ее в неупорядоченное конфликтогенное состояние. Дестабилизация, реализуемая через ССВМК, выступает в форме комплекса сетевых медийных технологий, способствующих возникновению и развитию конфликтогенного процесса. Учитывая вышеизложенное, представляется актуальным рас-

смотрение содержания конкретных технологий дестабилизации информационного поля с помощью средств сетевой виртуальной медиакоммуникации на примере конкретных социально-политических конфликтов.

В январе 2011 г. власти Египта отключили Интернет в районах активизации оппозиции, однако это не помешало оппозиционерам координировать свои действия и информировать своих сторонников о происходящем в режиме реального времени благодаря мобильному сервису “Speaktotweet”. Данный сервис позволял размещать информацию в “Twitter” в условиях отсутствия интернет-сигнала посредством смс-сообщения или голосовой связи, что привело к нивелированию последствий отключения египетскими властями Интернета. В условиях социально-политических конфликтов периода 6–8 апреля 2009 г. в Молдове, “Арабской весны” (2010–2011 гг.) и украинского “Евромайдана” (2013–2014 гг.) средства сетевой виртуальной медиакоммуникации перешли к новым форматам подачи информационного контента, что превратило социальные медиа в эффективный инструмент воздействия на массовую аудиторию, которые в ряде случаев действовали результативнее традиционных СМИ.

7 апреля 2009 г. в Кишиневе произошли массовые беспорядки в знак протesta против итогов парламентской избирательной кампании, в соответствии с которыми Коммунистическая партия Молдовы сохраняла де-факто статус правящей партии. Организованный днем ранее молдавской оппозиции митинг не принес желаемых для нее результатов, заключающихся в пересмотре итогов выборов в парламент. Однако уже на следующий день социально-политическая обстановка была дестабилизована радикальными действиями протестного электората, мобилизация которого осуществлялась посредством средств сетевой виртуальной медиакоммуникации и, в частности, онлайн-сервиса “Twitter”. Предпосылки к социальным протестам в молдавском обществе представлялись очевидными, однако реальной почвы для открытых столкновений с органами правопорядка не существовало. Аккумуляция протестной активности и коммуникация оппонентов действующему Президенту В.Н. Воронину была реализована, по свидетельству активиста оппозиции Н. Морарь, в течение нескольких часов [1]. В своем блоге на платформе Livejournal.com Н. Морарь 7 апреля 2009 г. в 12.39 по местному времени опубликовала пост со следующей информацией: “*Шесть человек. 10 минут на креатив и принятие решения. Несколько часов распространения информации по сетям, facebook, блогам, смс друзьям и e-mail рассылкам. Вся организация – через интернет. На улицу вышло 15 тысяч молодежи!!! ... И это всего за несколько часов распространения информации, без телевидения или каких-либо других СМИ. Наша инициативная группа называется “Я не коммунист”. ... Только молодежь и никаких партий. Наша инициативная группа объявила 6 апреля Национальным днем траура и призвала всю молодежь, несогласную с результатами выборов в молдавский парламент, прийти к памятнику Штефану чел Маре и зажечь свечу. Заявку подали на 50 человек. Пришло 15 тысяч... ”*” [1].

Короткие в содержательном плане предложения опубликованного текста, выдержанном в микроблоггинговом формате, включают в себя эмоциональное руководство социальным действием, в частности, управление протестной активностью. Сервисы мгновенного виртуального обмена информации даже в условиях отключеной мобильной связи позволяли активистам оппозиции в считанные сроки мобилизовать для выражения протеста значительное число людей. Выбор и последующее распространение протестного лозунга (“*Я не коммунист*”)

в сетевом пространстве аккумулировало усилия оппонентов действующего Президента Молдовы, создав условия для дальнейшей дестабилизации социально-политической обстановки, хотя изначальных условий для формирования радикализма не существовало.

21 ноября 2013 года украинский журналист афганского происхождения М. Найем опубликовал в своем профиле [2] социальной сети “Facebook” призыв собраться в центре Киева (“...Встречаемся в 22:30 под монументом Независимости. Одевайтесь тепло, берите зонтики, чай, кофе, хорошее настроение и друзей. Перепост всячески приветствуется”) в знак протеста против проводимой политики украинского правительства, изменившего внешнеполитические и внешнеэкономические приоритеты в пользу социально-экономической интеграции со странами Таможенного союза. Данный пост набрал 12000 отметок “нравится”, более тысячи пользовательских комментариев и 7400 перепостов (распространение другими пользователями социальной сети поста М. Найема в личных профилях) и стал отправной точкой к началу “Евромайдана” – серии антиправительственных выступлений радикальных оппонентов тогдашнего Президента Украины В.Ф. Януковича, которая обернулась глубоким социально-политическим кризисом и отчуждением части территории государства.

Само понятие “Евромайдан” появилось в форме тематического хештега (#Євромайдан) в твите (посте) одного из лидеров оппозиции А.П. Яценюка 21 ноября 2013 года в “Twitter” (“Все на #Євромайдан! Янукович не понимает другого языка, кроме Майдана. Поэтому должны показать, что власть – это МЫ! Присоединяйтесь” [3]. Данная публикация получила мгновенное распространение в количестве 515 ретвитов (перепостов) и 136 единиц визуального социального одобрения. Тематический хештег, сформированный посредством слияния двух тематических конструктов “Евро” и “Майдан” (“Евро” – путь к европейской интеграции, апологетами которого выступали оппоненты В.Ф. Януковича, “Майдан” – символ украинского масштабного уличного протеста, возведенный в культе в период “Оранжевой революции” 2004 г.), стал атрибутом украинского радикального политического протеста, который благодаря гипертекстовой конструкции мгновенно распространился в сетевом пространстве. Призыв к открытому протесту, равно как и объединение потенциальных единомышленников с последующей аккумуляцией совместных усилий и наращиванием своей аудитории через социальные сети стали неотъемлемым элементом современных политических конфликтов, в которые все больше включаются средства сетевой виртуальной медиакоммуникации.

Кроме того, необходимо отметить, что в онлайновое пространство социальных сетей и других сервисов виртуальной коммуникации также включены “сетевые симулякры”, которые представляют собой имитирующих реальных личностей виртуальных социальных агентов, осуществляющие свою деятельность в рамках вымышленного логического смысла. Данный вид пользователей ССВМК склонен использовать технологии манипуляции и астротурфинга, предполагающего визуализацию и демонстрацию мнений массовой поддержки того или иного явления в социальных медиа. Астротурфинговые технологии в деятельности социальных медиа активно применялись в период кризисных отношений между Российской Федерацией и Украиной в период 2014–2015 гг. в рамках информационной войны между государствами, результатом которой выступала борьба за общественное сознание и количество поддерживающих проводимую внешнюю и внутреннюю политику социальных агентов.

Примером классического астротурфинга в средствах сетевой виртуальной медиакоммуникации могут выступать априорно накрученные “ботами” (мнимые пользователи-роботы соцмейдийного поля, действующие по заданному алгоритму) количественные показатели наглядной поддержки (отметки “лайк”, “мне нравится”) той или иной социально значимой информации, в результате которых может показаться, что предлагаемое содержание информационного контента уже нашло значительную поддержку других пользователей. Хотя на самом деле данные показатели были завышены ввиду автоматической механической деятельности виртуальных сетевых симуляков. Симулякрозация, согласно концепции Ж. Бодрийяра, представляет собой процесс, в рамках которого “речь идет о замене реального знаками реального, то есть об операции устрашения всего реального процесса его операционным дубликатом, метастабильной знаковой машиной, программатичной (так в тексте. – П.А.), безупречной, которая дарует все знаки реального и минует при этом все перипетии” [4, с. 18]. В сетевом пространстве виртуальным симулякром выступает вымышленный пользователь, который в личном профиле выдает свои данные и информацию о себе в качестве реальных социальных фактов, априори искаженных им ввиду необходимости оставаться вне узнаваемости среди других пользователей Интернета. Если в процессе межличностного общения индивид визуально может оценить находящегося перед ним человека (иметь представление о поле, возрасте, внешности и т. д.), то в сетевом пространстве в отдельных случаях имеет место симулякрозация пространства, в рамках которой сформированная медиареальность (гиперреальность по Ж. Бодрийяру) вытесняет реальную повседневность.

Средства сетевой виртуальной медиакоммуникации также представляют собой потенциально рискованное пространство функционирования ввиду хаотичного распространения информации и вольной интерпретации пользователями медиа (блогерами) сведений о повседневности. Если традиционные СМИ имеют соответствующий формат, ограниченный редакционной политикой издания, тематической направленностью, журналистской этикой и законодательством, то соцмейдийное поле представляется неупорядоченной сферой, в которой направление и содержание информационных потоков зависят от самого блогера и реакции на нее аудитории. Соответственно, реакция аудитории на происходящие события зачастую зависит от специфики содержания и подачи информации автором или ретранслятором информационного контента. С одной стороны, это позволяет блогеру быстрее донести информацию до потребителя, которая будет ему понятна и доступна, с другой стороны – сама аудитория рискует получить непроверенную и не всегда достоверную информацию, создавая риски непредсказуемого поведения и реакции на нее простых пользователей. В данном случае на первый план выходит не само содержание информации, а то, каким образом блогер доносит ее до аудитории.

Именно аспекты донесения информации в социальных сетях и других средствах сетевой виртуальной коммуникации массовой аудитории стали определяющими факторами радикальной трансформации правящих элит Туниса и Египта в период “Арабской весны” 2010–2011 гг. В качестве примера можно привести пост “JAN 25” в социальной сети “Facebook” одного из координаторов сетевой революции в Египте В. Гонима, который был опубликован в преддверии 25 января 2011 г., когда оппоненты правящего режима Х. Мубарака готовили акцию протеста под названием “День Гнева” (“Важно понимать, что смысл протестов – привлечь на нашу сторону весь народ. Все обозлены и не удовлетворены

положением в стране. Мы должны воодушевить всех к участию. Вот почему мы должны организовать марши во всех рабочих регионах...” – цитирование поста производится из работы В. Гонима “Революция 2.0” [5, с. 206]). Несколько коротких и емких по содержанию фраз сосредоточили в себе главное назначение публикуемого поста – привлечение как можно большего числа сторонников из числа оппозиционно настроенных граждан с целью дальнейшей мобилизации для радикального протеста против действующей власти. Данная виртуальная публикация в социальной сети получила широкое распространение и мгновенно стала популярной в сетевом пространстве (1977 единиц социального одобрения (“лайков”), 1527 сетевых откликов на опубликованный материал (пользовательских комментариев), 506871 просмотр публикации – [5, с. 208]).

Далее в публикуемом посте В. Гонима содержится информация по тактике и организации действий оппозиционеров во время акции протеста. (“Протесты – мирные. Мы поборники мира, а не насилия... 2. Пожалуйста, будьте в месте сбора точно в назначенное время... 3. Выходя из дома, не берите с собой ненужных вещей... 4. Пожалуйста, возьмите флаг Египта... 8. Не приходите в одиночку...” [5, с. 206–208]). Обратим внимание, что содержание поста охватывает организационно-технические аспекты протестного действия и совсем не затрагивает идеино-нравственные позиции. В программном плане содержание публикации В. Гонима представляет собой интерпретацию концепции «мягкого» демонтажа правящего политического режима Д. Шарпа, предполагающей совершение оппозицией 198 “ненасильственных” действий, которые должны привести к “мирному” свержению действующей власти [6, с. 101–110].

Если традиционные СМИ в период информационных войн предлагают “борьбу идеологий”, в основе которой лежит пусть и ангажированное, но все же публичное обсуждение актуальных текущих проблем, то в средствах сетевой виртуальной коммуникации на первый план выходит не конкретная идеология и ее обсуждение, а именно действие и метод. Как отмечает Л.М. Исаев, в период “Арабской весны” в Египте среди сетевой аудитории местной оппозиции в тематических группах на “Facebook” “распространялась информация о формах, способах и практике противодействия полиции, то есть сведения организационного и технологического характера” [7, с. 45]. В данном случае мы можем наблюдать тенденцию смещения акцентов с идеологии и борьбы за сознание на аккумуляцию протестной активности и выдвижением на ведущие роли именно действия и метода как объекта информационного воздействия средств сетевой виртуальной медиакоммуникации.

Традиционные СМИ в период информационных войн и социально-политических конфликтов изначально борются за сознание и поведенческие установки, в то время как средства сетевой виртуальной медиакоммуникации акцентируют свое внимание, прежде всего на действиях, объединении и распространении. Идеологическое содержание и наполнение происходит уже после аккумуляции протестной активности, когда результатам политического радикализма необходимо дать логическое объяснение. Кроме того, необходимо отметить саму специфику распространения информационного контента в традиционных СМИ и ССВМК.

По верному замечанию Д.Г. Балуева, “...при традиционных подходах к распространению информации сообщение посыпается потенциальному потребителю информации. ... при использовании социальных медиа необходимо создать условия, при которых потребитель информации заинтересуется в ее потребле-

нии и даже поиске. ... такие условия создаются при включении устойчивых связей между элементами сети, которыми являются как производители, так и потребители информации” [8, с. 613]. Соответственно, в данном случае и источник воспроизведения информации и ее потребитель в соцмедийном пространстве взаимно “заинтересованы” друг в друге, вследствие чего происходит выстраивание коммуникативного ряда между теми, кто хочет информацию донести и теми, кто желает эту информацию получить. Если в традиционных СМИ источник воспроизведения информационного контента находится в перманентном поиске целевой аудитории, то в сетевом пространстве каналы распространения и потребления информации стремятся образовать обратную связь друг с другом. Описанный механизм взаимного интереса производителей и потребителей информации в ССВМК в условиях социально-политического конфликта позволяет в кратчайшие сроки аккумулировать и мобилизовать протестную аудиторию сетевого пространства с последующей ее трансформацией в аудиторию радикального дестабилизирующего действия.

Борьба за действие и метод с последующим объединением единомышленников, которое в условиях сетевой коммуникации происходит в кратчайшие сроки, выступает четвертым условием успеха современной революции по Д. Голдстоуну. Данное условие, согласно мнению теоретика современных революционных процессов, представляет собой идеологему, предполагающую “...убедительный и разделяемый всеми нарратив сопротивления, объединяющая: недовольство и требования: населения и элит, устанавливющая связь между различными группами и способствующая их мобилизации” [9, с. 34]. Общий нарратив сопротивления мгновенно распространяется и популяризируется сетевой аудиторией через пространство социальных медиа и иных форм виртуальной коммуникации.

Модераторы соответствующих тематических сообществ в социальных сетях должны постоянно поддерживать психоэмоциональный градус дискуссии или обсуждения, происходящих в контексте общей идеи протesta (нарратива сопротивления) путем публикации пользовательских комментариев или иного контента, который, так или иначе, поддерживает внимание сетевой аудитории. Как отмечает Ю. Герлах, “постоянный повтор важных фотографий и статей на личных страницах пользователей Facebook увеличивает эмоциональный эффект” [10, с. 75]. Перманентное психоэмоциональное напряжение, поддерживаемое постоянными публикациями и обсуждениями в ССВМК, позволяет сохранять высокий уровень протестной активности. Немаловажным аспектом также выступает публичное требование визуального социального одобрения в ССВМК. По мнению Д. Диккенсона, сформированный сетевой тренд “Просимо максимальный репост!” выступил эффективным инструментом распространения информации в украинском оппозиционном сетевом пространстве в период “Евромайдана” (2013–2014 гг.) [11, с. 84]. Многократное повторение информационного контента, с одной стороны, обеспечивает повышенное внимание к рассматриваемой проблеме. С другой стороны – способствует созданию пространства манипулятивных технологий негативного дестабилизирующего воздействия на массовое сознание.

Таким образом, технико-структурный функционал ССВМК в указанных контекстах представляется эффективным каналом аккумуляции коллективных действий социальных агентов и одновременно инструментом манипуляции сознанием со стороны заинтересованных лиц, управляющих (либо являющихся модераторами) виртуальными сетевыми сообществами. Каналы регуляции про-

тестной активности, мгновенная мобилизация сетевых социальных агентов, апелляция к действию и методу взамен громоздкой и долговременной борьбы за массовое сознание и ценностные ориентации привели к тому, что именно средства сетевой виртуальной медиакоммуникации действовали гораздо эффективнее традиционных СМИ в период “Арабской весны” в Тунисе, Египте (2010–2011 гг.) и активной фазы “Евромайдана” в Украине (2013–2014 гг.), выступая фактором дестабилизации социально-политической обстановки.

Традиционные СМИ в данном случае “опаздывают” с реакцией на происходящие события. В то время, когда появляется содержательный материал с неанализированной оценкой ситуации, аудитория уже проинформирована и ее реакция на материалы средств массовой информации в ряде случаев может быть контрпродуктивной. Поэтому традиционные СМИ вынуждены частично отказываться от привычных своих форматов и включаться в информационное поле посредством ресурса социальных медиа, чтобы не отставать от социальных сетей и блогосферы в вопросе воздействия и удержания своей аудитории. Также необходимым условием упорядоченного функционирования конструктивного информационного поля является обязательная трансляция информационного контента и формирование контраргументов на непроверенную и заведомо недостоверную информацию. В противном случае сознание потребителя информационного контента уже будет наполнено содержанием и запоздалая реакция традиционных СМИ будет вызывать у него отторжение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Морарь, Н. Г.** “Я не коммунист!” [Электронный ресурс] / Н. Г. Морарь // Livejournal.com. – Режим доступа: <http://natmorar.livejournal.com/36886.html>. – Дата доступа: 10.02.2017.
2. **Найем, М.** “Встречаемся в 22.30 под Монументом Независимости” [Электронный ресурс] / М. Найем // Facebook. – Режим доступа: <https://www.facebook.com/Mustafanayuem/posts/10201178184682761>. – Дата доступа: 10.08.2016.
3. **Яценюк, А. П.** “Уси на #Євромайдан!” [Электронный ресурс] / А.П. Яценюк // Twitter. – Режим доступа: https://twitter.com/yatsenyuk_ap/status/403453433648148481. – Дата доступа: 28.11.2016.
4. **Бодрийяр, Ж.** Симулякры и симуляция [Текст] / Ж. Бодрийяр ; перевод О. А. Печенкина. – Тула, 2013. – 205 с.
5. **Гоним, В.** Революция 2.0 / Ваэль Гоним. – Санкт-Петербург : Лениздат : Команда А, 2012. – 250 [2] с.
6. **Шарп, Д.** От диктатуры к демократии / Джин Шарп. Антипутч / Джин Шарп и Брюс Дженкинс ; [пер. с англ. Н. Макаровой]. Комм. Э. Лимонов, А. Цветков, И. Шамир, И. Яшин. – Екатеринбург : Ультра. культура, 2005. – 224 с.
7. **Исаев, Л. М.** Социальные сетевые технологии и революционный процесс в Египте / Л. М. Исаев // Протестные движения в арабских странах / ответственные редакторы: И. В. Следзевский, А. Д. Саватеев. – Москва : URSS : Либроком, 2012. – С. 43–46.
8. **Балуев, Д. Г.** Политическая роль социальных медиа как поле научного исследования / Д. Г. Балуев // Образовательные технологии и общество (EDUCATIONAL TECHNOLOGY & SOCIETY), 2013. – Том 16. – № 2. – С. 604–616.
9. **Голдстоун, Д. А.** Революции / Джек А. Голдстоун. – Москва : Издательство института Гайдара, 2015. – 187, [1] с.
10. **Герлах, Ю.** Мы хотим свободы! Восстание арабской молодежи [Wir wollen Freiheit! Der Aufstand der arabischen Jugend] / Ю. Герлах. – СПб. : БХВ-Петербург, 2013. – 192 с.

-
11. **Dickinson, J.** "Prosymomaksymal'nyiperepost!" Tactical and discursive use of social media in Ukraine's Euromaidan / J. Dickinson // Ab Imperio. – 2014. – № 3. – P. 75–93.

Поступила в редакцию 27.12.2017 г.

Контакты: postalnio@tut.by (Посталовский Александр Владимирович)

Postalovsky A.V. THE TECHNOLOGY OF INFORMATION FIELD DESTABILIZATION BY THE VIRTUAL MEDIA COMMUNICATION MEANS.

The popularity of virtual media communication in its heuristic function plays an ambivalent role. On the one hand, a high level of development of communication practices in social media has been identified. On the other hand, it creates a ground for a negative content spread with an aim to destabilize social and political life and manipulate mass consciousness. The article provides a sociological view of the technology applied to destabilize the information field by means of virtual media communication regarding certain social and political conflicts.

Keywords: social media, information field, social networks, virtual media communication means, destabilization.

УДК 316.346.32-053.6

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В ОЦЕНКАХ ГОРОДСКОЙ И СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

С. Н. Лихачева

кандидат социологических наук, доцент

заведующий кафедрой политологии и социологии

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье проведен сравнительный анализ восприятия городской и сельской молодежью основных направлений государственной молодежной политики. Выявлена необходимость усиления социальной поддержки сельской молодежи с целью выравнивания жизненных шансов и предоставления возможностей для удовлетворения имеющихся потребностей. Изучена проблема восполнения кадров и развития кадрового потенциала в контексте места проживания молодежи.

Ключевые слова: Городская и сельская молодежь, государственная молодежная политика, социальная защита, трудоустройство молодежи.

Введение

Место проживания молодежи практически всегда учитывается социологами при исследовании ее актуальных проблем, ценностных ориентаций и жизненных интересов. Столицы, крупные города, райцентры, агрогородки и деревни по объективным причинам могут предоставлять разные шансы для самореализации, и молодежная политика призвана способствовать их выравниванию. В последнее время наметилась устойчивая тенденция сглаживания различий между городом и селом. В отношении молодежи это выражается в возможности получения достаточного уровня общего среднего образования и усвоения культурных ценностей. В нашей стране отпала необходимость проведения отдельных конкурсов для поступления в вузы, так как выпускники городских и сельских школ демонстрируют схожие результаты на централизованном тестировании. Молодежь почти в любом населенном пункте может в полной мере удовлетворить свои информационные потребности посредством СМИ, Интернет. Имеющаяся социальная инфраструктура, развитие транспортного сообщения позволяет получать услуги в сфере медицины, торговли, досуга. Однако больше проблем вызывает, например, необходимость получения высшего образования. Большинство вузов сосредоточено в крупных городах, поэтому в отличие от местных городских студентов, сельские вынуждены изыскивать собственные или родительские денежные средства для оплаты проживания, проезда и других средств существования “вне дома”. Наиболее проблемным аспектом в наличии равных возможностей для самореализации городской и сельской молодежи выступает ситуация доступности рабочих мест, что нередко приводит к миграции в города, угасанию жизни в сельских населенных пунктах.

Основная часть

Городскую и сельскую молодежь можно представить как социально-территориальные общности, обладающие совокупностью возрастных, социокультур-

© Лихачева С. Н., 2018

ных, поведенческих, трудовых и других особенностей, определяемых местом проживания, размерами населенного пункта, его удаленностью от центра и другими социально-пространственными особенностями. В настоящее время исследователи важное значение придают территориальной идентичности человека, особенно на фоне глобализационных процессов. “Идентификация с территорией проживания является важнейшим фактором формирования местного сообщества. Именно идентификация социального и культурного плана представляет собой довольно значимый ресурс местного развития” [1, с. 75]. В ходе социализации молодежи характер и интенсивность социальной жизни в населенном пункте, в том числе формальные и неформальные связи с социальными институтами, теснота общения со сверстниками, соседями, местным сообществом, информированность о местных событиях оказывают влияние на формирование ценностных ориентаций, усвоение и воспроизведение социального опыта. В свою очередь молодые жители населенного пункта могут воздействовать на его экономическую, политическую и культурную составляющие, как повседневности, так и отдельных значимых событий.

Молодежь города или села является основным источником социального потенциала, в том числе трудового. Демографическая ситуация городских и сельских поселений неодинакова, на примере Могилевской области можно видеть, что в городах она относительно стабильна, а в сельской местности идет устойчивое сокращение сельчан (рисунок 1) [2].

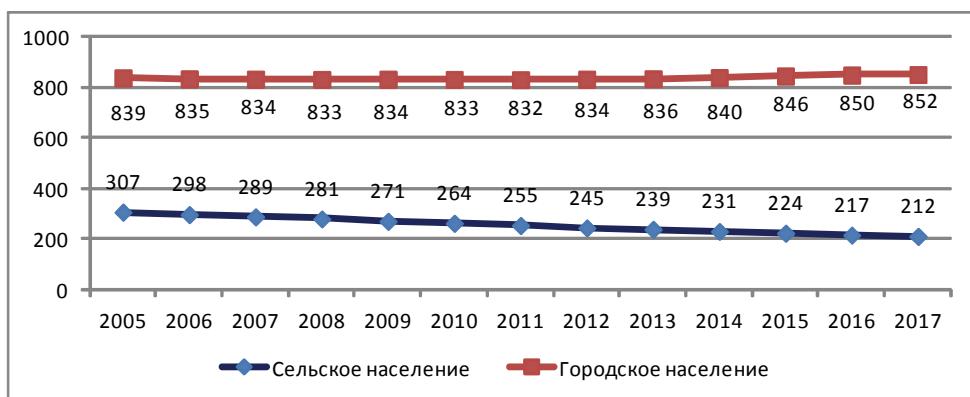

Рисунок 1 – Численность городского и сельского населения Могилевской области на начало года, тыс. человек

Численность молодых людей в возрасте от 14 до 29 лет в 2016 г. в Могилевской области в городах составляла 176594 человека, в селах – 27449 человек [3, с. 36], т. е. разница более, чем в 6 раз. Можно предположить, что многие молодые люди из деревень получают профессии и специальности в городах и в перспективе вернутся домой. Однако эта проблема рассматривается специалистами как тревожная, на фоне невысокой общей численности сельчан и роста востребованности в городах рабочей силы, молодые жители небольших населенных пунктов имеют заметные миграционные установки. Среди причин называются: отсутствие перспектив профессиональной реализации и карьерного роста (53,5%), желание улучшить экономическое положение (48,3%), отсутствие работы/страх безработицы (47,8%), поиск лучших условий жизни, что включает медицинское обслуживание, организацию досуга и др. (41,8%) [4, с. 167].

Происходящие в обществе социально-экономические изменения требуют постоянного внимания к уровню жизни молодежи. Многие вопросы ее материального положения и трудоустройства могут приобретать отчетливо выраженную политическую окраску. В любую историческую эпоху молодежи приходится нелегко в силу промежуточности ее социального положения. Государственная молодежная политика является важнейшей составляющей общей системы социальной защиты. Ее цель – обеспечение правовых и экономических гарантий, взаимосвязанных со всеми законодательными решениями разных уровней, соблюдение важнейших социальных прав каждого молодого человека. Это, прежде всего, право на труд, нормальные условия работы, получение дохода от своей деятельности, обеспечивающего ему достойные уровень и качество жизни, отдыха и самореализации. При этом в соответствии с Законом Об основах государственной молодежной политики в Республике Беларусь, молодежь признается субъектом молодежной политики, что предполагает активные действия с ее стороны по реализации основных направлений [5].

Социологическое исследование, проведенное в Могилевской области отделом социологических исследований и информационно-аналитической работы КИУП «Информационное агентство «Могилевские ведомости» среди 592 респондентов в возрасте от 18 до 31 года, позволяет рассмотреть отношение городской и сельской молодежи к государственной молодежной политике и основные проблемы, решаемые с ее помощью. Одним из первоочередных вопросов является информированность молодых людей о существующем законодательстве, обеспечивающем соблюдение прав и защиту интересов (таблица 1).

Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос: “Знакомы ли Вы с основными положениями Закона Республики Беларусь Об основах государственной молодежной политики?”, %

Варианты ответов	Крупный город	Райцентр	Село
Да, знаком(-а)	26,2	28,5	29,6
Кое-что слышал(-а)	56,9	53,8	58,0
Нет, не знаком(-а)	16,9	17,6	12,3

Степень осведомленности о рассматриваемом законе не имеет существенных различий в зависимости от типа населенного пункта. К сожалению, можно предположить, что только примерно каждый четвертый молодой человек знакомился с его содержанием. Большинство молодых людей или просто слышали об этом законе, или не знают о его наличии вообще. Проблема правовой грамотности представляется актуальной как для всего населения, так и для молодежи в частности. Правовая некомпетентность не позволяет отстаивать свои права, а также ведет к распространению неуважения и несоблюдения законов.

Государственная молодежная политика имеет несколько основных направлений, способствующих социальному становлению молодых людей, наиболее полной реализации ее потенциала в интересах всего общества. Потребности молодежи могут отличаться в зависимости от типа населенного пункта, также как и наличия возможности для их удовлетворения. Этот аспект можно рассмотреть, изучив мнение респондентов о приоритетных для них направлениях государственной молодежной политики (таблица 2).

Таблица 2 – Распределение ответов на вопрос: “Какие положения государственной молодежной политики являются для Вас приоритетными”, %

Варианты ответов	Крупный город	Райцентр	Село
Содействие формированию здорового образа жизни	53,5	50,6	39,5
Государственная поддержка молодых семей	47,3	45,5	54,3
Гражданское и патриотическое воспитание	42,4	29,8	37,0
Государственная поддержка талантливой и одаренной молодежи	38,9	29,2	12,3
Содействие реализации права молодежи на труд	36,0	29,8	24,7
Международное молодежное сотрудничество	17,9	16,0	1,2
Содействие развитию и реализации молодежных общественно значимых инициатив	17,7	14,1	8,6
Меня это не интересует	6,1	7,1	6,2

Необходимость в развитии тех или иных направлений государственной молодежной политики в качестве приоритетных видится по-разному городской и сельской молодежью, хотя основные тенденции схожи. Горожане наиболее часто называли содействие формированию здорового образа жизни, сельчане – государственную поддержку молодых семей. Поддержка талантливой и одаренной молодежи, а также международное молодежное сотрудничество более актуально для проживающих в городах. Объяснить это можно тем, что состав городской молодежи более разнообразный, наряду с работающими в нем большую долю составляют студенты и учащиеся, потребности которых во многом связаны с получением образования, сельская молодежь – практически вся работающая (98,8%), и больше сосредоточена на более обыденных проблемах, связанных с семьей и материальным достатком. Молодыми людьми поддерживается необходимость гражданского и патриотического воспитания, особенно среди проживающих в крупных городах. Однако обращает на себя внимание невысокая востребованность молодежью направления по содействию развитию и реализации молодежных общественно значимых инициатив, как в городах, так и в деревнях. Молодые люди недооценивают социальную значимость участия в общественной жизни, в том числе по месту жительства, демонстрируют пассивность в использовании возможностей, которые предоставляет государство для внедрения новых идей и самореализации. Содействие реализации права молодежи на труд оказалось более приоритетным для молодежи из крупных городов, однако и в сельской местности каждый четвертый указывает на необходимость развития этого направления.

Рынок труда в городе и деревне имеет существенные отличия. Молодежь в городах привлекает разнообразие рабочих мест в производственной и непроизводственной сфере, более высокая оплата труда, кажущиеся безграничными карьерные перспективы, широкие возможности для занятия бизнесом. Но при этом отмечаются трудности с трудоустройством на первое место работы, а также высокой конкуренцией на рынке труда в целом. Жители села ограничены в выборе рабочих мест, большая часть которых связана с агропроизводством, а заработка плата зависит от сезонности и успешности работы нередко единственного по месту жительства предприятия. При этом рынок диктует приоритетность тех или иных профессий, спрос на рабочую силу определяется потребностями рабо-

тодателей в найме определенного количества работников необходимой квалификации для производства товаров и услуг. Например, в крупном городе может быть избыток рабочей силы, а в малых населенных пунктах – острая потребность в специалистах медицины, образования, сельскохозяйственного производства.

Проблемы трудоустройства молодежи и привлечения квалифицированных специалистов для восполнения кадров и развития кадрового потенциала в сельской местности относятся к числу тех проблем, которые в современных условиях непосредственно влияют на конкурентоспособность и экономическое благополучие страны.

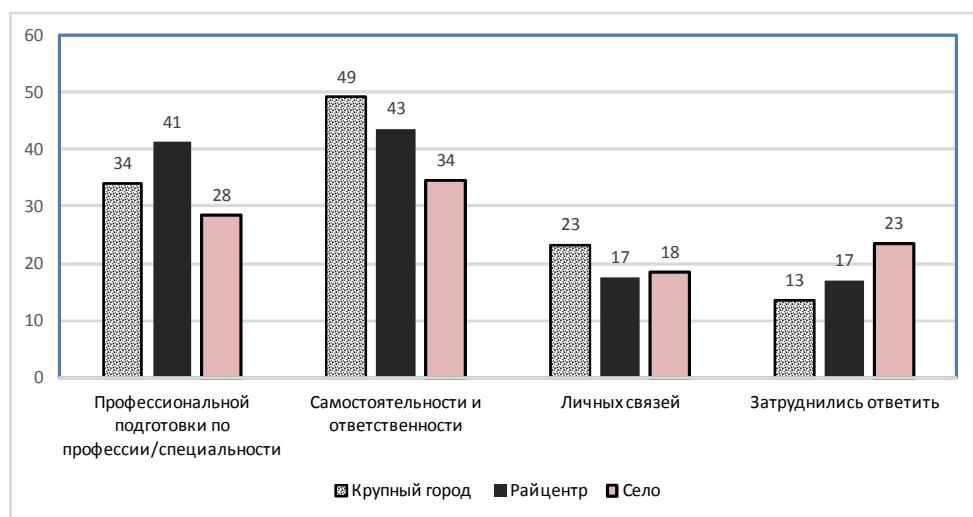

Рисунок 2. – Распределение ответов на вопрос: “Чего, по вашему мнению, недостает молодым людям для начала самостоятельной трудовой жизни?”
в зависимости от типа населенного пункта, %

Среди жителей крупных городов больше всего оказалось тех, кто видит молодых людей несамостоятельными и безответственными при решении вопроса с трудоустройством. Социальный инфантилизм выражается в неосознанности значимости удовлетворения разного рода потребностей через трудовую деятельность, в том числе и для личного благополучия. Возможно, по этой же причине наблюдается достаточно большое количество затруднившихся ответить на этот актуальный для молодежи вопрос. Не утрачивают своей значимости и личные связи, т. е. идет не только конкуренция за счет способностей и трудолюбия, но и применяются так называемые каналы неинституциональной мобильности, а именно трудоустройство через родственников, знакомых. Жители районных центров чаще указывают на проблемы с профессиональной подготовкой. Сельская молодежь указывает на все рассматриваемые причины, но в меньшей степени, также среди них немало затруднившихся ответить. Возможно, в сельской местности вопросы с трудоустройством так остро не стоят, и молодежь просто не видит в этом особой проблемы, да и самой молодежи в сельских поселениях немного.

Когда рассматривают молодежные проблемы в контексте проживания, нередко возникает проблема неравенства жизненных шансов. Считается, что горожане находятся в более выгодном положении, имея более комфортное жилье,

лучшие условия для учебы и работы, возможности для досуга. Нередко это называют основным мотивом для миграции молодых сельчан в города. Однако, как показывает социологический опрос, молодежь испытывает больший набор проблем в реализации своих жизненных планов независимо от типа населенного пункта (таблица 3).

Таблица 3 – Распределение ответов на вопрос: “Как вы считаете, что затрудняет реализацию жизненных планов молодежи в нашей стране?”, %

Варианты ответов	Крупный город	Райцентр	Село
Невостребованность молодежи на рынке труда	51,9	37,5	38,3
Невысокая культура современной молодежи	30,1	36,5	28,4
Социально-экономическая ситуация в стране	27,2	23,1	23,5
Дискриминация молодых людей со стороны старших поколений	24,2	17,9	17,3
Отсутствие действенной государственной политики по поддержке молодежи	11,5	12,8	9,9
Затруднились ответить	2,5	5,8	4,9

Результаты показывают, что молодежь нуждается в первую очередь в поддержке при трудоустройстве, социальной защите на рынке труда, особенно это актуально для жителей крупных городов. Они же чаще отмечают дискриминацию молодых со стороны старших поколений. На втором месте в качестве сдерживающей причины для реализации жизненных планов называется поведение самих молодых людей, их невысокая культура. Каждый четвертый отмечает затруднения в связи со сложной социально-экономической ситуацией в стране.

Заключение

Результаты проведенного социологического исследования показали, что молодежь является достаточно разнородной социально-демографической группой, в том числе и в зависимости от места проживания. На стадии “жизненного старта” в первую очередь сельская молодежь требует определенной поддержки со стороны общества и государства. В этой связи работа с молодежью должна быть направлена на обеспечение реализации государственной молодежной политики посредством решения острых социальных проблем молодежи – по защите прав и законных интересов молодых граждан, созданию условий для решения их социальных, материальных и жилищных вопросов, обеспечению занятости и отдыха, в том числе в сельских населенных пунктах. Молодежь выполняет особые социальные функции в обществе, в числе которых наследование достигнутого уровня и пополнение духовной жизни, а также развитие инновационного потенциала экономики, социальной сферы, образования, науки и культуры. Важно, чтобы это осуществлялось не только в крупных городах, но и в небольших населенных пунктах, для сохранения уникальности и разнообразия культурного и социального опыта. Целостная и последовательная поддержка молодежи призвана обеспечить высокую эффективность реализации социальных, экономических, репродуктивных функций молодежи, что является важнейшим фактором устойчивого развития общества и успешного решения задач, стоящих перед государством.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Судьба белорусской провинции: социологический анализ / Р. А. Смирнова [и др.] ; под общ. ред. Р. А. Смирновой. – Минск : Беларусская наука, 2015. – 435 с.
2. Численность населения по областям и г. Минску / Национальный статистический комитет РБ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/demografiya_2/g/chislennost-naseleniya-poblastyam-i-g-minsku/ – Дата доступа: 28.10.2017.
3. Половозрастная структура населения Республики Беларусь на 1 января 2016 г. и среднегодовая численность населения за 2015 год : статистический бюллетень / Национальный статистический комитет РБ. – Минск, 2016. – 183 с.
4. **Морозова, С. А.** Особенности миграционной мобильности как маркеры социальной интеграции молодежи современной Беларуси / С. А. Морозова, Л. В. Филинская // Актуальные проблемы современного белорусского общества (2011–2016): социологический аспект / Д. Г. Ротман [и др.] ; под общ. ред. Д. Г. Ротмана, А. Н. Данилова, В. В. Правдивца. – Минск : БГУ, 2016. – С. 157–170.
5. Об основах государственной молодежной политики: Закон Респ. Беларусь, 7 декабря 2009 г. № 65-З ; в ред. Законов Республики Беларусь от 10.01.2011 № 242-З, от 10.07.2012 № 426-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

Поступила в редакцию 26.12.2017 г.

Контакты: lihacheva_sn@mail.ru (Лихачева Светлана Николаевна)

Likhachova S.N. YOUTH POLICY IN ASSESSMENT OF URBAN AND RURAL YOUTH: SOCIOLOGICAL ANALYSIS.

The article compares the perception of the main directions of the state youth policy by the urban and rural youth. The need to strengthen social support for rural youth has been identified with the aim of equalizing life chances and providing opportunities to meet their needs. The problem of staffing and development of human resources in the context of the young people residence has been studied.

Keywords: urban and rural youth, state youth policy, social protection, youth employment.

УДК: 316.477

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ КАК ИНСТРУМЕНТ УСПЕШНОЙ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ¹

О. Н. Мицкевич

кандидат социологических наук, зав. отделом социологии культуры
Институт социологии НАН Беларуси

В статье представлены результаты социологического исследования молодых специалистов в сфере культуры. Проанализированы факторы, влияющие на профессиональную адаптацию молодых специалистов. Выявлена структура и специфика адаптивного механизма в сфере культуры, а также условия успешной профессиональной адаптации молодых специалистов. Исследуются уровни управления адаптационными процессами для успешной кадровой политики.

Ключевые слова: профессиональная адаптация, сфера культуры, молодой специалист, ценности, мотивы.

Введение

В современных условиях социально-экономического развития Республики Беларусь адаптация к профессиональной деятельности играет значимую роль в различных направлениях жизни социума, в том числе в культуре. Специалисты этой сферы призваны поддерживать и развивать духовно-нравственные основы общества, национальные традиции, искусство, формировать духовные установки, мировоззрение личности, содействовать реализации ее творческих способностей и интересов.

Особенности и результаты социально-профессиональной адаптации связаны с изменением специфики функционирования учреждений культуры в условиях рыночной экономики, трансформации ценностных ориентаций и потребностей, влияющих на способы и направления самореализации. Проблемная ситуация заключается в противоречии между мотивами, интересами и ожиданиями молодого специалиста и устоявшейся статусно-ролевой структурой организации. Ее можно рассмотреть на двух уровнях. Первый – институциональный, при котором система образования не в полной мере выполняет социальный заказ, а молодые специалисты не всегда обладают в должной мере компетенциями, необходимыми для выполнения требуемых профессиональных функций. Второй – личностный, заключающийся в наличии рассогласования между социально-профессиональными ожиданиями, а также потребностями молодых специалистов и существующей системой социально-трудовых отношений в учреждениях культуры Беларуси. Следствием обозначенного противоречия может являться уход специалистов в другие сферы. Тем не менее, большинство успешно адаптируется, проходя через трудности адаптации, формируя себя и влияя на коллектив. Данная ситуация порождает необходимость социологического моделирования

© Мицкевич О. Н., 2018

¹ Статья подготовлена в рамках НИР БРФФИ № Г17М-027 от 18.04.2017.

процесса социально-профессиональной адаптации молодых специалистов учреждений культуры, выявления мотивов, фаз и стратегий адаптационного поведения на первом рабочем месте.

Основная часть

В настоящее время кадровый состав культурной отрасли представляет собой важнейший ресурс для эффективного функционирования учреждений культуры. Согласно Кодексу об Образовании Республики Беларусь “молодой специалист (молодой рабочий) – выпускник, работающий по распределению в течение срока обязательной работы” [1, ст. 83]. Особенностью процесса профессиональной адаптации молодых специалистов является переход от состояния обучающегося к непосредственной трудовой деятельности и поиска своего места в профессиональной структуре. Вопросы профессиональной адаптации находятся в фокусе внимания таких белорусских специалистов, как Е.М. Бабосов, Г.М. Евелькин, В.А. Клименко, И.В. Котляров, А.И. Левко, В.И. Русецкая, Р.А. Смирнова, Г.Н. Соколова, С.А. Шавель, А.Х. Шкляр, Т.В. Щелкова и др. Большой известностью пользуются труды Г.М. Андреевой, Л.Б. Волынской, А.В. Дмитриева, Т.А. Жуковой, О.И. Зотова, Л.В. Корель, П.С. Кузнецова, Н.В. Кузьминой, В.Т. Лисовского, В.А. Мирошниченко, В.И. Патрушева, К.К. Платонова, М.А. Шабановой, Л.Л. Шпака, Г.А. Чередниченко. Анализ теоретических источников позволяет сформулировать следующее определение этого феномена. Профессиональная адаптация представляет собой процесс, в ходе которого происходит включение индивида в профессиональную систему, вхождение в структуру трудовых отношений, установление контактов с социальным окружением, соответствующих его статусно-ролевой структуре. Это двустороннее взаимодействие личности и профессиональной общности, результатом которого является, с одной стороны, освоение внутриколлективных отношений и рост профессионального мастерства, а с другой – реализуется воздействие молодого специалиста на устоявшиеся нормы, организационную структуру, а также возможное влияние на оптимизацию процесса создания духовно-культурных ценностей.

Процесс адаптации молодых специалистов достаточно сложен и многоаспектен, но в самом общем представлении его структура состоит из биологической, психологической и социальной подсистем. Составной частью социальной подсистемы является профессионально-личностная адаптация. Вхождение в трудовую среду предполагает занятие определенного социального положения, выполнение профессиональных функций и самостоятельное получение материального обеспечения. Противоречивость адаптации заключается в том, что одни стороны социально-профессионального положения индивида могут удовлетворять, а другие – нет.

Специфика адаптивного механизма в сфере культуры состоит в том, что здесь имеется достаточно жесткая зависимость между врожденными или приобретенными способностями и наличествующими ситуационными возможностями конкретной организации. Если, к примеру, индивид имеющий талант музыканта и соответствующее образование, вынужден заниматься в том числе организационными либо финансовыми вопросами, то вряд ли он будет удовлетворен своим положением и социальным престижем профессии. Профессиональная деятельность в сфере культуры связана с творческой активностью личности. Исследователи отмечают наличие широкого и узкого понимания творчества. В первом оно рассматривается как компонент любой деятельности, который может проявить-

ся на любом из ее этапов и выражается в новизне решения имеющейся задачи. Узкий подход рассматривает творчество как самостоятельную деятельность, отвечающую определенным критериям, результат которой является оригинальным и ранее не известным [2, с. 11–12].

Коллективы сферы культуры комплектуются из представителей различных половозрастных групп, однако в рамках настоящего социологического исследования нас интересуют социальные характеристики молодых специалистов, их жизненные и профессиональные интересы. Социологические исследования и данные статистики позволяют представить основные социально-демографические характеристики этого слоя, выявить систему их ценностей и мотивов при исполнении профессиональных функций. Эмпирическую базу исследования составляют:

- результаты анкетного опроса молодых специалистов сферы культуры Могилевской области и города Минска (январь–апрель 2014 г., $n = 341$ человек);
- результаты стандартизированного интервью экспертов, в котором приняли участие руководители и методисты государственных учреждений культуры Могилевской области и города Минска (январь–апрель 2014 г., $n = 141$ человек).

Каждая из этих подгрупп по месту проживания имеет свои специфические интересы, обусловленные бытовыми условиями, особенностями исполняемых трудовых функций, а также возможностями для творческого роста. Но общим для них является стремление реализовать свои жизненные ожидания. Современным молодым специалистам недостаточно быть пассивным объектом воздействия, у них проявляется стремление быть самостоятельными людьми, активно созидающими собственную жизнь. Важнейшими задачами, возникающими перед каждым человеком, являются умение найти и занять свое место в жизни, создать приемлемую социально-культурную среду, состояться профессионально. Как справедливо подчеркивает Л.Б. Волынская, “эти задачи можно считать общими для всех, хотя конкретные места в обществе, социально-профессиональные роли будут различными для разных людей в зависимости от их врожденных и приобретенных особенностей, представлений о себе и о жизненных ценностях, а также ситуационных возможностей” [3, с. 13].

Ценностные ориентации молодых специалистов можно представить в следующей последовательности (рисунок 1):

Рисунок 1 – Ценностные ориентации молодых специалистов, %

Первую тройку ценностных ориентаций изучаемой группы можно обозначить термином “основополагающие”, лежащие в основе обеспечения жизнедеятельности. Они формируются как субъективное отношение к доминантным нравственным ценностям общества, в основе которых лежит привычное восприятие

какой-либо реальности, сложившейся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта. Но социальные ценности не могут существовать вне сложившейся системы экономических, социально-политических и нравственных отношений. Субъектность молодых специалистов выступает как отражение реального состояния общества, при этом следует учитывать, что в гендерном аспекте культурная сфера имеет “женское лицо”, а семейно-бытовые аспекты и материальная сторона имеют для женщин особую значимость.

Духовно-культурное воздействие на социальную систему осуществляется по следующим направлениям. Первое – деятельность одаренных личностей по производству новых духовных ценностей, то есть непосредственно культурное творчество. Второе – распространение и внедрение культурных образцов в поведение людей, удовлетворение их духовных потребностей. Третье – накопление и систематизация культурных знаний, традиций, ценностей и норм их сохранения для будущих поколений. В соответствии с таким делением комплектуются коллективы по обслуживанию культурных запросов. В настоящем исследовании для социологического анализа выделены три группы коллективов культуры, принимающих молодых специалистов. К первой группе можно отнести работников творчества (артисты театров, филармоний, фольклорных, хореографических коллективов), в выборке исследования их оказалось 24,2%. Вторая группа – библиотечные и музейные работники (25,5%). Третья – преподаватели музыкальных, художественных школ, колледжей и училищ (50,3%). Каждая из этих профессиональных объединений молодых специалистов имеет свои специфические особенности, интересы, функционирует в своеобразной профессиональной среде.

В ходе социологического исследования выяснилось, что различные категории молодых специалистов по-разному оценивают перспективы карьерного роста в зависимости от той или иной профессиональной среды (таблица).

Распределение положительных ответов респондентов на вопросы, по поводу профессионального роста, %

Варианты ответов	Наименование групп		
	Работники творчества	Работники библиотек, музеев	Педагогические работники
Быть высокопрофессиональным специалистом	22,4	14,3	24,7
Карьерное продвижение	11,8	3,9	12,0
Стать популярным, знаменитым	2,6	3,9	0,6

Минимальный интерес к творческому росту демонстрируют молодые специалисты, занятые в библиотечно-музейном деле. Обусловлено это рядом обстоятельств и, прежде всего тем, что самооценка личности не может быть изолированной от уже сложившихся профессиональных правил, отношений и общественного мнения. Включаясь в коллективные связи, молодые специалисты усваивают нормы и ценности профессиональной культуры, которые созданы коллегами. Бывает понимание, что библиотечно-музейное направление – это повседневная рутинная деятельность по обслуживанию духовных и научно-познавательных потребностей людей. Группа молодых специалистов, занятых педагогической деятельностью, больше мотивирована на профессиональное продвижение. Почти треть респондентов намерены стать высокопрофессиональными специалистами, а 12% рассчитывают на карьерный рост. Большинство (68,8%) при-

няли решение о преподавательской работе еще в школьные годы. Немаловажным обстоятельством является реальная возможность в этих коллективах реализовать индивидуальный художественный или музыкальный талант и передавать навыки детям. На этот мотив указали 74,2% респондентов данной подгруппы.

Своеобразие мотивационной направленности молодых специалистов первой группы, то есть тех, кто профессионально занят артистической и концертной деятельностью, проявляется в том, что ее выбор, обучение и первичная адаптация являются итогом осознанного решения. Большинство респондентов этого сектора (44,6%) указали, что “с детства мечтали посвятить себя театру, вокалу, хореографии”. Наличие таланта и субъективная направленность позволяет некоторым выдвигать амбициозные цели. Так, 2,6% намерены стать в перспективе знаменитыми и популярными; на карьерное продвижение рассчитывают 11,8%. Эти планы имеют возможности быть реализованными, так как 42,8% респондентов заявили: “в коллективе имеется возможность реализовать свой талант”. Благоприятное сочетание социальной среды и индивидуальных устремлений содействует ускорению адаптационных процессов и профессиональному росту. Таким образом, социологический анализ показывает, что в сферу культуры приходят молодые специалисты с различной мотивацией и смыслозижденными ценностными ориентациями. Но учитывая, что основная миссия культуры заключается в производстве ценностей, их накоплении и передаче вступающим в жизнь поколениям, то для ее исполнения нужны работники с различной степенью развитости творческих способностей, а исполнительский труд не менее значим чем, скажем, художественное творчество.

Адаптация молодых специалистов – это не статичный процесс приспособления к социально-профессиональной структуре. Приступив к трудовой деятельности, молодой специалист выступает в двух ипостасях, а именно, он является не только объектом адаптационных воздействий, но и проявляет себя как субъект [4, с. 103]. Трудности вхождения в профессиональную среду могут привести к разочарованию и сомнениям в правильности выбранной профессии. Как показало социологическое исследование, 15,7% молодых специалистов решили сменить полученную профессию, а 46% пока не определились.

В центре внимания исследования мотивационной сферы профессиональной деятельности молодых специалистов находится такой социальный показатель, как удовлетворенность. “Удовлетворенность есть эмоциональное переживание положительного отношения к определенной ситуации, объекту и т. д.” [5, с. 221]. В контексте обозначенных положений целесообразно обратиться к итогам эмпирического исследования по поводу причин неудовлетворения молодых специалистов своей деятельностью (рисунок 2).

Рисунок 2 – Причины неудовлетворенности работой по распределению, %

Для молодого специалиста достойная оплата труда играет определяющую роль в удовлетворенности, а, следовательно, в его психологическом состоянии. Размер зарплаты – это не только фактор обеспечения материального благополучия, но и показатель признания окружающими значимости той деятельности, которую он исполняет. Как свидетельствует белорусский исследователь этой проблематики Г.Н. Соколова, уровень современной заработной платы недостаточно осуществляет стимулирующую функцию. “Наиболее высокий ее уровень имеют работники со средним образованием, а самый низкий – работники с высшим и неполным высшим образованием. Так как образование является одной из характеристик квалификации работника, получается, что организация оплаты труда практически не учитывает качество и количество лет обучения. Перекосы в оплате квалифицированного и неквалифицированного труда очевидны и свидетельствуют о необходимости принятия мер по регулированию заработной платы с целью упорядочения пропорций в оплате труда разной сложности и усиления стимулирующей функции заработной платы” [6, с. 62]. Однако, если рассматривать профессиональную адаптацию как подсистему профессионального самоопределения молодежи, то она должна быть управляемым социально-педагогическим процессом. “Темп жизни общества сегодня настолько высок, что становится весьма трудным выпускать специалиста, готового после завершения образования в вузе в полной мере приступить сразу же к практической работе по специальности. Поэтому необходимо либо точно предвидеть состояние изменений технологий к моменту выпуска специалиста, а также наличие рабочих мест для каждого специалиста, что практически не реализуемо, либо обучать так, чтобы выпускник мог сам достаточно быстро адаптироваться к будущей профессиональной деятельности” [7, с. 25].

Заключение

Таким образом, молодые специалисты представляют собой важнейший ресурс для эффективного функционирования учреждений культуры. Принимая во внимание адаптационное поведение, которое зависит от ценностной структуры личности, определяющей ее отношение к себе как представителю определенной профессиональной деятельности, коллективу, экономической и социально-психологической мотивации, можно повысить качественный уровень, который является также показателем экономического развития страны. Для разнообразного спектра оказания услуг населению, необходимо обеспечить сферу культуры специалистами с соответствующей профессиональной подготовкой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кодекс об Образовании Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Беларусь, 13 янв. 2011 г., № 243-З : принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 2010 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.12.2011 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
2. **Пономарев, Я. А.** Психология творчества / Я. А. Пономарев. – Москва : Наука, 1976. – 304 с.
3. **Волынская, Л. Б.** Социокультурная и личностная адаптация человека на различных стадиях жизненного цикла: учеб. пособие / Л. Б. Волынская. – Москва : МПСИ, 2012. – 168 с.
4. **Лихачева, О. Н.** Трудности самореализации и карьерного роста / О. Н. Лихачева // Беларуская Думка. – 2017. – № 5. – С. 98–103.

5. **Шавель, С. А.** Перспективы развития социума / С. А. Шавель. – Минск : Беларуская навука, 2015. – 507 с.
6. **Соколова, Г. Н.** Социальная политика государства в сфере труда и трудовых отношений / Г. Н. Соколова // Социс. – 2004. – № 4. – С. 60–63.
7. **Жукова, Т. А.** Социально-профессиональная адаптация студентов в системе высшего профессионального образования / Т. А. Жукова, Л. А. Степанова. – Кемерово : Кемеровский полиграфкомбинат, 2007. – 148 с.

Поступила в редакцию 04.01.2018 г.

Контакты: olih-n@mail.ru (Мицкевич Ольга Николаевна)

Mitskevich O.N. PROFESSIONAL ADAPTATION OF UNIVERSITY GRADUATES AS A TOOL OF SUCCESSFUL HUMAN RESOURCES POLICY IN THE SPHERE OF CULTURE OF THE REPUBLIC OF BELARUS.

The article presents the results of a sociological study of young specialists in the field of culture. The factors influencing professional adaptation of young specialists are analyzed. The structure and specificity of the adaptive mechanism in the sphere of culture, as well as the conditions for the successful professional adaptation of graduates have been revealed. The levels of adaptation processes management for a successful human resources policy have been studied.

Keywords: professional adaptation, sphere of culture, young graduate specialist, values, motives.

УДК 349.6

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПРАВОПОРЯДОК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ЮРИДИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

A. П. Анисимов

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права
Волгоградский институт бизнеса

В статье исследуются существующие доктринальные взгляды на категорию “экологический правопорядок”. Автор приходит к выводу о том, что экологический правопорядок – это не нормативная категория (данный термин не используется в экологическом законодательстве), а доктринальная, а потому ее цель – создание научной системы оценок эффективности применения экологического законодательства Российской Федерации и ее субъектов.

Ключевые слова: правопорядок; экология; отрасль права; правоотношение; субъект; суд.

Введение

Проблема социального порядка столетиями была в центре внимания мировой юридической мысли. Современная правовая наука накопила огромное количество сведений о достижениях и ошибках правового регулирования экологических отношений, выработала решения, позволяющие преодолеть либо хотя бы смягчить современный экологический кризис. Вместе с тем, требуется дальнейшее осмысление современной динамики правовой жизни, эффективные исследования новых эколого-правовых реалий, особенно когда это касается экологической и других глобальных проблем современности.

Основная часть

Как отмечалось в научной литературе, правопорядок – это тот юридический результат, к которому стремится государственная власть и все субъекты права, используя разнообразные приемы и пути. В этом социальном результате органически сливаются объективные потребности упорядоченности жизни с деятельностью людей по регулированию их поведения и поступков.

Данный порядок является юридическим. В законах страны закрепляются все вопросы, связанные с его оформлением, функционированием, поддержанием. Они определяют отношения, включаемые в систему правопорядка, участников, их правовые характеристики и связи; методы и процедуру регулирования, пространственно-временные и личностные характеристики и др. [1, с. 190–191].

В теории права обсуждается необходимость более широкого правопонимания, когда правопорядок понимается и как результат деятельности государства, и как результат массовой стихийной социальной деятельности людей по установлению правовых взаимоотношений. Фундаментальность понятия правопорядка состоит здесь, прежде всего, в том, что посредством него с равным успехом

право характеризуется и в социологическом, и в собственно юридическом, и в естественно-правовом аспекте. Из этого следует, что множественность подходов к исследованию проблемы правопорядка необходима и целесообразна на современном этапе развития действующего права [2, с. 14].

Анализ существующих в правовой науке концепций правопорядка позволил Л.В. Ращупкиной выделить три подхода к пониманию этого сложного явления: 1) состояние общественных отношений, связанное с реализацией права и законности (Л.С. Явич, С.С. Алексеев, Т.М. Шамба, А.С. Шабуров и др.); 2) состояние общественных отношений, характеризующееся (выражающееся) системой правоотношений (В.В. Борисов, М.И. Байтин, Б.Л. Назаров, В.М. Сырых); 3) упорядоченность общественных отношений, выраженная в правомерном поведении (Г.С. Котляревский, А.Б. Лисюткин, В.Н. Казаков) [3, с. 8].

Представляется, что вторая методологическая основа является наиболее логичной и обоснованной, и позволяет более четко отграничить правопорядок от многих родственных ему правовых явлений, хотя на этот счет есть разные точки зрения. Так, одни авторы полагают, что экологический правопорядок – это вид правового порядка, сложившийся в сфере взаимодействия общества и природы по поводу природопользования, охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, направленный на создание благоприятной окружающей среды, основанный на праве и законности, складывающийся в результате правомерной деятельности субъектов права и обеспечивающийся государственными органами и иными субъектами [4, с. 91–98].

Другие авторы считают, что экологический правопорядок – это система правовых отношений, характеризующая благоприятный уровень состояния окружающей среды, сложившаяся “в результате реализации конституционных прав, свобод и законных интересов граждан и иных субъектов, исполняющих и соблюдающих возложенные на них юридические обязанности в границах, регулируемых экологическим правом”. При этом предлагается рассматривать экологический правопорядок как “составную часть структуры экологического права, его самостоятельный правовой институт” [5, с. 6–7].

При всей ценности последней концепции, она имеет ряд дискуссионных аспектов. Во-первых, если экологический правопорядок характеризует благоприятное состояние окружающей среды, но не совсем понятно, чем данная правовая конструкция отличается от “экологических прав человека” и “экологической безопасности”, которые характеризуют тоже самое. Во-вторых, кроме соблюдения и исполнения, в теории государства и права выделяются и другие формы реализации права – использование и применение, которые, в данном случае, не названы как средства обеспечения экологического правопорядка. В-третьих, экологический правопорядок не может быть правовым институтом, т. к. это чисто доктринальная категория, которая не отражена в законодательстве. Представляется, что необходимо четко различать экологическое право как науку и отрасль права. Экологический правопорядок – это важнейшая научная категория, позволяющая понять сущность и механизм реализации эколого-правовых предписаний, однако он нормативно не закреплен в каком-то законе. Другими словами, мы выделяем, например, институт ответственности в экологическом праве потому, что объективно существуют нормы экологического и других отраслей права, в совокупности образующих данный комплексный (межотраслевой) институт. Говорить же о появлении нового правового института “экологический правопорядок” можно будет только тогда, когда он получит отражение в нормах экологического права.

Как отмечает Н.А. Духно, предписаниями международных и национальных правовых актов регулируются общественные отношения по поводу формирования “и сохранения благоприятной окружающей среды (экологические отношения). Участниками этих отношений выступают граждане, юридические лица, государственные и общественные формирования – субъекты экологического правопорядка, носители экологических прав и обязанностей” [5, с. 7–8].

Между тем, при таком подходе субъекты “экологических отношений” и “экологического правопорядка” совпадают, в связи с чем, есть ряд сомнений насчет целесообразности существования этих двух одинаковых категорий.

Более того – если “содержанием экологического правопорядка являются права и обязанности субъектов общественных отношений, складывающихся по поводу сохранения и поддержания благоприятной окружающей среды, среды обитания человека и иных биосистем” [5, с. 22], то что будет являться содержанием экологических правоотношений? Разве не права и обязанности их субъектов? Но в чем же тогда будут отличия между “содержанием экологического правопорядка” и “содержанием экологических правоотношений”?

С аналогичной проблемой сталкиваются и исследователи других разновидностей правопорядка. Так, С.В. Андреев отмечает, что “права и обязанности субъектов земельных правоотношений в области градостроительства, их реализация в соответствии с нормами и принципами земельного, градостроительного и иного законодательства есть содержание земельного правопорядка в области градостроительства. В результате указанной реализации субъекты земельных правоотношений в области градостроительства становятся субъектами земельного правопорядка в области градостроительства” [6, с. 7]. Другими словами, субъекты земельных правоотношений в сфере градостроительства и субъекты земельного правопорядка – это все одни и те же лица.

Столь же непростым является и вопрос о субъектах экологического правопорядка. Н.А. Духно приходит к выводу о том, что “юридические лица экологическими правами не обладают, они признаются субъектами только экологических обязанностей и обязанностей по природопользованию” [5, с. 24]. Между тем, права и обязанности – это парные и взаимосвязанные категории. Нельзя обладать исключительно правами, и не нести никаких обязанностей, точно также, как нельзя иметь набор юридических обязанностей, и не иметь при этом никаких прав. Данный вывод следует из ст. 12 Федерального закона “Об охране окружающей среды”, который прямо предусматривает как права, так и обязанности общественных объединений и иных некоммерческих юридических лиц. Поскольку ГК РФ различает коммерческие и некоммерческие юридические лица, то мы можем говорить о том, что экологические права коммерческих юридических лиц прямо не закреплены в законе (и это безусловный недостаток юридической техники данного закона), однако нет оснований говорить о том, что экологических прав у юридических лиц нет вообще. Например, если имуществу одного коммерческого юридического лица был причинен ущерб в результате нарушения требований экологического законодательства другим юридическим лицом, то вправе ли оно требовать возмещения вреда, причиненного его имуществу? И если аналогичный иск граждан о возмещении вреда здоровью и имуществу мы относим к числу экологических, то почему мы должны сделать исключение в другом случае?

Указанное теоретическое суждение имеет много подтверждений в судебной практике. Так, ООО “РостАгро” обратилось в Арбитражный суд Ульяновской

области с иском к ОАО “Ульяновскнефть” о взыскании убытков, указав в обосновании иска, что по соседству с принадлежащими ему земельными участками находится месторождение нефти, которое разрабатывается ОАО “Ульяновскнефть”. Осенью 2013 и весной 2014 гг. на этом месторождении были произведены работы по бурению нефтяных скважин. Вся многотонная тракторная и автомобильная техника, используемая ОАО для разработки нефтяной скважины, проезжала к местам бурения нефтяных скважин, а затем возвращалась на автодорогу, оставляя на полях истца непроходимые колеи, рытвины и траншеи. Техника ОАО в ходе ее эксплуатации перемешивала плодородный слой чернозема с глиной и другими породами, загрязняла почву маслами и ГСМ, вытекающими на поля из буксующих грузовых автомашин и тракторов. В результате несанкционированного проезда техники по подготовленным под посев подсолнечника полям, они частично были испорчены путем перемешивания плодородного слоя почвы с глиной и иными породами, а также загрязнены нефтепродуктами и тяжелыми металлами.

ОАО не отрицало факт принадлежности ему месторождения нефти и ведения работ по его разработке, однако указывало, что ответственными лицами за причиненный ущерб должны являться подрядчики, с которыми у ОАО “Ульяновскнефть” заключены соответствующие договоры.

Судами обеих инстанций было правильно установлено, что в данном случае ОАО “Ульяновскнефть”, осуществляющее разработку месторождения нефти, является лицом, ответственным перед истцом за причиненный ущерб, и наличие договоров подряда не может служить основанием для освобождения ответчика от законной ответственности перед истцом, а только предоставляет право предъявления регрессных требований. Решением Арбитражного суда Ульяновской области от 25.02.2015 заявленные требования были удовлетворены частично (в частности, суд посчитал недоказанными требования истца о взыскании упущеной выгоды), однако суд взыскал с ОАО “Ульяновскнефть” в пользу ООО “РостАгроПром” 540 560 руб. 83 коп. за ущерб, 10 653 руб. 11 коп. – в возмещение расходов по оплате государственной пошлины, 30 462 руб. 60 коп. – расходов по оплате услуг представителя [7].

Весьма интересна позиция Н.А. Духно, согласно которой экологический правопорядок представляет собой вид отраслевого правового порядка со сложной структурой. “Ее элементами выступают: экологическое право (право окружающей среды), субъекты экологического правопорядка, экологические права и обязанности участников экологических (правоохранительных) правоотношений, экологическое правосознание граждан и должностных лиц, государственное и общественное управление экологическим правопорядком” [5, с. 31]. Дискуссионность такого подхода заключается в следующем:

1) ранее в своей работе автор отмечал, что “экологический правопорядок” – это институт экологического права. Теперь же ВСЕ экологическое право есть элемент экологического правопорядка. Я не против как первого, так и второго подхода, однако оба сразу они, наверное, невозможны.

2) ранее уже отмечалось идентичность категорий “субъект (и содержание) экологического правопорядка” и “субъект (содержание) экологического права”. При этом в последней цитате субъект и содержание указаны, а объект “экологического правопорядка” не упомянут. Но не будем придираться к деталям. В указанной структуре следует согласиться с выделением “экологического правосознания” как элемента “экологического правопорядка”, о чем довольно часто

пишут в эколого-правовой литературе [8, с. 535–538], однако не совсем понятно выделение “управления экологическим правопорядком”. И дело даже не в том, что “общественного управления” не бывает, поскольку у общественности нет властных функций и механизма принуждения каких-либо субъектов к исполнению собственных предписаний, а в том, что управление – это очень важный, но всего лишь один из институтов общей части экологического права. Упомянув его, мы должны были бы упомянуть еще и институт ответственности за экологические правонарушения, поскольку без его использования невозможно обеспечить “экологический правопорядок”.

Справедливости ради следует отметить, что Н.А. Духно в своем исследовании упоминает проблемы юридической ответственности, отмечая, что “для возложения юридической ответственности за нарушение экологического правопорядка необходимо, чтобы существовала причинная связь между действиями, совершенными в нарушение экологического законодательства, и наступившими вредными последствиями, либо эти действия создавали бы угрозу причинения существенного вреда окружающей среде и здоровью людей” [5, с. 35]. Однако ровно те же самые условия мы наблюдаем и в случае “ответственности за нарушение норм экологического законодательства”. И возникает вопрос: как соотносятся друг с другом эти правовые категории?

В связи с этим следует обратить внимание на то, что в науке теория государства и права уже неоднократно обращалось внимание на необходимость преодоления “односторонности нормативистского отождествления права с совокупностью норм (при котором правопорядок оказывается лишь результатом реализации такого права), но и отождествления действительного (действующего) права только с одной из его форм – государственным правом”. В связи с этим предлагается использовать социологическую методологию, которая, рассматривая правопорядок как элемент “социальной реальности, позволяет учесть все многообразие факторов, которые могут являться причинами появления того или иного вида правопорядка. Эта методология предполагает обращение внимания на социальный детерминизм правовой жизни” [2, с. 8–14].

Разделяя эту позицию, представляется, что рассмотрение “экологического правопорядка” с чисто нормативистских позиций как “совокупности правовых норм, регулирующих тот или иной вид общественных отношений” и воспринимающих “экологический правопорядок” как отдельный правовой институт, неизбежно создаст неразрешимую проблему дублирования смысла и содержания сразу нескольких эколого-правовых категорий, главным образом по линии “субъект (объект, содержание) экологического правопорядка” – “субъект (объект, содержание) экологического правоотношения”. Но даже если мы будем смотреть на категорию “экологический правопорядок” через призму его цели, то мы все равно неизбежно получим дублирование по линии обеспечение “экологического правопорядка” и “экологической безопасности” (при очень не простых вопросах соотношения категорий “охрана окружающей среды” и “обеспечение экологической безопасности”, которые, на мой взгляд, соотносятся как “природоохранная деятельность и ее результат”).

Думается, что категория “экологический правопорядок” имеет смысл только в контексте практики реализации норм экологического права, когда она показывает эффективность природоохранной деятельности публичных и частных субъектов экологического права, отражает состояние окружающей среды и степень реализации экологических прав человека. Только в этом случае данная категория получает практический смысл, а также определенные количественные и ка-

чественные единицы измерения. Однако данный подход пока не получил распространения в российской науке экологического права, хотя перспективность его использования не вызывает сомнений.

Таким образом, если говорить о месте категории “экологический правопорядок” в системе категорий экологического права, то его следует отличать от категории “экологическое право” как совокупности норм, “природоохранной деятельности” как работы по реализации норм экологического права, а также “экологической безопасности” как желаемого результата природоохранной деятельности по реализации норм экологического права.

Категория “экологический правопорядок” показывает динамику реализации норм экологического права в отдельно взятый временной промежуток на территории всей страны или ее части, отличаясь от категории “экологическая безопасность” тем, что последняя категория представляет собой модель идеального состояния окружающей среды, в то время как категория “экологический правопорядок” показывает реальное состояние природоохранных дел. Поэтому трудно согласиться с позицией И.Д. Мухиной о том, что “взаимосвязь экологического правопорядка и экологической безопасности очевидна, но все же второе является качественной характеристикой первого” [9, с. 144].

Другими словами, как можно измерить “состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека”? Путем перечисления правовых норм о нормировании, экологическом надзоре и экологической экспертизе? Едва ли мы сможем достигнуть этим позитивного результата.

Вероятно, это следует делать путем обобщения судебной практики.

Заключение

“Экологический правопорядок” – это не нормативная категория (этот термин не используется в экологическом законодательстве), а доктринальная (в отличии от категории “природоохранная деятельность” или “экологическая безопасность”, часто упоминаемых в законе), и его цель – создание доктринальной системы оценок эффективности применения экологического законодательства Российской Федерации и ее субъектов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Общая теория государства и права. Академический курс : в 3 т. – 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. проф. М. Н. Марченко. – Москва : ИКД “Зерцало-М”, 2001. – Т. 3. – 528 с.
2. **Юдин, А. В.** Формы правопорядка в современном обществе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Юдин. – Москва, 2009. – 30 с.
3. **Рашупкина, Л. В.** Экологический правопорядок (общетеоретический анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л. В. Рашупкина. – Владимир, 2006. – 26 с.
4. **Рашупкина, Л. В.** Экологическое правосознание в системе экологического правопорядка / Л. В. Рашупкина, С. В. Солоухина // Вопросы современной юриспруденции. – 2014. – № 34. – С. 91–98.
5. **Духно, Н. А.** Теоретические проблемы обеспечения экологического правопорядка : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Н. А. Духно. – Уфа, 2000. – 55 с.
6. **Андреев, С. В.** Земельный правопорядок в области градостроительства (с использованием законодательства города Москвы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Андреев. – Москва, 2007. – 29 с.
7. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 17.09.2015 № Ф06-127/2015 по делу № А72-13582/2014 // СПС “Консультант плюс”. – Дата обращения: 05.06.2017.

8. Галанов, А. С. Экологический правопорядок как элемент культуры / А. С. Галанов / / Юридическая техника. – 2016. – № 10. – С. 535–538.
9. Мухина, И. Д. Экологический правопорядок: проблемы содержания / И. Д. Мухина // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 9. – С. 144–146.

Поступила в редакцию 16.06.2017 г.

Контакты: anisimovap@mail.ru (Ансимов Алексей Павлович)

Anisimov A. ECOLOGICAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A LEGAL CATEGORY: THEORETICAL ISSUES.

In the article the existing doctrinal views of the category «ecological law and order» are investigated. The author comes to the conclusion that ecological law and order is not a normative category (this term is not used in the ecological legislation) but a doctrinal category, therefore its purpose is to create the scientific system of estimates of efficiency of the ecological legislation application in the Russian Federation.

Keywords: law and order, ecology, law branch, legal relationship, subject, court.

УДК 343.824

ОБРАЗОВАНИЕ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ ДЛЯ ЛИЦ, ВПЕРВЫЕ ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

T. M. Катцова

кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры белорусского и иностранных языков
Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь

В статье представлены криминологические данные об осужденных мужчинах, содержащихся в исправительных колониях для лиц, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы, сравнительный анализ статистических данных об их уровне образования за 2010, 2014 и 2017 гг., результаты анкетирования указанной категории осужденных. Предлагаются конкретные меры по совершенствованию образования как средства достижения целей уголовной ответственности в указанных исправительных колониях; описывается механизм их реализации.

Ключевые слова: исправительная колония, образование, лицо, впервые отбывающее наказание в виде лишения свободы, средство достижения целей уголовной ответственности, уровни образования, высшее образование, среднее специальное образование, профессионально-техническое образование, дополнительное образование взрослых.

В исправительных колониях (ИК) для лиц, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы, мужчины составляют около 33% от общего количества осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, и 36% от общего количества лиц мужского пола, содержащихся в ИК Республики Беларусь¹.

В рассматриваемых ИК осужденные за убийство составляют около 22%, незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов – 12%, кражи – 11%, умышленное причинение тяжкого телесного повреждения – 10,4%, разбой – 6,8%, грабеж – 4,9%, изнасилование – 4,2%, мошенничество – 3,8%, хулиганство – 3,1%, то есть около половины осужденных отбывают наказание за совершение насилиственных преступлений.

Большинство мужчин, содержащихся в ИК для лиц, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы, составляют осужденные в возрасте от 18 до 30 лет – около 50,3%, от 30 до 40 лет – 25,9%, выше 40 лет – около 24%. Таким образом, подавляющую часть осужденных (более 50%) составляют лица молодого возраста.

Сравнительный анализ уровня образования осужденных мужчин, содержащихся в ИК для лиц, впервые отбывавших наказание в виде лишения свободы в 2010, 2014 и 2017 гг. (см. рис. 1), позволяет сделать следующие выводы:

– в целом уровень образования рассматриваемой категории осужденных невысок и у большинства из них (67,3% в 2010 г., 64% в 2014 г. и 68,9% в 2017 г.) не превышает общего среднего образования;

© Катцова Т. М., 2018

¹ По данным Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь (ДИН) по состоянию на декабрь 2015 г.

– основное количество осужденных составляют лица, имеющие общее среднее образование, причем, их процентное содержание почти не меняется (46% в 2010 г., 45,2% в 2014 г., 46,7% в 2017 г.), то есть большинство осужденных имеют общие знания, однако не имеют профессии;

– сокращается количество осужденных, не имеющих общего базового образования или имеющих образование на уровне 9 классов, однако увеличивается количество лиц, имеющих профессионально-техническое и среднее специальное образование (24% в 2010 г., 29,5% в 2014 г. и 31% в 2017 г.).

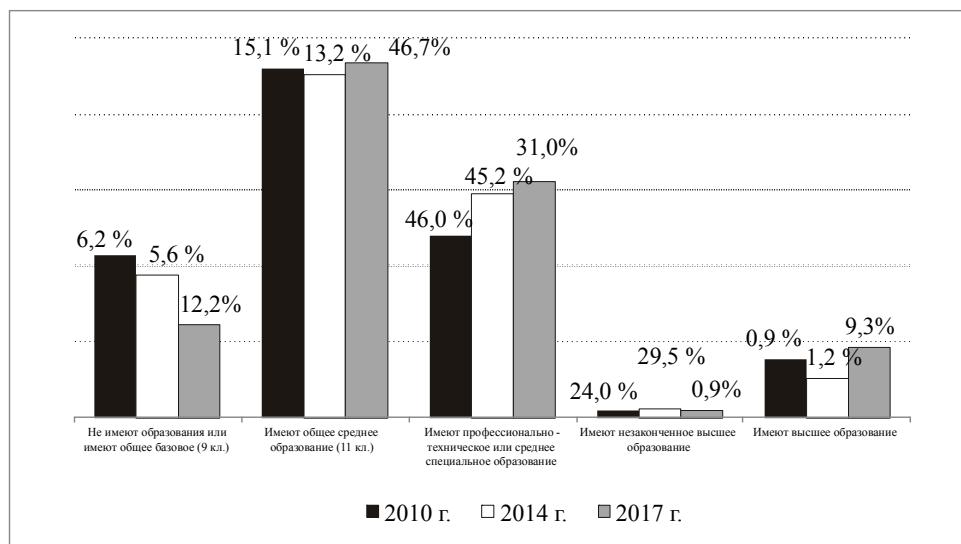

Рисунок 1 – Сравнение показателей уровня образования мужчин, содержащихся в ИК для лиц, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы (2010 г., 2014 г. и 2017 г.)

Последний факт заслуживает пристального внимания, поскольку в ИК для лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы, количество лиц с профессионально-техническим и средним специальным образованием приблизительно такое же (30% в 2017 г.), в отличие, например, от лиц с высшим образованием, которых в указанных колониях почти в 6 раз меньше (9,6% в ИК для лиц, впервые отбывающих лишение свободы и 1,6% в ИК для лиц, ранее отбывавших такое наказание) (см. рис. 2). На наш взгляд, это свидетельствует о том, что наличие профессиональных навыков и возможности трудоустроиться не является гарантом несовершения преступлений, т. к. выработка профессиональных умений не оказывает существенного влияния на мировоззрение человека, его отношение к жизни, обществу, моральные качества; почти не воздействует на развитие интеллекта, сознания, понятийного мышления.

Как отмечает В.В. Знаков, в зависимости от уровня развития субъект выбирает соответствующие способы проявления активности, поэтому для изменения самих способов деятельности человека необходимо повысить уровень его мышления (сознания) [1, с. 43]. Развивая точку зрения В.В. Знакова, Г.В. Строева отмечает, что именно образование “способно развить мышление осужденного и вывести его (мышление) на понятийный уровень. В свою очередь, только этот уровень позволяет осужденному переориентировать свое поведение с антисоци-

ального на социально-направленное” [2, с. 155]. На взаимосвязь между уровнем мышления и поступками человека также указывают зарубежные исследователи, в частности D. Cantrell [3, р. 27–30] и др.

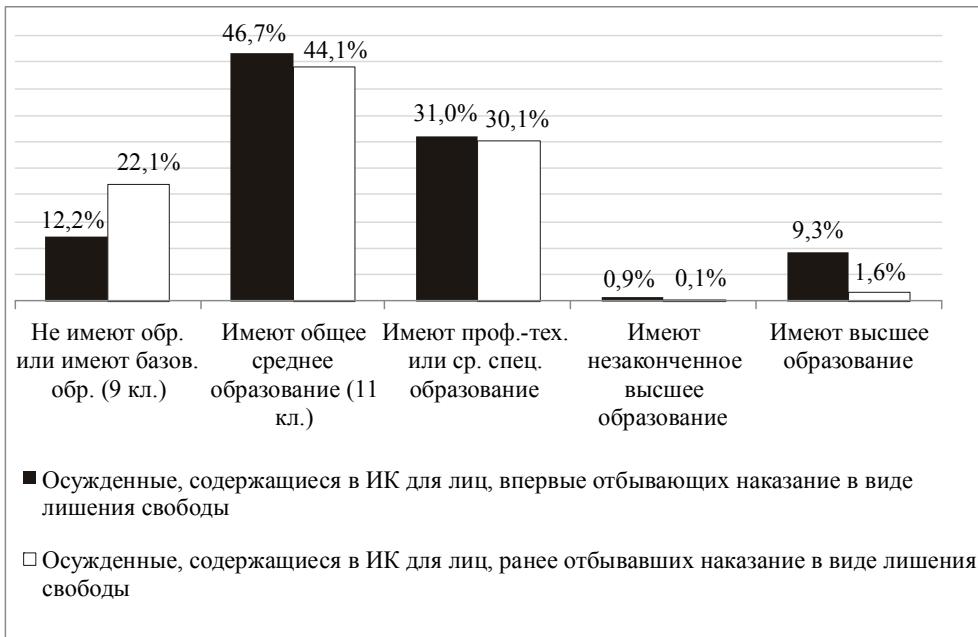

Рисунок 2 – Сравнение показателей уровня образования мужчин, содержащихся в ИК для лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы (по состоянию на май 2017 г.)

В связи с вышеизложенным, создание условий для получения среднего специального и высшего образования в ИК для лиц, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы является крайне важным. По данным проведенного автором анкетирования¹⁾ 27,9% опрошенных мужчин, содержащихся в рассматриваемых ИК, хотели бы получить среднее специальное образование, причем данный уровень образования наиболее востребован среди осужденных старше 40 лет – 45,1% опрошенных старше указанного возраста хотели бы иметь среднее специальное образование. Около 61% респондентов желали бы иметь высшее образование (среди осужденных до 40 лет этот показатель составляет 66,7%).

Предоставление возможности осужденным к лишению свободы получать высшее образование является общемировой тенденцией. Такая возможность предоставлена осужденным в странах Западной Европы, США. Более 10 лет возможность получения высшего образования в дистанционной форме существует в Российской Федерации.

Данные исследований, проведенных среди обучающихся осужденных, показали, что для этой категории лиц характерен низкий уровень рецидива [4, с. 144; 5, с. 27].

Немаловажным в ИК для лиц, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы, является развитие дополнительного образования взрослых, по-

¹⁾ Всего опрошен 1401 осужденный мужчина в семи ИК для лиц, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы.

зволяющего “целенаправленно скорректировать и (или) развить определенные личностные характеристики человека, в том числе интеллектуально-этическую составляющую” [6, с. 4].

Учитывая тот факт, что около 50% мужчин, содержащихся в рассматриваемых ИК, осуждены за совершение насилий преступлений, целесообразным представляется внедрение в рамках дополнительного образования взрослых образовательных программ, направленных на приобретение знаний в области общей психологии, конфликтологии, на выработку умений справляться со стрессом и т. д. Опыт проведения таких образовательных курсов с осужденными имеется в нашей стране. Он был приобретен в результате реализации проекта “Образование взрослых для ресоциализации и профессионализации в ИК Гомельской области”¹. В рамках проекта были организованы следующие образовательные курсы: “Влияние внутренних установок человека на поведение в конфликтных и стрессовых ситуациях (анализ собственного поведения и поведения других людей на конкретных примерах); “Правильная” конфликтология (умение говорить о своих чувствах, конструктивные способы выражения своих эмоций, позитивное отношение к себе и к окружению”, имевшие положительные результаты [7, с. 57–58]. Этот опыт заслуживает внимания и изучения с целью последующего внедрения таких образовательных программ в ИК для лиц, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы.

Дополнительное образование взрослых обладает еще одним важным достоинством: оно позволяет использовать как длительные, так и краткосрочные образовательные программы. Это особенно актуально для рассматриваемых ИК, т. к. около одной трети содержащихся в них мужчин составляют лица, осужденные к лишению свободы на срок до трех лет¹⁰.

В связи с тем, что основное количество мужчин, содержащихся в ИК для лиц, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы, составляют осужденные, имеющие общее среднее образование, но не имеющие профессии, актуальным является дальнейшее совершенствование системы профессионально-технического образования и профессиональной подготовки в местах лишения свободы. В настоящее время во всех ИК для лиц, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы, действуют ПТУ (в ИК № 22 – государственный профессиональный лицей, в ИК № 17 – филиал государственного профессионального лицея), причем профиль училищ отличается в каждой из ИК (ИК № 2 – химический, ИК № 3 – деревообработка и швейное производство, ИК № 15 – строительный, ИК № 22 – сельскохозяйственное производство). По результатам проведенного автором анкетирования, 57,1% респондентов удовлетворены уровнем профессионально-технического образования, 62,4% считают специальности, по которым обучают в ПТУ, востребованными. Тем не менее 51,9% осужденных отмечают, что хотели бы обучаться другим специальностям. Чаще всего упоминаются ремонтно-строительные специальности (плиточник, штукатур, каменщик и др.), сварщик, автослесарь и т. д. Результаты анкетирования позволяют сделать вывод о том, что в целом профессиональнотехническому образованию в рассматриваемых ИК уделяется много внимания. Однако образовательные потребности осужденного не учитываются при направлении его в ИК, поэтому он

¹ Проект реализовывался Гомельским областным общественным объединением “Социальные проекты” при поддержке Представительства DVV International в Республике Беларусь в 2010–2013 гг. на базе двух ИК Гомеля: ИК № 4 и ИК открытого типа № 17.

¹⁰ По данным ДИН по состоянию на декабрь 2015 г.

может выбирать специальность только из перечня, существующего в ПТУ в той ИК, куда его направили. В ч. 2 ст. 72 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (УИК) законодатель предусматривает возможность перевода осужденного из одной ИК в другую того же вида для получения образования. Однако в п. 7 Инструкции о порядке направления осужденных к лишению свободы в исправительные учреждения и перевода осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания из одного исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел в другое (Инструкция) получение образования не упоминается в качестве обстоятельства, допускающего перевод осужденного из одной ИК в другую того же вида, что ограничивает применение нормы, предусмотренной ч. 2 ст. 72 УИК.

Более рациональным видится предварительное (до направления в ИК) изучение образовательных потребностей и желания осужденного получить ту или иную профессию и направление его (по возможности) в ту ИК, где созданы условия для получения профессии либо специальности соответствующего профиля, что будет способствовать, во-первых, реализации права осужденного на выбор профессии и рода занятий, закрепленного для всех граждан страны в ст. 41 Конституции Республики Беларусь, во-вторых, более мотивированному и добросовестному отношению осужденного к получению образования, а также позволит избежать сложностей, связанных с переводом осужденного из одной ИК в другую в связи с получением образования, по крайней мере, на уровне профессионально-технического образования.

Достаточно актуальным вопросом, нуждающимся в решении, является обеспечение непрерывности образовательного процесса в рассматриваемых ИК. Это утверждение основано на том, что, по данным анкетирования, около 20% опрошенных осужденных вынуждены были прервать обучение в ПТУ, среднем специальном или высшем учреждении образования в связи со вступлением в силу приговора суда. Этот вопрос нуждается в особом внимании со стороны органов, исполняющих наказание, учитывая важность получения образования как средства достижения целей уголовной ответственности.

Предварительное изучение уровня образования и образовательных потребностей осужденных с целью направления их в ИК, в которой есть условия для продолжения образования, частично позволит решить эту проблему. Для этого автор предлагает в заявке на выдачу наряда для направления осужденного в исправительное учреждение, которую в соответствии с п. 5 Инструкции специальный отдел следственного изолятора направляет в ДИН в день получения обвинительного приговора, указывать не только профессию осужденного, но и уровень его образования и его образовательные потребности. Уровень образования и образовательные потребности предлагается выяснить с помощью анкетирования.

Кроме того, при условии организации среднего специального и высшего образования в ИК можно разработать механизм перевода осужденного из учреждения образования, в котором он обучался до осуждения, в учреждение образования, предоставляющее возможность обучаться осужденным к лишению свободы, либо с одной формы получения образования на другую (например, с очной на заочную (дистанционную)) в том случае, если учреждение образования, в котором он получал образование, сотрудничает с уголовно-исполнительной системой.

Предварительное изучение уровня образования осужденных способно решить еще одну задачу, касающуюся обеспечения доступности образования на всех уровнях в рассматриваемых ИК для лиц, впервые отбывающих наказание в

виде лишения свободы, – минимизировать расходы на организацию общего базового, общего среднего, среднего специального и высшего образования в рассматриваемых ИК путем их специализации на предоставлении определенного уровня образования. Так, в одной из ИК можно создать условия для получения общего базового и общего среднего образования, в другой – среднего специального, в третьей – высшего и, предварительно изучив уровень образования и образовательные потребности осужденного, направлять его в ту ИК, где созданы условия для его повышения. Преемственность же образования – переход от одного уровня к другому – можно обеспечить применением ч. 2 ст. 72 УИК, предусматривающей возможность перевода осужденного из одной ИК в другую того же вида для получения образования.

Таким образом, в целях совершенствования и более успешного функционирования образования как средства достижения целей уголовной ответственности в ИК для лиц, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы целесообразно:

- для обеспечения доступности образования на всех уровнях создать условия для получения общего базового и общего среднего, среднего специального, высшего образования в разных ИК, лишив тем самым каждую из ИК необходимости организовывать образование на каждом из уровней, что позволит минимизировать материальные затраты;
- организовать предварительное (до направление в ИК) изучение образовательного уровня и образовательных потребностей осужденного;
- обеспечить преемственность образования (при условии специализации ИК на предоставлении образования на определенном уровне) применением нормы, предусмотренной ч. 2 ст. 72 УИК;
- привести в соответствие Инструкцию с ч. 2 ст. 72 УИК, для чего п. 7 Инструкции после слов “ликвидации ИУ,” дополнить словами “для получения осужденными образования”;
- использовать возможности дополнительного образования взрослых для внедрения разнообразных краткосрочных и длительных образовательных программ в образовательный процесс в ИК.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Знаков, В. В.** Понимание в мышлении, общении, человеческом бытии : сб. ст. / В.В. Знаков. – Москва : Ин-т психологии Рос. акад. наук, 2007. – 477 с.
2. **Строева, Г. В.** Обучение как центральная категория процесса самоисправления осужденных: историко-дидактический аспект / Г. В. Строева // Человек и образование. – 2009. – № 3. – С. 154–158.
3. **Cantrell, D.** Correctional education as democratic citizenship education / D. Cantrell // J. of Corr. Education. – 2012. – Vol. 63, iss. 2. – P. 27–36.
4. **Гайдай, М. К.** Приобретение образования или специальности осужденными – шаг к минимизации девиантного поведения / М. К. Гайдай // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Философия, социология, политология, культурология. – 2010. – № 14. – С. 142–146.
5. **Иvasенко, Я. С.** Вопросы совершенствования профессионального образования осужденных к лишению свободы / Я. С. Иvasенко // Ведомости уголов.-исполн. системы. – 2012. – № 3. – С. 27–30.
6. **Строева, Г. В.** Интеллектуально-этическое развитие личности осужденного в процессе дополнительного образования в исправительных учреждениях уголовно-исполнительской системы : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Г. В. Строева ; Акад. упр. МВД России. – М., 2002. – 29 с.

7. **Веремейчик, Г.** Беларусь: от опыта пилотных проектов к системным действиям / Г. Веремейчик, Н. Кекух // Образование молодежи и взрослых в тюрьмах: опыт из Центральной Азии, Южной Америки, Северной Африки и Европы / отв. А. Маркмиллер ; Ин-т по Междунар. сотрудничеству Нем. ассоц. нар. ун-тов ; упр. ред. Р. Саррачин [и др.]. – 2015. – С. 48–60.

Поступила в редакцию 04.12.2017 г.
Контакты: kattsova@tut.by (Катцова Татьяна Михайловна)

Katsova T. EDUCATION OF FIRST-TIME CONVICTS: WAYS OF IMPROVEMENT.

The article includes criminological data about first-time convicts in the Republic of Belarus, the comparative analysis of their levels of education in 2010, 2014 and 2017, the results of these convicts' questioning. The author proposes certain measures to improve the application of education as one of the means to prevent crimes, correct and rehabilitate first-time convicts. The article also highlights the mechanism of implementation of these measures.

Keywords: penal colony, education, first-time convict, means of achieving criminal liability aims, levels of education, higher education, specialized secondary education, vocational education, supplementary education of adults.

УДК 67.404.5(075.8)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ О ПОНЯТИИ БРАЧНОГО ДОГОВОРА И ЛИЦАХ, ЕГО ЗАКЛЮЧАЮЩИХ, ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ, РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УКРАИНЫ

E. N. Омельянович

старший преподаватель кафедры правоведения
Международный университет “МИТСО”,
Гомельский филиал

В статье проанализированы понятие и сущность брачного договора на примере законодательства Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины, раскрыта цель его заключения, определен субъектный состав. Предлагается точное закрепление в законодательстве понятия брачного договора и лиц, имеющих право его заключать.

Ключевые слова: брачный договор, имущественные отношения супругов, семейные правоотношения, брак, соглашение между супругами, регистрация заключения брака.

Введение

С 1969 г. на территории нашей страны действовал Кодекс БССР о браке и семье, который регламентировал имущественные отношения супругов императивными нормами и закреплял режим общей совместной собственности. И важно заметить, что заключение брачного договора, направленного на изменение этого режима, в нем не допускалось.

Однако в связи с кардинальными изменениями, произошедшими в экономической и социальной жизни страны, возникла насущная потребность изменить ряд институтов семейного законодательства, что нашло свое отражение в новом Кодексе Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС), вступившем в силу 1 сентября 1999 г. С его принятием белорусский законодатель проявил должное внимание к вопросу изменения и актуализации брачно-семейных отношений и ввел ряд принципиальных новелл, ранее не известных белорусскому семейному праву, например, касающихся брачного договора. В результате введения этого института у супружеских впервые появилась возможность регулировать между собой правоотношения самостоятельно.

Основная часть

В настоящее время вопросы регулирования семейных правоотношений приобрели особую значимость. Это связано, в первую очередь, с тем, что личные отношения супружеских пар, построенные на любви, доверии, уважении, являются их внутренней ценностью, в то время как имущественные права и обязанности граждан, вступивших в брак, затрагивают интересы не только их самих, но и третьих лиц, например, детей и иных наследников, кредиторов, сторон по сделкам, органы государственной власти и местного самоуправления.

Вступая в брак, многие граждане не задумываются о том, какое имущество они приобретут в будущем, и каким образом будут пользоваться этим имуществом. Однако при расторжении брака большинство семей сталкиваются с проблемами раздела имущества, являющегося собственностью супругов. Число разводов и, как следствие, случаев раздела общего имущества с каждым годом возрастают. Правильное практическое применение и теоретическая разработанность вопросов, связанных с определением личного и общего имущества супругов, порядком его раздела при расторжении брака помогут избежать множества споров в данной области.

Следует отметить, что исследованию договорных обязательств в семейном праве, как в отечественной, так и в зарубежной юридической литературе, уделяется достаточно внимания. Вместе с тем, исследования данной проблематики проводились и проводятся в основном фрагментарно, ограничиваясь изучением лишь отдельных элементов договорных обязательств супругов между собой.

Договорные отношения между супружами существуют давно во многих странах мира, законодательство которых подробно регламентирует порядок заключения брачных договоров, четко определяет правовое положение их участников. Брачный договор в его изначальном смысле целесообразно рассматривать в качестве элемента культурной и социальной систем общества. Особенность брачного договора заключается в его тесной связи, зависимости от брака. Если существование брака без брачного договора возможно, то брачный договор вне брака существовать не может. Поэтому и название данного соглашения – “брачный договор” [1, с. 86].

Брачный договор в Республике Беларусь носит исключительно личный характер и рассматривается как альтернатива режиму общей совместной собственности супругов.

Заключение брачного договора – это право, а не обязанность сторон. Связь брачного договора с браком прослеживается и в том, что действие брачного договора прекращается в момент, когда перестает существовать брак. Исключением являются те обязательства, которые в соответствии со ст. 17 КоВС предусмотрены брачным договором на период после прекращения брака [2].

В брачно-семейном законодательстве Республики Беларусь до настоящего времени отсутствует дефиниция брачного договора, однако его определение можно косвенным образом вывести из целей, поставленных законодателем перед данным институтом.

Так, действовавшая до принятия Закона Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 342-З “О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Беларусь о браке и семье” ст. 13 КоВС устанавливала, что “в целях укрепления брака и семьи, повышения культуры семейных отношений, осознания прав и обязанностей супругов, ответственности за детей и друг за друга лица, вступающие в брак, и супруги могут заключить Брачный договор”.

В новой редакции ст. 13 КоВС несколько изменена формулировка о цели брачного договора: “в целях повышения культуры брачных и семейных отношений и ответственности одного супруга перед другим, определения прав и обязанностей супругов в браке и (или) после его расторжения лица, вступающие в брак, и супруги в любое время и в определенном ими объеме прав и обязанностей вправе заключить Брачный договор”.

Как видим, такая цель брачного договора, как укрепление семьи, исключена. Вместо “осознания прав и обязанностей супругов, ответственности за детей и

друг за друга” появилась более четкая формулировка: “об определении прав и обязанностей супружеского брака и после его расторжения”.

Можно предположить, что исключение понятия “укрепление семьи” как цели брачного договора вызвано тем, что во многих случаях брачные договоры заключались супружескими в связи с предстоящим расторжением брака. Супруги, принявшие решение о расторжении брака, сохранившие уважительные отношения или просто, могущие договориться, принимали решение о распределении имущества, нажитого в период брака, между собой, без обращения в суд. Некоторые это делали из чисто материальных интересов, ведь государственная пошлина за удостоверение брачного договора нотариусом составляет 3 базовые величины, а государственная пошлина с искового заявления имущественного характера, подаваемого в суд, 5% цены иска и зависит от стоимости имущества.

Формулировка такой цели брачного договора, как “определение прав и обязанностей супружеского брака и после его расторжения”, полагаем, появилась, исходя из общего понятия договора. Ведь в соответствии с п. 1 ст. 390 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей [3].

Что касается самого понятия “брачный договор”, то в доктрине существуют различные определения. Так, М.М. Богуславский отмечает, что “брачным договором признается соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супружеского, определяющее права и обязанности супружеского брака и (или) в случае его расторжения” [4, с. 208]. Э.А. Абашин определяет брачный договор как “установленным образом оформленное соглашение лиц, вступающих в брак или пребывающих в браке, определяющее их имущественные права и обязанности как во время пребывания в браке, так и в случае его расторжения” [5, с. 6]. По мнению О.Н. Низамиевой и Р.А. Сакулина, “брачный договор представляет собой своеобразный имущественный кодекс конкретной супружеской пары, детально определяющий практически все имущественные аспекты семейной жизни” [6, с. 66].

Вообще, в национальном праве различных государств, исходя из особенностей семейного законодательства, по-разномудается определение понятия брачного договора. Так, в Семейном кодексе Российской Федерации в ст. 40 сказано, что брачным договором признается соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супружеского, определяющее имущественные права и обязанности супружеского брака и (или) в случае его расторжения [7]. В Семейном кодексе Украины вообще отсутствует определение брачного договора, так же как и цели его заключения [8].

Исходя из вышеизложенного, следует закрепить в КоВС следующее определение брачного договора: “брачный договор – соглашение между лицами, вступающими в брак, или супружескими, направленное на установление, изменение или прекращение их имущественных и (или) личных неимущественных прав и обязанностей в браке и (или) при его расторжении, а также на разрешение других вопросов, если это не нарушает права и законные интересы других лиц и не противоречит законодательству Республики Беларусь”.

Странами брачного договора могут быть как лица, вступающие в брак, так и супруги (независимо от времени пребывания в браке). Для молодоженов брачный договор вступает в силу с момента государственной регистрации брака, а для супружеского – со времени оформления у нотариуса.

Брачный договор может быть заключен в любое время, независимо от времени нахождения в зарегистрированном браке, на неопределенный срок, а также на срок, определенный точной календарной датой или временем наступления какого-то события.

Не исключена возможность заключения брачного договора при условии, когда стороны брачного договора связывают возникновение либо прекращение прав или обязанностей сторон с наступлением либо ненаступлением каких-либо условий. При этом условия, включаемые в брачный договор, могут быть отлагательными либо отменительными в том значении, как это предусмотрено ст. 158 ГК [2].

Брачный договор считается совершенным под отлагательным условием, если супруги возникновение прав и обязанностей поставили в зависимость от обстоятельства, относительно которого неизвестно, наступит оно или не наступит. Например, супруги оговорили в брачном договоре, что режим совместной собственности на нажитое в период брака имущество будет действовать только с момента рождения ребенка.

Брачный договор считается совершенным под отменительным условием, если супруги поставили прекращение прав и обязанностей в зависимость от обстоятельства, относительно которого неизвестно, наступит ли оно или не наступит. Например, супруги оговорили, что режим совместного пользования имуществом, нажитым в период брака, действует лишь во время совместного проживания в Республике Беларусь. В случае выезда на работу или на постоянное жительство за рубеж одного или обоих супругов режим совместной собственности свое действие прекращает.

Необходимо отметить, что в настоящее время в законодательстве Республики Беларусь не раскрывается такое понятие, как “лица, вступающие в брак”. В связи с этим в КоВС видится необходимым ввести его уточнение и четкое закрепление.

Брачный договор, заключаемый между лицами, вступающими в брак, имеет свои особенности. Учитывая, что такой договор может порождать взаимные права и обязанности только для супружей, в случае его заключения лицами, вступающими в брак, он вступает в силу со дня регистрации заключения брака. Если же стороны после заключения брачного договора так и не вступят в брак, то договор не вступит в силу, и, соответственно, не будет порождать для сторон взаимные права и обязанности.

Согласно ч. 2 п. 56 Инструкции о порядке совершения нотариальных действий, если брачный договор заключается между лицами, вступающими в брак, нотариус не истребует документы, подтверждающие это [9].

Приведенная норма позволяет сделать вывод, что в соответствии с законодательством лицами, вступающими в брак, признаются не только подавшие соответствующее заявление о вступлении в брак в органы загса, но и любые лица, изъявившие желание заключить брачный договор.

Однако данный подход видится не в полной мере оправданным, т. к. лица, которые не подали заявление в органы загса о регистрации брака, еще не в полной мере осознают и выражают свое желание вступить в брак, в связи с чем не совсем целесообразно называть их лицами, вступающими в брак. В данном случае они являются лицами, имеющими намерение вступить в брак. На основании вышеизложенного, к лицам, вступающим в брак, следует относить лишь тех, кто уже подал заявление в органы, регистрирующие акты гражданского состояния, что и следует закрепить в нормах КоВС.

Данный подход уже нашел отражение в семейном законодательстве некоторых государств. Например, в ст. 92 Семейного кодекса Украины закреплено, что брачный договор может быть заключен лицами, которые подали заявление о регистрации брака, а также супругами [8].

Заключение

В заключение следует отметить, что каждый самостоятельно принимает решение о заключении брачного договора. Но брачный договор не должен восприниматься в качестве ограничительной меры при заключении брака. Наоборот, он способен помочь закрепить доверительные отношения между супружами. Если пара добровольно принимает решение заключить брачный договор, то это является значительным шагом вперед в развитии общественного правосознания.

В Республике Беларусь в настоящее время заключение брачного договора пока не воспринимается как жизненная необходимость. Однако нужно иметь в виду, что возможность определения брачным договором режима имущества, приобретенного супругами в браке, предупреждает возникновение имущественных споров между сторонами, поскольку даже при рассмотрении споров между супружами и бывшими супружами суд, при наличии брачного договора, руководствуется его положениями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Низамиева, О. Н.** Договорное регулирование имущ. отношений супругов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / О. Н. Низамиева. – Казань, 1999. – 194 л.
2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. ; одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. от 24 октября 2016 г. № 439-З // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : с изм. и доп. от 9 января 2017 г. № 14-З // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО “ЮрСпектр”. – Минск, 2017.
4. **Богуславский, М. М.** Международное частное право : учебник / М. М. Богуславский. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юристъ, 2005. – 604 с.
5. **Абашин, Э. А.** Брачный договор / Э. А. Абашин. – Москва : Форум : Инфра-М, 2002. – 23 с.
6. **Низамиева, О. Н.** Некоторые проблемы формирования содержания брачного договора / О. Н. Низамиева, Р. А. Сакулин // Государство и право. – 2010. – № 3. – С. 66–69.
7. Семейный кодекс Российской Федерации : принят 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ : с изм. и доп. от 14 ноября 2017 г. № 321-ФЗ // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО “ЮрСпектр” – Минск, 2017.
8. Семейный кодекс Украины : принят 10 янв. 2002 г. № 2947-III : с изм. и доп. от 3 октября 2017 г. № 2147-VIII // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО “ЮрСпектр”. – Минск, 2017.
9. Об утверждении Инструкции о порядке совершения нотариальных действий: Постановление Министерства юстиции Республики Беларусь от 23 октября 2006 г. № 63 : с изм. и доп. от 7 апреля 2017 г. № 68 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО “ЮрСпектр”. – Минск, 2017.

Поступила в редакцию 20.12.2017 г.
Контакты: (Омельянович Елена Николаевна)

Omelyanovich E.N. URGENT ISSUES ABOUT MARRIAGE AGREEMENT CONCEPT UNDER THE LAW OF THE REPUBLIC OF BELARUS, THE RUSSIAN FEDERATION AND UKRAINE.

In the article the concept and essence of marriage contract in the legislation of the Republic of Belarus, the Russian Federation and Ukraine are analyzed. Its purpose and subject structure are defined. Exact fixing of the concept of marriage contract and persons having the right to it is offered.

Keywords: marriage contract, property relations of spouses, family legal relationship, marriage, agreement between spouses, marriage registration.

УДК 159.9:34

ОСОБЕННОСТИ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ПРАВОНАРУШИТЕЛЯМИ ИЗ НЕБЛАГОПОЛУЧНЫХ СЕМЕЙ

И. В. Данькова

старший преподаватель

Могилевский институт МВД Республики Беларусь

М. В. Перунов

временно исполняющий обязанности

по должности начальника кафедры правовых дисциплин

Могилевский институт МВД Республики Беларусь

Девиантное поведение несовершеннолетних, и как следствие подростковая преступность, продолжает оставаться актуальной проблемой, которая требует особого подхода, учитываяющего возрастные и психологические особенности формирования личности. Среди причин, оказывающих влияние на возникновение и развитие девиантного поведения, выделяются внешние социальные условия, генетическая предрасположенность, неблагополучные отношения в семье и школьном коллективе, слабое развитие досуга подростка и др. В данной статье исследуются некоторые аспекты интеллектуального и нравственного развития несовершеннолетнего правонарушителя, воспитывающегося в неблагополучной семье, и профилактическая работа с ним.

Ключевые слова: подростковый возраст, девиантное поведение, неблагополучная семья, несовершеннолетний правонарушитель.

Введение

В ходе изучения состояния и динамики преступности несовершеннолетних за последние годы была выявлена устойчивая тенденция к сохранению высокого и одновременно относительно стабильного уровня криминальной активности несовершеннолетних с незначительными колебаниями показателей как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения [1, с. 33].

Так, по Республике Беларусь в 2013 г. было зарегистрировано 2577 преступлений с участием несовершеннолетних, в 2014 г. – 2564 преступления, в 2015 – 2878 преступлений, в 2016 г. наблюдается спад до 1643 преступлений (см. таблицу 1) [2].

Таблица 1 – Динамика преступности несовершеннолетних в Республике Беларусь

Год	Количество преступлений
2013	2577
2014	2564
2015	2878
2016	1643

В общей структуре преступности несовершеннолетних преобладают преступления против собственности (54,6%), на втором месте – хулиганство и преступ-

© Данькова И. В., 2018

© Перунов М. В., 2018

ления, связанные с наркотиками (15,6%), на третьем – угон транспортного средства (5,5%) [3].

Уголовная статистика свидетельствует об омоложении преступности за счет вовлечения в преступную деятельность все большего числа 14–15-летних подростков (29,3%)[3], среди которых подавляющее большинство составляют лица мужского пола (92,7%) [3].

Криминологическая характеристика несовершеннолетних преступников по образовательному признаку позволяют выделить следующие группы: обучающиеся учреждений общего среднего образования (32,2%), обучающиеся учреждений профессионально-технического образования (41,2%), студенты высшего и среднего специального образования (7,1%), довольно большая часть несовершеннолетних преступников на момент совершения преступления не учились и не работали (19,5%) [3].

Значительное влияние на формирование личности несовершеннолетнего преступника оказывает семья, что подтверждается статистическими данными: многие несовершеннолетние преступники воспитывались в неполной семье (28,1%), третья часть преступников состояла на учете в органах внутренних дел (31,6%) [3].

Нельзя оставить без внимания и вопросы насилия в семье. Жизнь детей, воспитывающихся в неблагополучных семьях из-за жестокого обращения, пьяных дебошей, отсутствия элементарной заботы о детях часто находится под угрозой. Для обеспечения защиты прав и законных интересов данной категории детей, а также повышения ответственности родителей, не выполняющих обязанностей по воспитанию и содержанию своих детей, Президентом Республики Беларусь в 2006 г. был принят Декрет № 18 “О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях”. Декретом предусмотрена возможность изъятия ребенка, находящегося в социально опасном положении, из семьи и помещение его на государственное обеспечение (так называемые социальные сироты). Данная мера направлена на защиту прав и законных интересов ребенка, предупреждение раннего бродяжничества, побегов из дома, полной социальной незащищенность как от жестокого обращения в семье, так и от влияния преступного мира [1, с. 42].

Однако не исключен тот факт, что несовершеннолетние сами являются источниками домашней агрессии в отношении своих близких родственников. Так, по республике в первом полугодии 2017 г. к административной ответственности за совершение правонарушений в области домашнего насилия привлечено 49 несовершеннолетних, из них 5 – лиц женского пола (в 2016 г. – 141, из них 9 – лиц женского пола) [2].

Статистика актуализирует вопросы профилактики подростковой преступности. В тоже время, к сожалению, правоприменительная практика и статистические данные в этой части свидетельствуют о необходимости совершенствования существующей в настоящее время системы предупреждения и профилактики правонарушений с целью качественного изменения положения дел в области социальных девиаций среди несовершеннолетних.

Основная часть

Значимость активизации профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями трудно переоценить, поскольку речь идет о будущем белорусского общества. В связи с этим целенаправленное формирование граж-

данственности, духовно-нравственное и правовое воспитание подростков должны стать одним из действенных средств развития социальной активности, не-примиримости к проявлениям отклонений в любой форме.

В Республике Беларусь вопросы воспитания подростков и контроля за их поведением находятся в сфере компетенции значительного количества государственных органов и общественных объединений: правоохранительные органы, различного рода социальные учреждения, педагогические коллективы школ, комиссии по делам несовершеннолетних и др. И в тоже время наличие многих факторов, таких как неблагополучные отношения в семье, негативное влияние микросреды, недостаточно высокий уровень воспитательной работы учебных заведений, употребление подростками алкоголя, психотропных веществ и наркотических средств, негативное воздействие средств массовой информации, недостатки деятельности правоохранительных органов и другие, не позволяют скорректировать отклоняющееся поведение среди несовершеннолетних, а как следствие – снизить уровень подростковой преступности.

Семья, как социальный институт – важнейшая для подростка микросреда, в которой происходит процесс формирования личности, приобретения жизненного опыта, усвоения ценностей, норм и правил поведения. Семья несет в себе огромный воспитательный потенциал. Однако в семьях несовершеннолетних правонарушителей этот потенциал ослаблен либо совсем не реализуется. Семьи, которые не обеспечивают приспособление ребенка к условиям общественной жизни, выполнению социальных норм, являются дезадаптирующими по своей сути. Для них характерно отчуждение родителей от ребенка, отсутствие должного контроля за его поведением, нарушение либо отсутствие эмоциональных связей в семье. Наличие указанных факторов, наряду с присутствием родительского алкоголизма, низкого культурного уровня, педагогической некомпетентности, дисгармонией в отношениях, влечет за собой деформацию детской личности в сторону отчуждения, и как следствие приводит к отклоняющемуся поведению [4, с. 8].

Все вышесказанное актуализирует необходимость изучения проблем неблагополучной семьи, в которой воспитывается несовершеннолетний правонарушитель.

Существует множество подходов к дефиниции понятия семьи. Так, С.И. Ожегов в толковом словаре русского языка определяет семью как:

- группу живущих вместе родственников;
- единство, объединение людей, сплоченных общими интересами [5, с. 711].

Кодекс Республики Беларусь о браке и семье, вступивший в силу с 01.09.1999 г., в ст. 59 дает следующее определение семьи: “Семья – это объединение лиц, связанных между собой моральной и материальной общностью и поддержкой, ведением общего хозяйства, правами и обязанностями, вытекающими из брака, близкого родства, усыновления” [6, ст. 59].

Основываясь на нормативной дефиниции семьи, можно выделить следующие ее признаки:

- наличие объединения лиц, образующих семью и являющихся ее членами;
- существование между членами семьи брачного или родственного характера отношений;
- взаимная моральная и материальная общность и поддержка;
- наличие у членов семьи личных неимущественных и имущественных прав и обязанностей [7, с. 20].

Одной из главных функций семьи является воспитание детей. Именно в семье происходит формирование личности несовершеннолетнего, а на этот процесс непосредственное влияние оказывают следующие факторы:

- образ жизни, поведения, нравственный и культурный уровень матери и отца;
- взаимоотношения между отцом и матерью;
- отношение родителей к своему ребенку;
- осознание и понимание целей, задач и средств семейного воспитания, способов их достижения.

Авторами данной статьи проведено социально-психологическое исследование с целью определения неблагополучия семьи в системе доминирующих факторов, оказывающих влияние на формирование отклоняющегося поведения.

Методологической основой исследования явились следующие методы: беседа, наблюдение, биографический метод, анкетирование.

Экспериментальную группу составили 60 подростков в возрасте от 14 до 16 лет, воспитывающихся в неблагополучных семьях и состоящих на учете в инспекциях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел.

В контрольную группу вошли 70 подростков в возрасте от 14 до 16 лет, воспитывающихся в неблагополучных семьях и не состоящих на учете в инспекциях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел.

В ходе проведения эксперимента контрольная и экспериментальная группы были сопоставимы по возрасту, социальному и семейному положению, уровню развития и ряду других признаков.

Так, 23% опрошенных подростков экспериментальной группы и 24% опрошенных подростков контрольной группы являются единственным ребенком в семье, одинаковое количество респондентов контрольной и экспериментальной групп, а именно 69%, имеют брата или сестру, и 8% опрошенных подростков экспериментальной группы и 7% опрошенных подростков контрольной группы воспитываются в многодетных семьях с тремя и более детьми в возрасте до 18 лет.

При сравнении образовательного уровня подростков, был выявлен тот факт, что 38% респондентов, составляющих контрольную группу и 73% несовершеннолетних, составляющих экспериментальную группу, удовлетворительно справляются с учебной программой, 58% опрошенных подростков из контрольной группы и 27% респондентов из экспериментальной группы хорошо справляются с учебной программой. На “отлично” учатся 4% респондентов контрольной группы, в то время как в экспериментальной группе таких нет.

Кроме того, в данном исследовании особый акцент был сделан на неблагополучии семей и контрольной, и экспериментальной групп. Так, у 64% респондентов из контрольной группы и у 71% респондентов экспериментальной группы оба родителя ведут аморальный образ жизни, что проявляется в злоупотреблении спиртными напитками. 72% опрошенных подростков из контрольной группы и 93% опрошенных подростков из экспериментальной группы отметили, что их родители привлекались к административной ответственности, а 15% респондентов из контрольной группы и 24% респондентов из экспериментальной группы указали на то, что их родители (чаще отец) – ранее судимы.

Полученные данные позволяют констатировать тот факт, что большинство родителей в недостаточной мере занимается воспитанием своих детей или вообще не уделяет им внимания. Равнодушные родителей, а порой жестокость, неумение или нежелание строить полноценные взаимоотношения со своими детьми, а

также негативный опыт семейных отношений порождают обратную реакцию со стороны подростков, которые в свою очередь испытывают чувство боязни или ненависти к своим родителям и пытаются найти взаимопонимание на улице, и нередко в криминальной среде, что и приводит к различным формам отклоняющегося поведения.

В процессе проведения исследования была затронута проблема свободного времени и образа жизни подростков. Для чего подросткам был задан вопрос “Есть ли у Вас свободное время и как Вы его проводите?”. Ответы в контрольной и экспериментальной группе представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Ответы респондентов на вопрос “Есть ли у Вас свободное время и как Вы его проводите?”

Ответы респондентов	Контрольная группа (%)	Экспериментальная группа (%)
У меня нет свободного времени	14	8
Читаю, смотрю телевизор	5	4
Нахожусь дома, общаюсь в социальных сетях	10	7
Занимаюсь спортом	52	18
На улице, в компании правопослушных сверстников	17	25
На улице, в компании сверстников, состоящих на учете в ИДН	1	34
На улице, среди лиц, ранее судимых	1	4

Анализ результатов опроса респондентов позволил сделать обоснованный вывод о том, что подростки экспериментальной группы в свободное от учебы время практически ничем не заняты и проводят его на улице, и нередко в криминальной среде, что и приводит к различным формам отклоняющегося поведения.

По данным проведенного анкетирования 61% опрошенных несовершеннолетних экспериментальной группы регулярно (по праздникам) употребляют алкоголь, 17% – выпивают при любой возможности, что свидетельствует о том, что у этих подростков начинает формироваться или уже сформировалась зависимость от алкоголя. 22% – употребляли алкоголь однажды и им не понравилось. При этом большинство подростков экспериментальной группы (58%) указало на то, что употребление спиртных напитков – это своего рода семейная традиция.

В контрольной же группе 17% опрошенных подростков регулярно (по праздникам) употребляют алкоголь, 4% выпивают при любой возможности, 79% – употребляли алкоголь однажды и им не понравилось.

Что касается наркотических средств, то 24% из числа опрошенных подростков экспериментальной группы и 2% опрошенных подростков контрольной группы имели единичные случаи их употребления. 6% респондентов экспериментальной группы отметили, что пробовали наркотические средства не один раз и им понравилось их воздействие.

Незанятость подростков, отсутствие должных условий проведения досуга, общение несовершеннолетних с лицами, ведущими антиобщественный образ жизни, а также отрицательные примеры поведения родителей и лиц, их заменя-

ющих, приводят к алкоголизации и наркомании, что в свою очередь ведет к росту преступности среди несовершеннолетних.

Кроме вышеназванных причин, в качестве факторов, способствующих совершению правонарушений несовершеннолетними можно выделить совершение противоправных деяний в прошлом, наличие психической аномалии, повышенную внушаемость, низкий образовательный и общий культурный уровень родителей и др.

Таким образом, социальные девиации среди подростков являются результатом взаимодействия различных негативных проявлений личности и окружающей ее среды. Для того чтобы снизить число несовершеннолетних правонарушителей необходимо проводить комплексные профилактические мероприятия. Успешное планирование и осуществление данного вида деятельности возможно только на основе знания криминогенной обстановки в городе, районе, микрорайоне, данных о наличии неформальных групп несовершеннолетних, их количественных и качественных характеристиках, а также сведений об особенностях личности подростка, его положения в семье, школе, трудовом коллективе.

Выделяют два основных подхода к профилактической работе с несовершеннолетними правонарушителями: общесоциальный и специальный.

Общесоциальная профилактика – это система государственных органов, общественных объединений, деятельность которых специально не направлена на борьбу с преступностью. Ее субъектами могут быть институты, органы, граждане при условии, что их деятельность косвенно помогает устраниению или нейтрализации причин и условий, способствующих совершению правонарушений и преступлений.

Специальная профилактика – это система специализированных государственных органов, общественных объединений, деятельность которых направлена на борьбу с преступностью. Элементами специальной профилактики являются общая и индивидуальная профилактика [8].

Общая профилактика заключается в выявлении, проведении анализа и выработке мероприятий, направленных на устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений.

Индивидуальная профилактика заключается в выявлении лиц, склонных к совершению правонарушений и оказании на них воспитательного воздействия. Она представляет собой непрерывный процесс воспитания, осуществляемый в узкоспециальных целях – не допустить с их стороны совершения проступков и преступлений [8].

Кроме того, большое значение в работе с несовершеннолетним правонарушителями имеет ранняя профилактика, которая представляет собой комплекс мер, направленных на устранение негативного влияния на подростков из их ближайшего окружения, на улучшение условий их жизнедеятельности, а также на оказание сдерживающего и корректирующего воздействия на подростков с девиациями.

В основе профилактической работы лежит два основных метода: убеждение и принуждение. Убеждение – целенаправленное воздействие на внутренний мир и поведение подростка в целях устранения из структуры его личности негативных потребностей, интересов, установок, ценностных ориентаций и формирования новых, социально одобряемых. Метод принуждения играет определенную вспомогательную роль, когда этого требует закон или меры убеждения не привели к желаемому результату [9, с. 42, 45].

Заключение

Учитывая вышеизложенное, необходимо отметить тот факт, что все названные приемы имеют большое значение для повышения эффективности профилактической деятельности, позволяют своевременно остановить подростка в его личностной деградации, напомнить ему о неизбежной ответственности перед обществом за содеянное. В этой связи, первостепенной задачей в профилактике правонарушений несовершеннолетних является изменение структуры их потребностей, интересов посредством включения в общественно полезные виды деятельности. Кроме того, в этом виде профилактики немаловажное значение имеет работа с неблагополучными семьями, в которых взрослые оказывают пагубное влияние на несовершеннолетних [10, с. 104].

Анализ причин девиантного поведения несовершеннолетних, проведенный на основе результатов социально-психологического исследования, позволил выявить необходимость акцентирования внимания при работе с подростками на изучении их личностных характеристик, психического здоровья, роли внешнего контроля и самоконтроля.

Поскольку семья является доминирующим фактором в формировании личности несовершеннолетних, необходимо активно использовать ее школой и правоохранительными органами для коррекции поведения подростков. Усиление взаимодействия между указанными субъектами будет способствовать достижению более высоких результатов в решении общей задачи борьбы с преступностью несовершеннолетних, чем обеспечит комплексный подход и единство деятельности субъектов предупреждения правонарушений среди подростков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Горонин, П. В.** Психолого-педагогические аспекты профилактики правонарушений среди несовершеннолетних : метод. рекомендации / П. В. Горонин, О. Э. Схопчик ; М-во внутренн. дел Респ. Беларусь, 2006. – 55 с.
2. Министерство внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/>. – Дата доступа: 27.09.2017.
3. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 27.09.2017.
4. Профилактика правонарушений и формирование правовой культуры учащихся / сост. И. В. Журлова. – Минск : Красико – Принт, 2014. – 96 с.
5. **Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю.** Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – Москва : Азбуковник, 1999. – 944 с.
6. КоБС Кодекс Республики Беларусь о браке и семье: Закон Республики Беларусь, 9 июля 1999 г. № 278-З : с изм. и доп. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2017.
7. **Пенкрант, В. И.** Семейное право Беларуси : учеб. пособие / В. И. Пенкрант ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования “Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь”. – Минск : Акад. МВД, 2012.
8. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Закон Республики Беларусь от 31 мая 2003 г. № 200-З : в ред. Закона Республики Беларусь от 09.01.2017 г. [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
9. **Юрчук, В. В.** Современный словарь по психологии / В. В. Юрчук. – Минск : Современное слово, 1998. – 768 с.

10. **Данькова, И. В.** Социальные девиации среди несовершеннолетних и их профилактика / И. В. Данькова // Сборник научных работ Международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и студентов “Управление социально-экономическими системами и правовые исследования: теория, методология и практика”. – Брянск : ИЭиП БГУ, 2017. – С. 101–104.

Поступила в редакцию 16.06.2017 г.

Контакты: ira_dankova@mail.ru (Данькова Ирина Валерьевна)
perunovmaxim@gmail.com (Перунов Максим Викторович)

Dankova I.V., Perunov M.V. SOME FEATURES OF PREVENTIVE WORK WITH JUVENILE OFFENDERS FROM DYSFUNCTIONAL FAMILIES.

Deviant behaviour of juveniles and, as a consequence, juvenile delinquency continue to be an urgent problem, requiring a special approach that takes into consideration the age and psychological features of personality formation. External social conditions, genetic predisposition, unhappy relationships in the family and school community, bad leisure management of teenagers are emphasized among the reasons which influence the formation and development of deviant behaviour. Some aspects of the intellectual and moral development of a juvenile offender being brought up in a dysfunctional family, and preventive work with him are researched in the article.

Keywords: adolescence, deviant behaviour, dysfunctional family, juvenile offender.

УДК 347(075.8)

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВЕЩНЫХ ПРАВ НА ЗЕМЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

О. В. Гогонова,

старший преподаватель кафедры правоведения

Международный Университет “МИТСО”

Гомельский филиал

В статье характеризуются вещные права на земельные участки, юридических лиц, имущество которых принадлежит им на праве хозяйственного ведения и оперативного управления. На основе анализа юридической литературы по рассматриваемой теме автором высказаны собственные суждения по вопросу исследуемой темы.

Ключевые слова: юридические лица, казенные предприятия, хозяйственное ведение, оперативное управление, земельный участок.

Введение

Анализируя вещные права, установленные Гражданским кодексом Республики Беларусь (далее – ГК), а также Указом Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2007 г. № 667 “Об изъятии и предоставлении земельных участков”, законодатель предоставляет субъектам земельных правоотношений земельные участки:

- 1) гражданам на праве временного пользования, пожизненного наследуемого владения, частной собственности или аренды;
- 2) индивидуальным предпринимателям на праве аренды;
- 3) юридическим лицам Республики Беларусь на праве постоянного или временного пользования, частной собственности или аренды, юридическим лицам, не являющимся резидентами Республики Беларусь, – на праве аренды [1].

Наше внимание особо сосредоточено на вопросе, относительно предоставления земельных участков юридическим лицам, имущество которых принадлежит на праве хозяйственного ведения и оперативного управления.

Основная часть

Д.В. Петров разграничивает право хозяйственного ведения и право оперативного управления от права собственности исключительно тем, что “...их строго установленные рамки определены не только законом, но и в определенных законах пределах собственником имущества”. В остальном указанные вещные права, по общему правилу, обеспечивают “хозяйственное (экономическое) господство” их носителей над принадлежащим имуществом. При этом указание на “господство” следует понимать как “исключительную возможность лица, присвоившего конкретное имущество, по своему усмотрению и, руководствуясь собственными интересами, а не указаниями иных лиц, решать, каким образом использовать свое имущество” [2, с. 49].

При всей внешней очевидности утверждения о том, что объектами права хозяйственного ведения и оперативного управления может быть то же самое

имущество, которое является объектом права собственности, следует признать, что данный тезис влечет значительные последствия, но, к сожалению, не всегда воспринимается правоприменительной практикой. Так, анализ гражданского законодательства приводит к выводу об отсутствии конкуренции между нормами о специальных вещных правах на земельные участки (право пожизненного наследуемого владения и право постоянного (бессрочного) пользования) и нормами о правах хозяйственного ведения и оперативного управления.

Согласно ст. 210 ГК, "...собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие законодательству, общественной пользе и безопасности, не наносящие вреда окружающей среде, историко-культурным ценностям и не ущемляющие права и защищаемых законом интересов других лиц, в том числе отчуждать свое имущество в собственность другим лицам, передавать им, оставаясь собственником, права владения, пользования и распоряжения имуществом, отдавать имущество в залог и обременять его другими способами, а также распоряжаться им иным образом.

Право собственности на имущество, приобретенное унитарным предприятием, государственным объединением или учреждением по договорам или иным основаниям, приобретается собственником имущества этого унитарного предприятия, государственного объединения или учреждения.

Владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами в той мере, в какой их оборот допускается законодательством, осуществляется их собственником свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает права и защищаемые законом интересы других лиц" [3].

Это позволяет обосновать право государственного собственника передать свой земельный участок соответствующему юридическому лицу не только на право постоянного пользования, но и на правах хозяйственного ведения и оперативного управления.

Тогда уже этот субъект будет осуществлять полномочия собственника земли в пределах своих прав, определенных в гл. 19 ГК, в том числе, сможет (если это не противоречит Кодексу Республики Беларусь о земле) предоставлять свою землю в пожизненное наследуемое владение. Распоряжение земельными участками как недвижимым имуществом со стороны унитарных предприятий будет ограничено необходимостью получения согласия собственника (ст. 278 ГК). Для учреждений правила о порядке распоряжения принадлежащим имуществом, в том числе земельными участками, закреплены в ст. 279 ГК.

По мнению Б.В. Ерофеева, В.И. Кошкина, В.М. Шупыро право хозяйственного ведения и право оперативного управления не могут быть установлены на землю, так как для нее предусмотрены особые ограниченные вещные права – право пожизненного наследуемого владения и право постоянного (бессрочного) пользования [4, с. 94].

О.И. Крассов, Ю.П. Орловский, Н.А. Ушакова, прямо утверждают и подчеркивают, что указанные вещные права на землю установлены быть не могут [5, с. 34].

По мнению С.А. Боголюбова, противоположной точки зрения, по всей видимости, придерживаются не многие исследователи [6, с. 42].

Данные противоречия по поводу определения вещных прав не определены как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь.

Законодательство же не исключает возможности установления прав хозяйственного ведения и оперативного управления на землю. В противном

случае, унитарные предприятия и учреждения окажутся в неправомерно ущербном положении по сравнению с другими юридическими лицами, которые будут иметь возможность приобретать землю на разных правовых основаниях, в том числе в качестве собственного имущества. Это противоречило бы принципу равенства участников гражданских правоотношений (ст. 2 ГК) и принципу ограничения правоспособности юридического лица лишь “в случаях и в порядке, предусмотренных законом” (ст. 45 ГК). Таких ограничений в законе нет.

Мало того, уже исследованные нормы ст. 280 ГК позволяют говорить о возможности приобретения субъектами права хозяйственного ведения и права оперативного управления указанных прав на землю, так же как и на любое другое имущество. При этом отсутствие особого указания в гл. 17 ГК на то, что объектом данных прав может быть и земельный участок не может служить аргументом к опровержению заданного тезиса. Так, например, в гл. 18 ГК, регулирующей “право собственности и другие вещные права на жилые помещения”, прямо ни слова не говорится о допущении принадлежности на право хозяйственного ведения и право оперативного управления жилых помещений. Это, однако, вряд ли даст кому-либо возможность утверждать, что ГК не допускает владение предприятием или учреждением на указанных правах квартирами и иными жилыми помещениями. Такому же пониманию оборота земли способствует анализ норм ГК о залоге, приводящий к выводу о возможности существования права хозяйственного ведения на земельный участок. Земля названа как один из предметов залога в п. 2 ст. 315 ГК и в ст. 6 Закона Республики Беларусь “Об ипотеке”. В п. 2 ст. 316 ГК и п. 1 ст. 7 Закона Республики Беларусь “Об ипотеке” установлено, что залогодателем может быть лицо, владеющее имуществом – предметом залога на правах собственности либо хозяйственного ведения. Единственным значительным отличием этих двух вещных прав является то, что передача имущества в ипотеку лицом, за которым это имущество закреплено на праве оперативного управления или безвозмездного пользования, не допускается, а при хозяйственном ведении – возможно [7].

Пункты 1–2 ст. 214 ГК указывают, что “...в собственности граждан и юридических лиц может находиться любое имущество, за исключением отдельных видов имущества, которое в соответствии с законом не может находиться в собственности граждан или юридических лиц.

Количество и стоимость имущества, находящегося в собственности граждан, не ограничиваются, за исключением случаев, когда такие ограничения установлены законом в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. Для юридических лиц такие ограничения могут быть установлены законодательными актами” [3].

Следовательно, на основании п. 2 ст. 280 ГК это правило распространяется и на субъектов права хозяйственного ведения и права оперативного управления. Закон не исключает нахождение земли в собственности, а следовательно, и на исследуемых вещных правах.

Законодатель в ст. 12 Кодекса Республики Беларусь о Земле определяет, что “собственность на землю, земельные участки может быть государственной и частной. Земли, земельные участки, не находящиеся в частной собственности граждан, негосударственных юридических лиц Республики Беларусь (далее – частная собственность, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом) и в

собственности иностранных государств, международных организаций, находятся в собственности государства..." [8].

В соответствии со ст. 216 ГК "имущество, находящееся в государственной собственности, может закрепляться за государственными юридическими лицами на праве хозяйственного ведения или оперативного управления" [2]. Никаких ограничений публичных собственников на закрепление принадлежащего им имущества за унитарными предприятиями и учреждениями законодательство не содержит. Следовательно, законодатель допускает возможность установления права хозяйственного ведения и права оперативного управления на земельный участок. Изложенного, к сожалению, не замечают и правоприменительные органы Республики Беларусь.

Необходимо подчеркнуть, что установление законодателем правила о том, что земельные участки, на которых расположены унитарные предприятия и государственные учреждения, (закрепляются) предоставляются юридическому лицу только на праве постоянного или временного пользования, что не изменяет приведенных выше выводов. Причина этого в том, что в данных нормах речь идет об ограничении предоставления на данном праве земель другим лицам и, во всяком случае, не о запрете собственнику закреплять принадлежащую ему землю на праве хозяйственного ведения за унитарным предприятием, на праве оперативного управления – за учреждением или казенным предприятием, данным собственником учрежденных. Иными словами, норма стст. 15–16 Кодекса Республики Беларусь о Земле является ограничением перечня субъектов права постоянного (бессрочного) и временного пользования земельным участком, а вовсе не ограничением перечня вещных прав, на которых унитарные предприятия и учреждения могут владеть земельными участками.

Очевидно, что возможное возражение в этих ситуациях о возникновении, у унитарного предприятия (учреждения) права постоянного (бессрочного) и временного пользования земельным участком, попросту не будет соответствовать законодательству. Право постоянного (бессрочного) и временного пользования земельным участком возникает исключительно в соответствии с "законодательными актами. Решениями Президента Республики Беларусь могут устанавливаться и иные случаи предоставления земельных участков в постоянное и временное пользование". Возникновение указанного права на основании сделки, в том числе договора, законодательством не предусмотрено [1].

К сожалению, следует констатировать, что законодателем оказался проигнорирован тот факт, что гражданское законодательство (ст.ст. 210, 216 ГК и др.) не исключает установления права хозяйственного ведения и права оперативного управления на земельные участки. И, по всей видимости, указанную выше норму стст. 15–16 Кодекса Республики Беларусь о Земле законодатель хотел смоделировать в качестве исключающей принадлежность земельного участка унитарному предприятию или государственному учреждению на праве хозяйственного ведения и праве оперативного управления.

Тем не менее, не вызывает сомнений, что причиной создания таких громоздких правовых конструкций землепользования является именно непризнание за субъектами права хозяйственного ведения и права оперативного управления возможности владеть на данных правах земельными участками. Если бы законодатели Кодекса Республики Беларусь о земле такое право за унитарными предприятиями и учреждениями признали, то проблема была бы разрешена сама собой.

Прямым основанием для такого подхода была бы статья 280 ГК. Так, как собственники зданий могут приобрести занимаемые зданием земельные участки в собственность, унитарные предприятия и учреждения могли бы приобрести занимаемые им недвижимостью земельные участки на соответствующих правах обособления собственного имущества (право хозяйственного ведения и право оперативного управления).

Таким образом, по нашему мнению, если юридические лица, имеющие имущество на праве хозяйственного ведения или оперативного управления являются государственными, то земельные участки им могут быть предоставлены на соответствующих правах.

Исходя из изложенного, а также на основании Указа Президента Республики Беларусь № 667 от 27 декабря 2007, вид вещного права, на котором может быть предоставлен земельный участок, определяется в соответствии с законодательными актами в зависимости от целей его использования и с учетом требований Указа Президента № 667, приведенная точка зрения о возможности предоставления земельных участков юридическим лицам на праве хозяйственного ведения и оперативного управления имеет место быть.

Заключение

Рассмотрев некоторые аспекты законодательства можно установить, что объектами права хозяйственного ведения и оперативного управления может быть любое имущество, способное быть объектом права собственности (в той степени, в которой противоположное прямо не предусмотрено законом). Отсутствует конкуренция между нормами о специальных вещных правах на земельные участки (право пожизненного наследуемого владения и право постоянного, временного пользования) и нормами о правах хозяйственного ведения и оперативного управления. Таким образом, земельные участки могут принадлежать соответствующим лицам на праве хозяйственного ведения и праве оперативного управления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Об изъятии и предоставлении земельных участков: Указ Президента Республики Беларусь, 27 дек. 2007 г. № 667, (с изм. и доп. 24 сент. 2015 г.) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО "ЮрСпектр", Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017. – Дата доступа: 02.11.2017.
2. **Петров, Д. В.** Право хозяйственного ведения и право оперативного управления / Д. В. Петров. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2002. – 347 с.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г., (изм. и доп. 16.05.2017 г.) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО "ЮрСпектр", Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017. – Дата доступа: 02.11.2017.
4. **Ерофеев, Б. В.** Земельное право : учебник / Б. В. Ерофеев, В. И. Кошкин. – 9-е изд., перераб. – Москва : Юрайт-Издат, 2004. – 656 с.
5. **Крассов, О. И.** Земельное право / О. И. Крассов. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва, 2014. – 608 с.
6. **Боголюбов, С. А.** Комментарий к земельному кодексу Российской Федерации / С. А. Боголюбов. – Издательство "Проспект", 1998. – 332 с.
7. Об ипотеке : Закон Республики Беларусь, 20 июня 2008 г. № 345-З (с изм. и доп. 12 июля 2013 г.) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО "ЮрСпектр", Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017. – Дата доступа: 02.11.2017.

8. Кодекс Республики Беларусь о земле : принят Палатой представителей 17 июн. 2008 г. : одобрен Советом Респ. 28 июн. 2008 г., (изм. и доп. 24.10.2016 г.) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО "ЮрСпектр", Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017. – Дата доступа: 02.11.2017.

Поступила в редакцию 20.12.2017 г.
Контакты: beimanova.olga@mail.ru (Гогонова Ольга Викторовна)

Gogonova O.V. DETERMINING LEGAL PERSON'S PROPERTY INTEREST IN LAND.

In the article the author describes the property rights to land plots and legal entities whose property belongs to them by the right of economic management and operational management. Taking into account legal literature on the topic the author expresses his own views on the research topic.

Keywords: legal entity, state enterprise, economic management, operational management, land.

ДЛЯ ЗАЎВАГ

Пераклад тэкстаў рэфератаў артыкулаў
на англійскую мову
Я.В. Рубанава

Тэхнічны рэдактар *А.Л. Пазнякоў*
Камп'ютарны набор і вёрстка *А.Л. Пазнякоў*
Карэктар *І.Г. Латушкіна*

Падпісана да друку 15.03.2018 г.
Фармат 70x108¹/₁₆. Папера афсетная. Гарнітура Petersburg.
Ум.-друк. арк. 10,5. Ул.-выд. арк. 11,0. Тыраж 100 экз. Заказ 2887.

Установа аддукцыі “Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А.А. Куляшова”, 212022, Магілёў, Касманаўтаў, 1.
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвалыніка друкаваных выданняў № 1/131 ад 03.01.2014 г.

Унітарнае паліграфічнае камунальнае прадпрыемства
“Магілёўская абласная ўзбуйненая друкарня імя С. Собала”
ЛП № 02330/23 ад 30.12.2013 г.
вул. Першамайская, 70, 212030, г. Магілёў